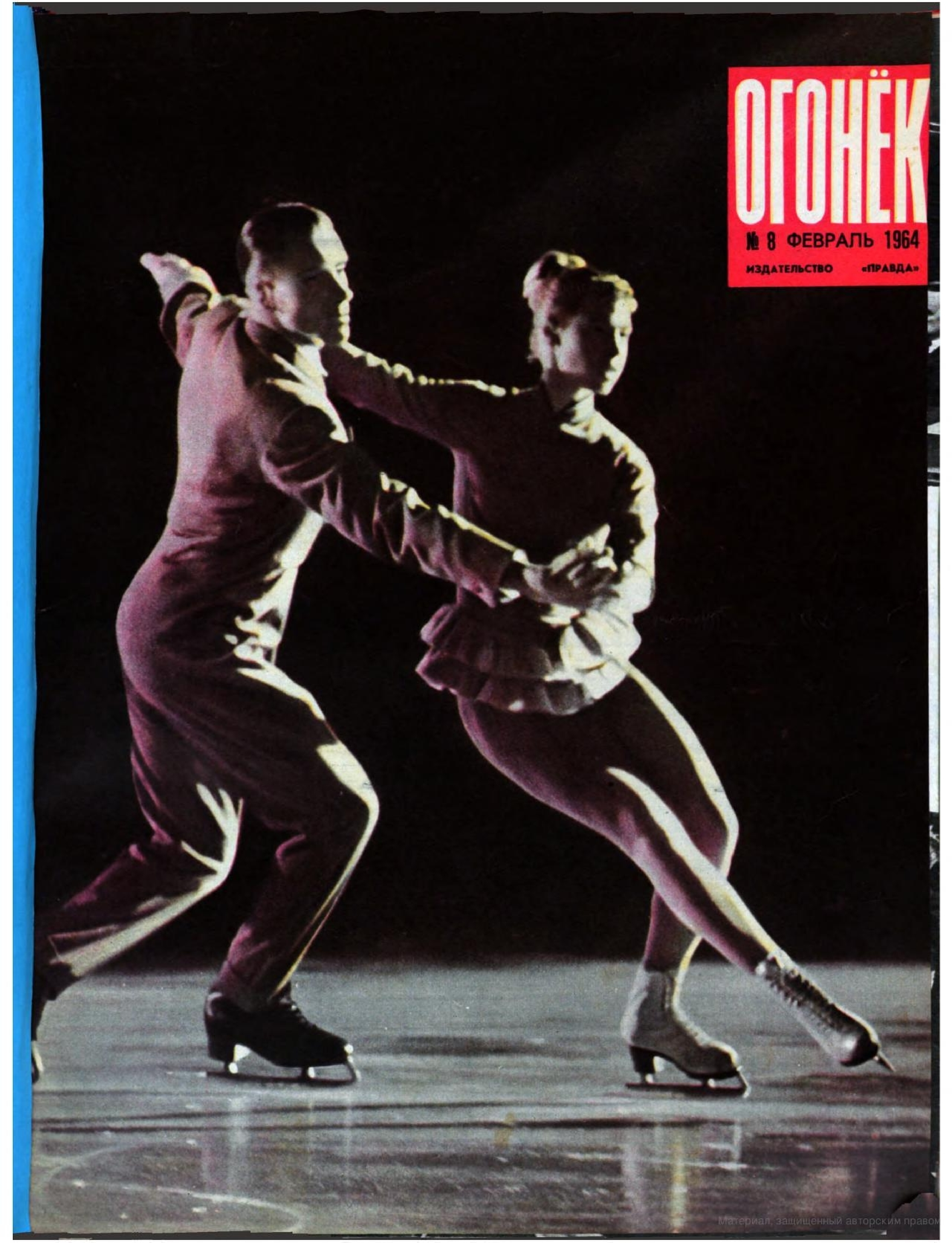

ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На киевском аэродроме проходил смотр авиационной сельскохозяйственной техники, посвященный февральскому Пленуму ЦК КПСС. Это загрузочное приспособление для сыпучих химикатов смонтировано на тракторе «Беларусь». Две минуты — и самолет готов к вылету на поля!..

Фото Н. Козловского и А. Голикова.

Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Никита Сергеевич Хрущев открывает Пленум ЦК КПСС.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ПАРТИИ И НАРОДА

В зале заседаний Большого Кремлевского дворца.

Фото Я. Рюмкина.

10 февраля в Большом Кремлевском дворце открылся Пленум ЦК КПСС. Его участники — руководители партии и правительства, ученые, труженики полей — решали вопрос об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

Интенсивно вести сельское хозяйство, говорит Никита Сергеевич Хрущев,— значит умело использовать сельскохозяйственную науку и технику, минеральные и органические удобрения, хорошо поставить семеноводство и племенное дело, правильно организовать труд, вести борьбу за экономию, снижение себестоимости продукции и повышение производительности труда.

Выступавшие на Пленуме говорили, что интенсификация сельского хозяйства — насущная задача сегодняшнего дня. Решение этой задачи по плечу всем совхозам и колхозам. Наша индустрия оснастила сельское хозяйство современной техникой, развитой химической промышленностью. Советские ученые создали высокоурожайные сорта зерновых и других культур, новые породы продуктивного скота. Все шире внедряются механизация и автоматика, новая технология работы на полях.

Перестройка партийных органов по производственному принципу, создание колхозно-совхозных управлений и парткомов позволили ежедневно контролировать положение дел в колхозах и совхозах. Это дает полную возможность для улучшения руководства сельским хозяйством, повышения уровня организаторской и политической работы.

Выступавшие на Пленуме говорили о том, как важно правильно использовать землю для получения максимального количества продукции. А это зависит от эффективного использования органических и минеральных удобрений. Искусству рационального применения удобрений надо обучить каждого земледельца и механизатора. Нужно лучше использовать и орошаемые земли, которые ежегодно дают хорошие урожаи зерна.

Труженики полей, высказывая свои задушевные мысли, говорили о том, что у нас не должно быть экономически слабых хозяйств. Ведь для этого нет никаких объективных причин. Все колхозы и совхозы будут хорошими, крепкими. Достойный пример того, как надо опираться на химию и механизацию, на достижения науки и передового опыта, показали труженики Кубани. Они решили в этом году резко увеличить производство зерна и других продуктов, дать государству 230—250 миллионов пудов хлеба.

Главное сейчас — хорошо подготовиться к весеннему севу и организованно провести его, заложить основы высокого урожая. Вести хозяйство интенсивно, самоотверженно трудиться на полях и фермах, чтобы в этом году взять новые, еще более высокие рубежи в развитии сельского хозяйства.

В перерыве между заседаниями. Слева направо: секретарь парткома Сельхозуправления Удмуртской АССР Д. Акатьев, знаменитые украинские звеньевые Герой Социалистического Труда Н. Г. Заглада и дважды Герой Социалистического Труда А. М. Ладани, министр производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов Удмуртии Ф. Дегтев.

Доярка совхоза имени 40-летия Азербайджанской ССР Г. Авизова, механизатор колхоза имени 1-го Мая Г. Ахмедов из Азербайджана, директор крымского птицесовхоза «Красный» В. Ф. Марчик и бригадир тракторной бригады из Белоруссии В. Купцов.

Механизатор-хлопкороб из Туркмении К. Хыдырова и звеньевая по свекле из Воронежской области И. С. Щербакова.

В обстановке товарищеской откровенности и дружбы прошла состоявшаяся 8 февраля в Кремле встреча Первого секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Н. С. Хрущева с делегацией Партии трудящихся Вьетнама, возглавляемой первым секретарем ЦК ПТВ товарищем Ле Зуаном.

На снимке: руководители Коммунистической партии Советского Союза с делегацией Партии трудящихся Вьетнама.

Фото А. Устинова и А. Сухомлинова

Руководитель Львовского специального конструкторского бюро Т. Ростовцева, академик Академии наук Киргизии А. Мамытов, академик К. И. Скрябин, секретарь парткома колхоза «Прогресс» Львовской области М. Харченко.

Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Большевик», Владимирской области, А. В. Горшков беседует с водителем хлопкоуборочного комбайна из Таджикистана Г. Пираковой.

Знатный механизатор Герой Социалистического Труда В. А. Светличный с участниками Пленума.

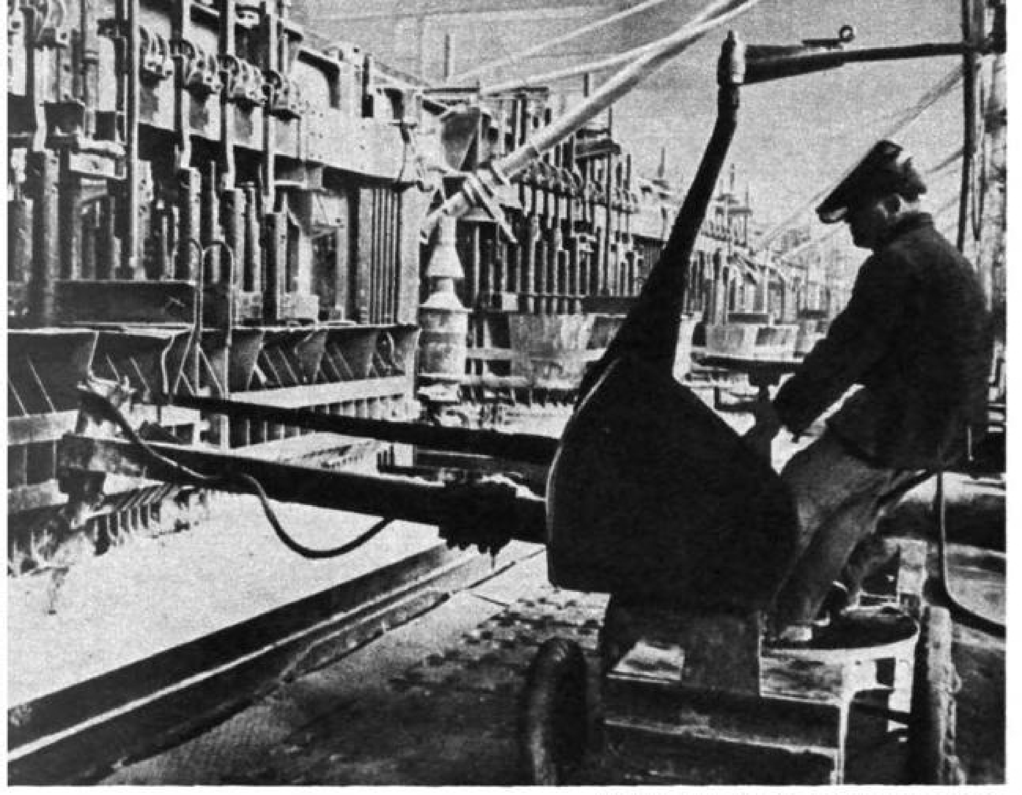

Директор Всесоюзного института зернового хозяйства А. И. Бараев дает интервью корреспондентам «Последних известий».

Герои Социалистического Труда — председатель колхоза имени XXII съезда КПСС Винницкой области В. М. Кавун и бригадир из туркменского колхоза имени Ленина А. Якубов.

Варпалота. Здесь выплавляют алюминий.

Инженер Дьердь Ферлинг.
Фото А. Сербина

ПО ЗАКОНАМ БРАТСТВА

Есть на венгерской земле Инотайский алюминиевый комбинат. Находится он в городе Варпалота. Это новый город, которого не было на старых картах страны. И комбинат тоже новый: лишь недавно он начал отсчитывать первые годы второго десятка своего существования. Нелегко было налаживать новое производство. Но на помощь венгерским друзьям пришли специалисты из других социалистических стран. Инотайский алюминиевый комбинат получал документацию с советских заводов; на комбинате есть и советское оборудование.

Главный энергетик комбината в Варпалоте — инженер Дьердь Ферлинг. Он здесь один из старейших — работает с самого начала пуска комбината. А лет ему всего тридцать шесть. Он отлично знает производство, и не только знает, но и улучшает его. Ферлинг — автор нескольких изобретений. Одно из них, как он узнал из советского журнала «Цветная металлургия», используется на советских алюминиевых заводах.

Между работниками комбината в Варпалоте и советскими металлургами, которые дают стране алюминий, установились прочные контакты. Они ездят друг к другу в гости, обмениваются мыслями, дружат.

18 февраля исполняется годовщина Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Шестнадцать лет на основе этого договора развиваются и крепнут советско-венгерские отношения.

ЛА-МАНШ

В Англии и Франции объявлено, что этими странами принято окончательное решение строить тоннель под Ла-Маншем, который свяжет Британские острова и континент. Строительство его займет продолжительное время и окончится в начале семидесятых годов. Целый год потребуется для геологических исследований и решения технических проблем. Протяженность тоннеля будет равна 32 милям, из них 23 будут проходить под водой. Он будет состоять из трех путепроводов. По одному из них пойдут поезда, по другому будут перевозить автомашины, третий предназначен для технического обслуживания тоннеля.

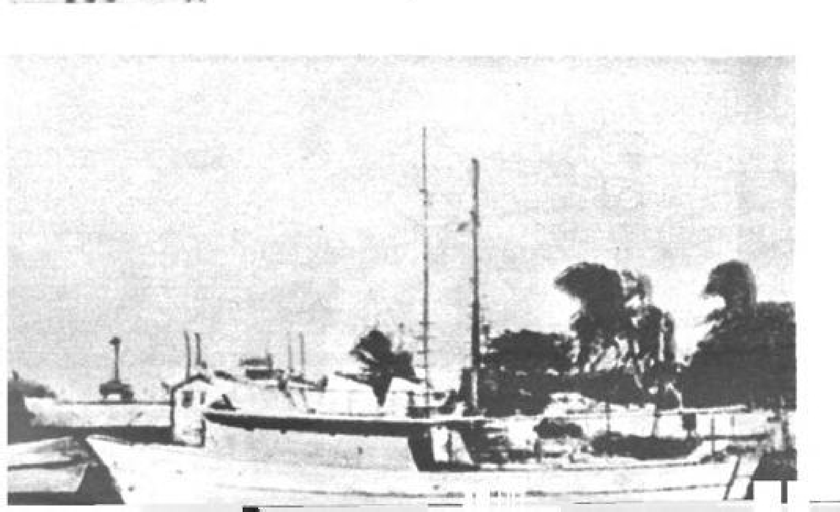
ФРАНЦИЯ

В 1965 году Франция будет выбирать президента. Социалистическая партия Франции выдвинула своего кандидата на пост президента, который будет бороться за место в Елисейском дворце с генералом де Голлем, если тот выдвинет свою кандидатуру. Кандидата-социалиста зовут Гастон Деффер. Он мэр города Марселя.

КУБА

Американский империализм учинил акт грубого беззакония, захватив в открытом море кубинские рыболовные суда. На снимке, который мы перепечатываем из газеты «Юманите», вы видите, какие суда подверглись нападению американской военщины. Конечно, они не представляли собой никакой опасности для Соединенных Штатов. Антикубинская провокация рассчитана на то, чтобы вновь накалить обстановку в Карибском море, поставить новые препятствия ослаблению международной напряженности. Этот акт осуждают повсюду. На днях американский рыбак Деннис Керби (снимок слева) привел в Гаванский порт американское рыболовное судно. Этот поступок, сказал он, вызван стремлением возместить ущерб, нанесенный Кубе Соединенными Штатами. Фидель Кастро заявил, что Куба не будет отвечать беззаконием на беззаконие и готова возвратить судно его владельцам. Д. Керби обратился к кубинским властям с просьбой разрешить ему жить и работать на революционной Кубе.

WHERE DEFEATS THREATEN U.S.

MALAYSIA
Threatened with war by U.S.-aided Sukarno. Britain pledged to defend.

CAMBODIA
Veering to the Communist side

PAKISTAN
Firm U.S. ally angered by U.S. arms aid to India

LAOS
Communists consolidating gains. Situation called "crucial."

THAILAND
Vulnerable to Communist infiltration.

INDONESIA

VIETNAM
War situation, with 15,500 U.S. troops involved, described officially as "grave." Communists making "considerable progress." France busy promoting "neutralism" which hurts U.S.

AFRICA
Whites on run before "black racism" in many so-called "new countries." Americans being killed in a shaky Congo. East African states exploding, with British troops straining to save from chaos.

MEDITERRANEAN
Ben Bella becoming a "Castro" in Algeria. Britain calling for U.S. help in Cyprus. Greece and Turkey, U.S. allies, talking war. Situation officially termed "serious."

WEST EUROPE
De Gaulle in France batting U.S. Alliance shaky.

RED CHINA

CUBA
Described officially by U.S. as "a base for Castro-promoted, Communist-led activities." Training ground for Communist guerrillas to promote revolution in Latin America and Africa.

PANAMA
Scene of Communist-led anti-U.S. riots. U.S. giving ground under pressure.

SOUTH AMERICA
American investments threatened in country after country.

ALL OVER THE WORLD, U.S. foreign policy gives signs of breaking down.

США

Статья в американском еженедельнике «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», который мы получили недавно, начинается так: «Сегодня Америка идет от поражения к поражению во всех частях света». Иллюстрируя неудачи американской политики в мире, журнал напечатал вот такую диаграмму, где показано, что дядя Сэм испытывает трудности почти на всех континентах.

Фото ТАСС, Пренса Латина, ЮПИ, АПН, газеты «Юманите», журналов «Штерн» и «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

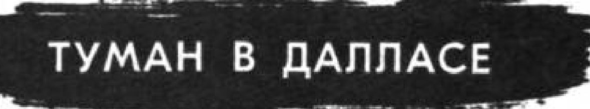
ИЗРАИЛЬ

По этой трубе израильские власти намерены отвести воды реки Иордан, чтобы использовать их для орошения. Этот план вызывает решительное осуждение арабских стран, через которые протекает река и которые также нуждаются в ее водах.

КИПР

Английские солдаты на кипрской земле — наглядный пример посягательства колонизаторов на свободу Республики Кипр. Империалисты намерены расширить вмешательство во внутренние дела Кипра и использовать соединенные силы НАТО против киприотов. На снимке вверху: митинг киприотов в Никозии, на котором выступает президент Республики Макариос, отвергающий домогательства стран НАТО.

ТУМАН В ДАЛЛАСЕ

Субъект с жуликоватыми глазами, сфотографированный в профиль и в фас для досье шерифа Далласа, — Джек Руби, содержатель ночного кабака, убийца Ли Освальда.

Как известно, кое-кто пытается утверждать, что Руби, стреляя в Освальда, действовал из патриотических чувств. На это один из компаньонов Руби сказал, что тот любил президентов лишь в виде портретов на долларовых бумажках.

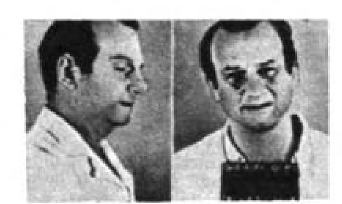
Если версия о «патриотизме» будет принята присяжными, то максимальное наказание, которое получит Руби, составит пять лет тюремного заключения.

Западногерманский журнал «Штерн» пишет: «Если комиссия психиатров — а ее создания защита Руби добивалась с помощью почти неограниченных денежных средств, полученных из неизвестных источников, — если комиссия пришла бы к утешительному выводу, что Руби в момент убийства Освальда не владел собой, тогда он покинул бы как свободный человек тюрьму, а возможно, и город, где столь многие следы были заметены, а другие, кажется, сделаны специально...»

Как показали опросы в США, 52 процента американцев не верят в версию ФБР, будто Освальд действовал в одиночку. Большинство считает, что он был инструментом в руках крайне правых.

С другой стороны, адвокат матери Освальда — Маргариты Освальд — заявил на пресс-конференции, что полиция Далласа располагает данными о том, что Ли Освальд не стрелял из винтовки в день убийства Кеннеди.

Многое из того, что происходит после убий-

ства президента Кеннеди, весьма туманно. Ищут ли действительно тех, кто стоял за спиной убийцы президента, или запутывают следы?

Трудно ответить на этот вопрос.

Этот полицейский охраняет камеру Руби. Никто из посторонних близко не подпускается. С Освальдом дело почему-то обстояло иначе...

Ночной кабак «Карусель» продолжает работать. Посетителей больше, чем прежде. Каждый платит два доллара за вход. Два доллара в карман Джека Руби.

БОРЬБА ЗА СВОИ ПРАВА

Металлисты Бельгии требуют повышения заработной платы. Во многих городах страны состоялись демонстрации. На снимке справа: бастующие металлисты Антверпена.

Люди постарше помнят сообщения из Соединенных Штатов начала 30-х годов о «голодных маршах» безработных. С тех пор утекло немало воды, и американские пропагандисты сказали немало слов о «процветании» Америки. Но оно не для всех, это американское процветание. Вот снимок, который был сделан в США в 1964 году. Он изображает участников «похода голодных» в Чикаго. Через тридцать лет после «великой депрессии» американцы по-прежнему выходят на улицу с требованием хлеба и работы. На плакатах демонстрантов написано: «Мы умираем от голода!», «Мы строили эту страну, а сейчас для нас нет работы» Участники похода устроили сидячую забастовку около здания управления, которое ведает пособиями.

↓

ИСПОЛНИЛОСЬ 40 ЛЕТ с тех пор, как были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Италией. Этой дате был посвящен вечер, состоявшийся в Москве, в Доме дружбы с народами зарубежных стран. На вечере выступили посол Италии в Советском Союзе Карло Альберто Странео и вице-президент общества «СССР — Италия» главный редактор газеты «Известия» А. Н. Аджубей.

На снимке: выступает посол Италии в СССР г-н Странео.

Андре Торндайк — гость «Огонька»

За всю историю мирового кино можно назвать не много фильмов с такой блестящей судьбой, как у фильма «Русское чудо», сделанного замечательными немецкими кинодокументалистами Аннели и Андре Торндайк.

Фильм, переведенный на 21 язык, просмотрели миллионы и миллионы зрителей в десятках стран. Только в Советском Союзе «Русское чудо» видели свыше 100 миллионов человек. На Западе фильм показывали кинокомпании Франции, Англии, Бельгии, телевизионные компании Канады, Швеции, Италии... Тысячи рецензий были опубликованы в газетах всего мира.

У нас в редакции побывал Андре Торндайк, приезжавший на несколько дней в Москву. Мы попросили его рассказать о творческих планах.

Наш гость только что вернулся из Индии.

— Мы были там вместе с Аннели,— рассказывал он,— плавали на торговом судне ГДР, которое находилось в обычном рейсе. Поначалу наша поездка задумывалась как отдых, но из этого ничего не вышло. Аннели исписала четыре толстых тетради, а я сделал около четырех тысяч фотографий. Сейчас готовим книгу. Но главное, чем мы заняты,— работа над новым фильмом. Это будет фильм о Германии, о сложной истории немецкого народа, о борьбе немецкого рабочего класса, о нашей республике. Творческого решения, приема пока мы не нашли. Может быть, это будет рассказ о судьбе одной семьи. Может быть, что-нибудь совсем другое. Работа идет в двух направлениях. Во-первых, историческое исследование. Во-вторых, освоение новой техники. Наш фильм будет широкоформатным. Аппаратура в Советском Союзе уже закуплена, нужно научиться максимально использовать ее возможности. Широкий формат позволяет поделить экран и вести параллельно два рассказа, позволяет столкнуть изображения того, что происходит в разное время и в разных местах — короче, добиваться сильного и неожиданного эмоционального эффекта. Собираюсь примерно через месяц снова приехать в Москву, чтобы поработать в архивах и познакомиться с достижениями советских мастеров кино в области широкоформатного кинематографа.

ДРУЖБЕ ВСЕ ПОД СИЛУ

В манеже Пражского кремля недавно закрылась выставка документов о дружбе и братстве между народами Чехословакии и Советского Союза. Она была приурочена к двадцатой годовщине Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ЧССР. С киноэкранов к посетителям обращались советские рабочие, деятели искусства, науки. Впервые здесь демонстрировались важные документы из многих архивов и музеев Чехословакии и Советского Союза. Интерес к выставке был очень велик. Тысячи посетителей из самых отдаленных районов Чехословакии приезжали сюда. На священной зейле Пражского кремля они повторяли клятву: с Советским Союзом на вечные времена!

Все посетители бросали одну половину своего билета в урну, а вечером разыгрывалась своеобразная лотерея. Тот, кому выпал выигрыш, получил возможность полететь в Москву.

Недавно одна группа таких счастливчиков — девять человек — побывала в Москве. Женщинам, по-видимому, везде больше везет: в группе было семь женщин от пятнадцати до семидесяти одного года и двое мужчин — инженер-гидролог и молодой автомеханик.

Москва встретила гостей солнечной, морозной погодой. Первые шаги — на Красную площадь, к дорогому Ильичу. И потом путешествие по оживленным магистралям города.

Когда наших путешественников спросили, с кем бы они хотели встретиться в Москве, все сразу сказали, не задумываясь: «С Гагариным!»

«Хорошо!» — ответили гостеприимные хозяева.

«А это возможно?» — изумились гости.

«Дружбе все под силу...» — ответили им.

Встреча состоялась в тот же день в Доме дружбы.

Иржи ПЛАХЕТКА,
чехословацкий журналист

БЕЛЫЙ ДОЖДЬ

Каневская — станция назначения * Удобрений в 8 раз больше * Мешок несет потери * Конструкторы из третьей бригады

Продолжаем репортаж по следам одной цифры: 1762

На это поле мы еще вернемся...

СРАЖЕНИЕ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

В многолетней борьбе греческого народа за демократию день 16 февраля 1964 года — это день сражения. В Греции проходят выборы в парламент. На прошлых выборах, состоявшихся 3 ноября 1963 года, народ осудил политику правых реакционных сил, превративших страну в пешку на доске американской политики. К власти пришло правительство Центра. Однако оно уступило нажиму иностранных империалистов и реакционных сил страны и отказалось от поддержки Единой Демократической левой партии в парламенте.

По-прежнему главным врагом демократии в Греции остается партия правых — Национально-радикальный союз (ЭРЭ). Раньше во главе этой партии стоял К. Караманлис. Восемь лет он проводил жестокую политику преследования демократов, продавал страну иностранным империалистам. Поражение на выборах прошлого года заставило его бежать за границу под чужим именем. Ныне во главе правых оказался Панасис Канеллопулос — старый теоретик фашизма. «Защитник истязателей, заступник контрабандистов, человек, замешанный в темных махинациях, в интригах, в клевете, в приговорах невиновным» — так писала о нем газета «Вима», которая отнюдь не принадлежит к левым изданиям Греции.

В первом же предвыборном выступлении в Салониках лидер правых объявил мобилизацию террористов и хулиганов для предвыборной борьбы. В случае своей победы он обещал амнистировать все их преступления перед народом. Правые организовали в Афинах специальный «семинар» террористов, которые потом разъехались по стране, чтобы запугивать избирателей.

Но греческие демократы дают бой неофашизму. Сам лидер Национально-радикального союза получил урок от демократических сил. Когда он приехал на Крит, народ встретил его криками: «Демократия!», «Долой иностранные базы с Крита!» Такой же прием ждал и другого кандидата от партии ЭРЭ, бывшего главаря асфалии Каландзиса. В городе Сперхиада, в котором он баллотируется, на митинге раздались мощные возгласы: «Демократия! Демократия!» Этот человек, который своей подписью отправлял сотни людей в застенки, разразился нецензурной бранью и, схватив с лотка апельсины, стал швырять ими в толпу. А люди громко смеялись над взбешенным реакционером.

В первых рядах народной борьбы стоит молодежная организация «Демократическое движение имени Григориса Ламбракиса». Это — имя греческого патриота и борца за мир, убитого неофашистами.

Веселые и смелые «ламбракиды» — так зовут их — с песнями и шутками ездят по стране, вселяют в народ веру в победу, дают бои правым. Вот пример: неофашисты из ЭРЭ попытались запугать жителей деревни Сфендами. Два автобуса с ламбракидами приехали в деревню, и ни один из террористов не посмел показать носа на многолюдном митинге.

Борьба, которую ведет народ Греции, нелегка. Но это борьба за будущее.

Одиссей КОРФИАТИС

Афины.

НАША «УНИТА»

«Унита» — испытанный боевой друг итальянских рабочих. Ее распространяют добровольцы — энтузиасты газеты.

Аугусто ПАНКАЛЬДИ, московский корреспондент газеты «Унита»

Мне было тринадцать лет, когда в мои руки впервые попала газета «Унита». Этот листок желтоватой бумаги с неясно напечатанными буквами обжигал руки. Еще вчера мы, школьники, знали, что война в Испании была войной цивилизованного мира (фашистов) против варваров (коммунистов). Так писали тогда все итальянские газеты. Итальянцы, которые сражались в другом лагере, против Франко, считались «красной сволочью».

Запрещенный листок одним ударом опрокидывал прежние представления, совсем по-новому объяснял трагедию Испании. Оказалось, что среди «красной сволочи» были известные представители интеллигенции, знаменитые писатели, тысячи простых мужественных людей, которые каждый день отдавали свои жизни за свободу Испанской республики. И уже нельзя было выслушивать сообщения фашистской пропаганды без множества сомнений.

Газета итальянских коммунистов «Унита» была основана в Милане сорок лет назад — в феврале 1924 года, как «газета рабочих и крестьян». Антонио Грамши, который был в это время в Вене, предложил назвать газету «Унита» («Единство»). Она действительно зарождалась в обстановке антифашистского единения всех трудящихся, призывала к сплочению всех здоровых сил страны.

Спустя два года фашистские «чрезвычайные законы» оборвали легальную жизнь «Униты», наступил подпольный нелегальный период, полный трудностей и опасностей. За «Униту» часто расплачивались своей собственной жизнью журналисты, работники типографии и те, кто распространял газету.

В 1945 году «Унита» вновь стала легальной. После двадцати лет подполья ее редакция состояла в большинстве своем из молодых рабочих и интеллигентов, лишенных какого-либо опыта работы, однако полных энтузиазма.

Тогда газета выходила ежедневно на одном листе бумаги (по воскресеньям — на двух), и мы хотели, чтобы в ней было все: и самые важные вопросы, которые страна, только что вышедшая из фашистского рабства и войны, должна была решить, и международные проблемы, и вопросы развития нашей партии. В то же самое время мы хотели, чтобы наш листок был хорошо оформлен и смог бы выдержать конкуренцию с буржуазной печатью. Однако в пылу дискуссий мы не забывали о самом главном и простом: газета должна дойти до читателя вовремя.

Сейчас ежедневный тираж двенадцатиполосной «Униты» достигает 400—500 тысяч экземпляров. А в воскресенье газета выходит на четырнадцати — шестнадцати страницах тиражом 800 тысяч.

Н. БЫКОВ

Фото М. Савина.

Репортаж, начатый в цехе аммиачной селитры Новомосковского химического комбината («Огонек» № 6), продолжается. Итак, белый дождь собран, упакован в мешки и оформлен как партия удобрений № 1762, загружен в просторные пульманы и отправлен по адресу: «Ст. Каневская, колхоз имени Тельмана».

Скорый поезд Москва — Новороссийск пересекает несуществующую границу Кубани глубокой ночью. Он почти не замедляет бег у частых платформ. Одна за другой следуют минутные остановки у Величковской, Тимошевской... Невольно приглядываешься сквозь оконное стекло к разгрузочным площадкам. Там среди досок и новых жаток, бывало, возвышались осиротевшие курганы минеральных удобрений. Пиломатериалы никогда не залеживались. Разбирали скоренько по станицам и свежевыкрашенную технику. А курганы «минералки» чаще всего оставались нетронутыми...

Мы не видели на этот раз белых курганов. Ни на Величковской, ни на Тимошевской. Не увидели их и на станции назначения — Каневской. Человек, закрывавший тяжелую дверь пакгауза, присвистнул:

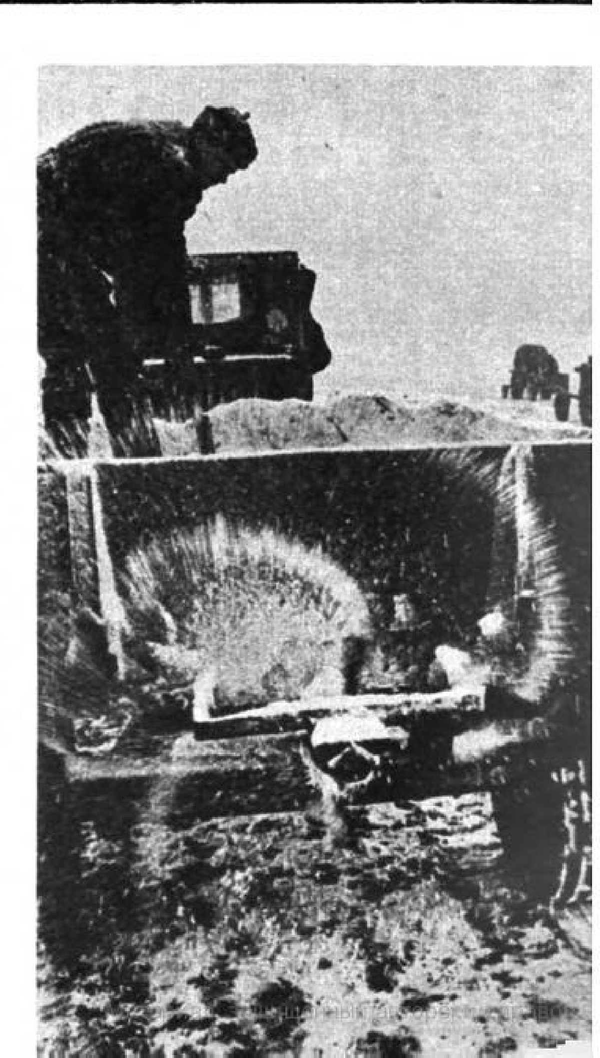
— Эге, то вы, хлопцы, трохи припоздали! Шукайте у получателя свой мешок!.. А було их тут, богато було, мешков с селитрой. Под разгрузку зараз становилась дюжина колхозных машин — и в хозяйство. Чисто конвейер сделался!..

Мы почувствовали, что наш репортаж под угрозой и задуманный сюжет «селитра на станции» явно не состоялся. Надо спешить в колхоз!

Заместитель секретаря парткома Каневского производственного управления Дмитрий Денисович Матрошилов доложил обстановку на фронте сельской химии, разумеется, в масштабах района:

— Год назад наше управление получило что-то около пяти тысяч тонн минеральных удобрений. А в канун нынешнего года — свыше сорока тысяч тонн. В восемь раз больше!.. Кубанцы на себе ощутили, так сказать, действенность решений декабрьского Пленума...

Кубань и сельская химия — это тема для большого разговора. Земли в этом крае богатые. Чернозем — хоть на хлеб его мажь. Сколько раз приходилось слышать от седоусых дедков-станичников: «В такую землю оглоблю воткнешь—тарантас вырастет». «Тарантас» вырастал, но только в годы

И пролился дождь плодородия.

особенно удачливые. Кубанцы долго помнили эти годы обломных урожаев и, быть может, поэтому подчас гнушались вывозить навоз в степь. О том, чтобы подкормить озимку, и речи не шло. Под зерновые вносить минеральные удобрения — слишком жирно будет! Так считалось. Но с годами опыты ученых-краснодарцев доказали, что и черноземы нуждаются в пополнении пищевых запасов. Применение азотных, калийных и фосфорных удобрений обеспечивает прибавку урожая на треть!

— Даже теперь вот, когда мы получили удобрений вдосталь,— рассказывал Дмитрий Денисович,— не все хозяйства спешили их вывезти со станции. Например, руководителей колхоза имени Тельмана пришлось пригласить к нам, в партком, и дополнительно им рассказать о значении партийных решений...

— Ну и как?

— Вывезли. Все тридцать колхозов управления вывезли! И в основном уже полностью внесли...

В Каневском районе посевами занято 200 тысяч гектаров, из них под озимыми — 160 тысяч. В этом году здесь впервые подкормили все озимые, почти полностью внесли удобрения под зябь, под свеклу. Оставшееся — весной...

...В семь утра парткомовский «газик» умчал нас по замерзшим колдобинам в колхоз.

На Кубани зима нынче малоснежная, для озимых хлебов плохая. С Приазовья, с нехолодавших лиманов, в степь ползут тяжелые туманы. Яркое незимнее солнце, убранные инеем сады, грачи на белых скирдах — сказочно красива оснеженная земля вокруг. Пахнет весной и солнцем. И невольно радуешься пушистому длинноигольчатому инею, раннему солнцу и грачам, столь неожиданным для глаза северян. Но в колхозе, в бригадах встречают тебя встревоженные хлеборобы: нет снега, плохо...

Станица Челбасская, где находится правление колхоза имени Тельмана, лежит в низинке, в гуще поседелых от туманного мороза садов, среди таких же поседелых зарослей камыша. Летом здесь, наверное, обилие раков и яблок, всякой ягоды и рыбы. А сейчас стоит белая тишина. Только ребятишки вызванивают коньками что-то бедовое, быстрое на солнечном льду.

В правлении нас ожидали председатель Игнат Фирсович Кущ и главный агроном Александр Садченко, а попросту — Саша. Мы им сразу о селитре, о нашем мешке-путешественнике. Агроном отыскал документы, какие-то наряды и накладные. Вот ярлык со знакомым адресом: «Новомосковский химкомбинат. Партия № 1762. Аммиачная селитра... Осторожно! Дает взрывчатые смеси!»

— Значит, доехал мешок?

— Конечно! — улыбается Саша.— И не один он! На нас обрушилась лавина удобрений. Признаться, мы несколько растерялись, ведь наряд пришел на тысячу семьсот тонн! Как вывезти такую гору, где ее хранить?..

Колхозный агроном рассказал, что в прошлые годы хозяйству давали удобрения только под свеклу и кукурузу. Обычно не более четырехсот тонн. Но беда была в том, что даже и те скупые тонны не всегда полностью нужны были колхозу. Как быть? И вот так. У агронома есть почвенная карта. По ней ясно видно, что землям колхоза имени Тельмана требуются фосфорные и менее всего нужны калийные удобрения. А если и калийные, то разве что сильвинит. А «наряжали» колхозу в основном именно калийные удобрения. Присылали суперфосфат, но только не гранулированный, который так удобно вносить во время посева, а порошкообразный. Ну и получалось, что удобрение ждет на станции хозяина, а за ним никто не едет.

— Пробовали, бывало, разбрасывать негранулированный суперфосфат, а наш степной ветер подхватывал его и крутил по полям, уносил за лесополосу... Вот мы и думали, что опять отвалили нам ненужных удобрений!

И вправду, в колхозе прямо-таки испугались столь неожиданной щедрости — 1 700 тонн! К тому же последовало указание: срочно вывезти и срочно внести... Не мудрено, что дошло до беседы в парткоме. Она помогла, мягко говоря, уразуметь, что к чему. Когда разобрались, увидели: удобрения нынче пришли как раз те, в которых давно нуждалось хозяйство. Гранулированный суперфосфат. И даже гранулированная аммиачная селитра. Та самая, из цеха № 3 Новомосковского химкомбината, которую мы недавно провожали в путь-дорогу.

— В мешках?

— В мешках.

— А где же ее увидеть, нам обязательно надо увидеть! — настаивали мы.

Когда коротко рассказали агроному о задуманном в редакции путешествии мешка «аммиачки», Саша задумался. Потом заговорил о вещах более проблемных и приземленных, о вопросах пока очень сложных, касающихся возможностей сельской химии. О том, во что обходятся удобрения колхозу, о нужде в специальных хранилищах, о недостатке транспорта и механизмов для внесения удобрений в почву.

— Боюсь, что вы не узнаете своего мешка...

— Но у нас своя примета!

— Понимаю, понимаю,— многозначительно заметил Саша.— Впрочем, поезжайте в третью бригаду. Партия гранулированной селитры направлена и туда. Там, в степи, в бригаде, вы сами многое поймете...

Бьются колеса в глубокой замерзшей колее. «Газик» немилосердно бросает из стороны в сторону. И шарахаются от рычащей машины тополя и яблони в пуховых полушалках.

Возле пристройки у скотного двора работала странная машина. Вид ее был, прямо скажем, нефотогеничный. Трактор гонял приводной ремень. Агрегат подрагивал. В нем угадывался одряхлевший, давно «раскулаченный» комбайн, спешно переоборудованный. Дробилка! Колхозники вытаскивали из пристройки мешки с селитрой. Собственно, мешков уже почти не было. Черные лохмы на запекшейся белой глыбе. Глыбу разбивают кувалдой. Остатки мешка — в сторону, а куски аммиачного рафинада бросают в пасть бывшей молотилки. Барабан ревет, плюется едкими брызгами. Под комбайном растет конус размолотой селитры.

Саша пояснил, что произошло. Аммиачная селитра очень гигроскопична. Грузят ее сухой, а в дороге она набирается влаги и спекается. Бумажные мешки от избытка влаги расползаются. Пока селитру довезут до бригады, она превращается в соляную глыбу. Химия... Непрерывно происходит реакция. Если сильвинит сгрузят на станции, то его уже не возьмешь и ломом...

Значит, к приему удобрений железнодорожники и хлеборобы должны заранее готовиться. Сейчас на Кубани началось строительство 15 специальных хранилищ для минеральных удобрений. Чтобы не было задержки на больших железнодорожных узлах, уже кладутся дополнительные пути на станциях Каневская и Крымская: удобрениям — зеленую улицу!

— А вы не задумывались над тем, как внести тысячу семьсот тонн минеральных удобрений? — спросил колхозный агроном.

Саша продолжил разговор, начатый еще на химкомбинате рабочими отдела упаковки. Помните, в первом репортаже рассказывалось о том, что мешки с селитрой лопаются, как мыльные пузыри? Да, непрочная, очень несовременная это тара — бумажный мешок. И вот мы видим его остатки. Но агронома теперь уже волнует другое: как внести в почву эти тонны удобрений? Пусть даже заново размолотых и благополучно доставленных на поле.

В колхозе имени Тельмана проблему решили довольно неплохо. Приспособили навозоразбрасыватели, тракторные тележки, туковые сеялки, переконструировали старые механизмы, создали новые, задумались над их усовершенствованием.

Бригадир третьей бригады Дмитрий Стратонович Ручкин, принимавший нашу «аммиачку», уехал на курсы. Без агрохимии ему теперь никак нельзя. А пока бригадой командует механик Иван Григорьевич Марченко. Это он со своими ребятами переоборудовал наличную технику. «Оно ж и вес порядочный имеет, и деликатности в обращении требует, и вносить его ж надо умеючи, строго, иначе не только богатого, а никакого урожая не возьмешь», — так изложил проблему механик Марченко. Сейчас-то он спокоен, даже доволен. Техника есть, техника на ходу. А месяца три назад ночей недосыпал, голову ломал, гнул железо, ладил шестерни так и этак...

И вот из-за лесополосы показались два колесника. У них на прицепе — тележки с удобрениями. Бешено вращаются лопасти разбрасывателей. Катится по озимке тележка, а сзади падает белый дождь.

Белый дождь!..Тот самый, химический, родившийся под Москвой, в башнях цеха № 3. Сейчас он оседает на зеленый ковер в третьей бригаде кубанского колхоза имени Тельмана. Спят поля, в глубоком забытьи частые кустики пшеницы. А белый дождь, зимний дождь плодородия, все идет и идет. Бесшумный, долгожданный...

За рулем трактора — Илья Степанович Рева. Более тысячи гектаров удобрил он этой зимой. Беспокойный, рассказывают о нем, человек, в ночь-полночь, в непогоду цепляет модернизированный навозоразбрасыватель и уходит в степь.

А следом за ним — агрегат Володи Герасименко. Этот тоже около тысячи гектаров обработал. И тоже устали не знает. Работает с прицепщиками Григорием Милашкиным и Дмитрием Шкуренко.

— Ребята с урожая получат. Вот и стараются, — пояснил механик.

Главный агроном Саша Садченко уточнил:

— От селитры мы ждем значительной прибавки. Даже малоотзывчивые сорта пшеницы дают прибавку до восьми центнеров на гектаре. А у нас посеяна «безостая» Павла Пантелеймоновича Лукьяненко. На его опытных полях этот сорт дал прибавку до десяти — шестнадцати центнеров на гектаре, а при длительной, правильной системе удобрений—и до двадцати семи!..

Это пока расчеты. Зима на Кубани трудная. Красивая, но неблагоприятная для озимых. И все же химия скажет здесь свое веское слово. В этом никто из кубанцев теперь не сомневается. Только в хозяйствах Каневского управления внесено уже около 30 тысяч тонн удобрений, подкормлены посевы на площади более 142 тысяч гектаров!.. Так была встречена зима. А в январе каневцы снова получили более 8,5 тысячи тонн удобрений. Это для весенних полей, под яровые... Такой заботы, такого обилия туков край никогда не знал.

...И снова ушли агрегаты в туман зимних полей. Хотелось уже сейчас, зимой, заглянуть в урожайный месяц июль. Но хлеборобы осторожны, их расчеты примерны, не хвастливы. Не любят они поспешных прогнозов.

Саша думает, что в среднем на каждом из 2 500 гектаров озимых прибавка урожая составит два центнера. Может быть, больше. Даже наверняка больше. Но для предварительных расчетов колхозный агроном берет два центнера.

— Окупятся ли затраты?—спросили мы.

— Вполне. Считайте сами, — ответил Саша.

И тут же прикидывает, подсчитывает, все в расчет берет. Иначе и нельзя. В этих цифрах — жизнь большого хозяйства, отнюдь не передового в районе. Ему еще богатеть!

— Конечно, многие колхозы пригласили летчиков из авиаотряда. Быстрее! Но мы пока не можем платить...

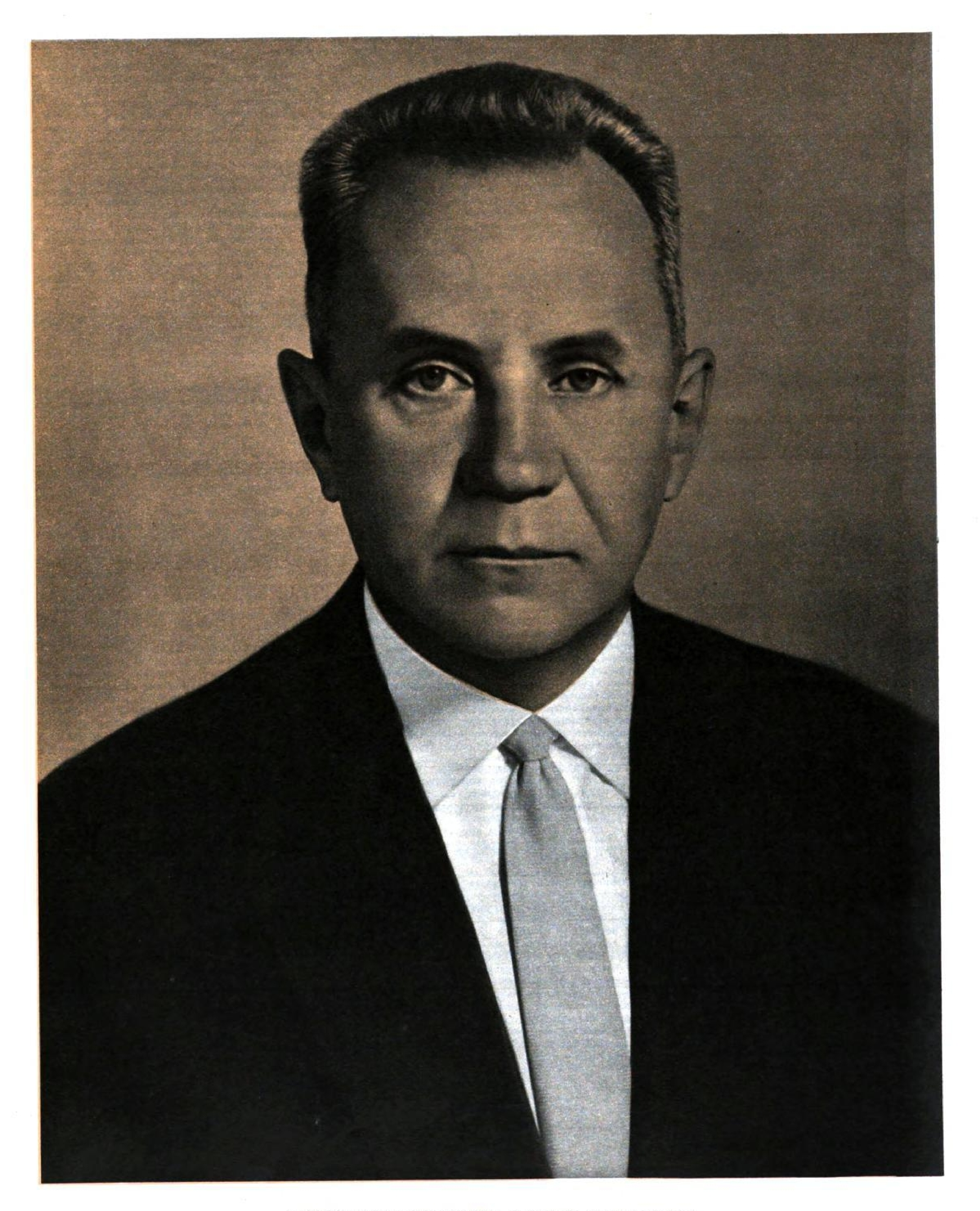
И все же колхоз имени Тельмана уже в первый год массового применения удобрений получит значительную прибыль.

Два дополнительных центнера с гектара — это почти 142 рубля прибыли на каждую тонну внесенной селитры. А затраты, как мы в конце концов с Сашей подсчитали, составят не более 70 рублей.

Итак, самое меньшее — вдвое окупятся в июле сегодняшние расходы на химию. Что ж, для начала неплохо.

...Мешок с селитрой весит шестьдесят — семьдесят килограммов. Им можно удобрить больше половины гектара озимых посевов. Значит, наш мешок-путешественник даст в июле больше центнера крутобокой, бронзового загара кубанской пшеницы. Это по самым скромным, со скидкой на трудную зиму подсчетам.

Пожалуй, на этом прогнозе можно закончить наш второй репортаж о чудесном белом дожде, пролившемся на зимнюю степь. Следующая встреча со знакомым теперь полем — в июле, когда каждая белая капля дождя плодородия обернется золотой каплей пшеничного зерна.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОСЫГИН. К 60-летию со дня рождения.

Фото Г. Вайля.

Михаил АНДРИАСОВ

«Родная степь под низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, нержавеющей кровью политая степь!»

Кому принадлежат эти неповторимые краски, необычные и простые, как сама жизнь, эти кровью сердца написанные слова? Ну, конечно, Михаилу Александровичу Шолохову...

Когда-то, еще на заре литературной деятельности Шолохова, большой советский писатель, тоже сын тихого Дона, Александр Серафимович с отеческой любовью назвал его степным орликом. Степной орлик давно стал могучим орлом и широко раскинул свои сильные крылья.

Строгая взыскательность к творчеству, к каждому своему слову — вот чему постоянно учит Шолохов. В марте 1955 года Михаил Александрович, обращаясь к участникам ростовского областного семинара молодых литераторов, говорил:

«Дорогие друзья! Мы все здесь, писатели разных жанров и разной манеры, являемся единомышленниками, все мы движимы одним высоким желанием сказать высокую правду народу. Большая честь — творить для народа. Очень велика ответственность писателя перед народом, очень велика. Мы все вместе и каждый из нас отдельно должны быть совестью народа. И вот что я скажу вам, молодые друзья: не всегда легко приходится молодому автору, надо прямо сказать, нередко трудновато бывает ему, а все же не торопитесь высказать невыношенное. Надо дать жизнь такой книге, которая бы звучала и жила долго.

Вы собрались поговорить о творчестве. Это очень хорошо. О вопросах творчества надо говорить горячо, страстно. Надо приблизить творчество к своему сердцу, горячо любить нашу трудную профессию».

Вспоминается и другое. Года четыре назад «Литература и жизнь» готовила специальный номер, посвященный творчеству донских писателей. Как корреспондент этой газеты я обратился к Михаилу Александровичу с просьбой сказать несколько слов своим собратьям. Шолохов откликнулся на просьбу и передал редакции короткое письмо. В нем были такие строки:

«...Я, разумеется, не могу остаться равнодушным к тому, что сегодня газета отдает свои страницы донским писателям, моим землякам. Они заработали это право. В их книгах есть дыхание жизни. Донскую роту в нашей литературе можно узнать по хорошему мужественному шагу.

Но это же и обязывает. Мои земляки не обидятся на меня, если я напомню, что читатели ждут от писателей нового слова о современности. Не должны бы обидеться они на меня и за совет совершенствовать мастерство. Слово, добываемое писателем из недр могучего русского языка, каждый раз должно быть тем единственным словом, которое безошибочно находит путь к сердцу читателя».

...Наверное, от большой, горячей любви народа к своему великому сыну из станицы Вешенской мы теперь все чаще и чаще именуем степные просторы Дона шолоховскими. И это звучит так естественно потому, что в представлении многих миллионов людей имя Шолохова поистине неотделимо от Дона.

Базковское взгорье... Какая красивейшая панорама открывается отсюда! Слева, километрах в пяти, за сверкающим стременем Дона белеет в садах Вешенская — родина «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека» — станица, которую знает весь мир. Чуть правее, вниз по течению Дона, в утренней голубой дымке — хутор Лебяжий.

В начале тридцатых годов здесь создавал первые колхозы матрос Андрей Плоткин. Еще правее, дальше на юг, виднеется хутор Верхне-Чирский, в котором жил двадцатипятитысячник, краснопутиловский слесарь Баюков. Дела Плоткина и Баюкова, их героическая борьба в трудные годы коллективизации послужили Шолохову материалом для создания образа Семена Давыдова.

В хуторе Грачи и сейчас стоит дом Титка Бородина. За ним, чуть в стороне,— хутор Кружилин, где в мае 1905 года родился Михаил Александрович. Здесь и теперь вам покажут заросшие бурьяном развалины ветхого куреня Александра Михайловича Шолохова — отца писателя.

А вот и станица Каргинская. С ней связано много памятного в жизни писателя. Здесь он учился в начальной школе, водил с мальчишками в ночное лошадей, ловил рыбу в реке Чир. Здесь долгие годы жили его родители. В Каргинской Шолохов написал первые «Донские рассказы». Тут он познал и первое горе: на станичном погосте в декабре двадцать пятого года похоронил отца...

Если вы поедете дальше, до станицы Боковской, старожилы непременно покажут вам дом есаула Сенина — прототипа Половцева.

На шолоховской земле много дорогих примет, связанных с жизнью самого писателя и с судьбами героев его произведений.

Михаил Александрович Шолохов всем сердцем болеет за все доброе на земле, всю щедрую любовь свою отдает людям.

Мы знаем его заботу о литературах братских советских народов, помним его поездки на Украину, в Казахстан, в Грузию, слова, произнесенные в Киеве, Алма-Ате, Тбилиси, полные благородной любви к лучшим достижениям братских литератур. Когда отмечалось 125-летие со дня рождения выдающегося просветителя армянского народа, революционера и писателя Микаэла Налбандяна — уроженца города Нахичевани-на-Дону (ныне Пролетарский район Ростова),— Михаил Александрович послал из станицы Вешенской в Ереван телеграмму, в которой сердечно писал: «Армянин по национальности, он был моим земляком, и я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

Свобода! — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет,
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

Шолохов всегда проявляет живой интерес к работе своих собратьев. Мне довелось быть свидетелем встречи, которая произошла в Ростове 8 июня 1960 года. Обращаясь к писателю Всеволоду Кочетову, Михаил Александрович тепло отозвался о романе «Братья Ершовы», сказал, что это хорошая, интересная книга. Такая высокая похвала обрадовала и несколько смутила Кочетова.

— Это всерьез? — сказал он после некоторого молчания, и, как мне показалось, лицо писателя зарделось.

— Совершенно,— ответил Шолохов и добавил: — Я бы так о рабочем классе не смог написать.

Растроганный, Кочетов встал. Поднялся и Михаил Александрович. Они обнялись.

— Спасибо, Михаил Александрович, — сказал Кочетов.— Считаю, что сегодня получил шолоховскую премию...

Выступая на одном из литературных вечеров в Ростовском Доме ученых, он сердечно отозвался об очень талантливом и очень скромном донском писателе Анатолии Калинине. «Люблю его, как сына»,— по-отечески сказал Михаил Александрович.

В другой раз, на собрании литературной общественности Дона, где речь шла о творчестве известного советского писателя Виталия Закруткина, уже давно связавшего свою судьбу с казаками станицы Кочетовской, Шолохов так говорил об авторе «Кавказских записок», «Плавучей станицы», «Сотворения мира»: «Виталий Закруткин — талантливый писатель, замечательный парень, человек нелегкой жизни, человек крепкий и живет в нашей литературе по-настоящему».

Рабочий день у Михаила Александровича начинается очень рано: в четыре-пять часов утра. И все же диву даешься: как он вмещает в сутки такую уйму забот и непрерывных хлопот, как и когда трудится, как и когда рождаются всегда новые, берущие за сердце, строгие и проникновенные, как сама донская степь, неповторимые шолоховские строки?!

Двери его дома радушно открыты. К нему приходят из близких и самых отдаленных мест. Приходят хлеборобы, шахтеры, металлурги, воины Советской Армии, писатели, студенты, школьники, художники, журналисты, гости из зарубежных стран... Приходят с самыми различными вопросами, просьбами и просто за советом.

Он всегда в гуще жизни, всегда с народом. Вот из города Грозного в Вешенскую пришла телеграмма от нефтеразведчиков бригады Григория Шатунцова. Бригадир и его товарищи не только отличные производственники, но и большие любители литературы. В беседах о книгах Шолохова у рабочих возникла мысль — попросить любимого писателя стать почетным членом их бригады. И Михаил Александрович телеграфирует в Грозный: «Дело доброе, благодарю. Согласен при условии не подводить друг друга. Ваш Михаил Шолохов».

В Вешенскую звонят из города Донецка. Там проходит совещание писателей индустриального юга, приглашают Михаила Александровича. Он желает успеха участникам совещания. К сожалению, не имеет возможности сейчас приехать. И резонно добавляет: «Ваши писатели живут среди людей, которые находятся на переднем крае строительства коммунизма. Участникам совещания, как говорится, и карты в руки. Пусть пишут хорошие книги о рабочем классе».

Михаил Александрович живет и всегда жил жизнью народа, трудился в поле со своими одностаничниками, обливался потом, убирая щедрый вешенский хлеб, ловил рыбу, ходил со сверстниками в ночную степь. В автобиографии он немногословно написал о том, что в гражданскую войну гонялся в донских степях за махновцами, а бандиты гонялись за ним. Он не упомянул о том, что однажды попал в плен к махновцам и не был расстрелян только по малолетству. Однако сам батька пообещал юному продармейцу виселицу, если они встретятся еще раз...

Жизнь у Михаила Александровича была такой же, как у его земляков, казаков-хлеборобов, и его могучий талант порожден самим народом, животворящей донской природой. Впрочем, об этом великолепно сказал недавно Семен Михайлович Буденный, тоже сын донских степей. Когда отмечалось восьмидесятилетие легендарного полководца, Михаил Александрович прислал ему сердечную телеграм-

НА ШОЛОХОВ

му, в которой выразил думы донских казаков. В ответ на эту телеграмму Семен Михайлович написал своему земляку:

«Дорогой мой Михаил Александрович! Ваше дружеское приветствие до глубины души тронуло меня и еще больше взволновало, когда к нему на юбилейном вечере полностью присоединился человек большой души и пламенного сердца — наш дорогой Никита Сергеевич.

Очень сожалею, что огромный поток писем и телеграмм не позволил мне тотчас же поблагодарить Вас за теплые слова привета, за добрые пожелания. Если бы я обладал талантом художника слова, каким щедро наделила Вас природа, родная донская земля и ее мудрый народ, то все бы самое сильное я вложил в это послание, чтобы оно донесло до Вашего сердца мои горячие чувства братской признательности...

За власть Советов я расписался своей шашкой и рад, что мой ратный автограф пригодился для Ваших чудесных произведений.

Спасибо, друг, за все. Пиши, живи, да так, чтобы до ста лет не стареть. Всем сердцем желаю, родной Михаил Александрович, богатырского здоровья, сил, бодрости и новых творческих успехов во славу нашего народа, во имя полного торжества коммунизма.

Обнимаю и целую...»

Шолохов часто встречается с молодежью Девушки и юноши обращаются к писателю порой с самыми неожиданными вопросами. Вешенский журналист Георгий Губанов рассказывает в ростовской газете «Молот» о том, как девушки однажды спросили у Михаила Александровича: кто автору больше нравится — Наталья или Аксинья?

«...— Коварный вопрос,— шутливо ответил писатель.— Мне они обе нравятся — Наталья и Аксинья. А вам? Выбирайте, как вам ум и сердце подскажут. Это ваше дело.

— А какое произведение принесло вам наибольшее творческое удовлетворение?

— Ни одно. Даже «Тихий Дон» переделал бы, если бы было время.

— Вы извините меня, что вопрос не по теме, но скажите, как вы относитесь к стилягам? — неожиданно для всех выпалил Анатолий Мрыхин.

Все расхохотались, а Михаил Александрович сказал:

— Вопрос дельный. Я не против, чтобы человеку быть красивее, чем он есть на самом деле. Девчатам особенно нужно быть наряднее. Но во всем нужен вкус и нужна мера. А стиляги — это не то... Сердце, ум, трудолюбие — вот что главное. А то — приносное, накипь...»

Слово Шолохова, герои его романов волнуют не только соотечественников, но и зарубежных поклонников великого вешенца.

Октябрьским днем 1963 года в станице Вешенской с высокого берега старинной казачьей реки известный английский писатель Чарльз Сноу с супругой писательницей Памелой Джонсон и Михаил Шолохов с супругой Марией Петровной вглядывались в необозримые, живописные просторы Дона. Гости не могли налюбоваться величием и красотой могучей степной реки.

— Мы взволнованы,— сказал Чарльз Сноу.— Мы как бы попали на страницы книг, которые с таким наслаждением читали. Михаил Александрович — великий писатель.

— Спасибо, — ответил Шолохов. — Чарльз скромничает. Он умеет делать свои вещи не хуже. Его популярность в нашей стране непрерывно растет.

Памеле Джонсон очень понравился шолоховский сад, сочные донские яблоки.

— Одно из них я непременно увезу с собой в Англию, прибавлю к тому толстовскому яблоку, что везу из Ясной Поляны,— объявила хозяевам писательница.

За дружеским семейным обедом Михаил Александрович говорил:

— Истинный художник не может кривить душой. Своими произведениями мы служим человечеству, общей культуре народов. Стыдно и страшно, если мы еще раз позволим ввергнуть мир в пучину жесточайшей войны.

И несколько шутливо заметил:

— Здесь у нас, на тихом Дону, как говорится, на месте, вы убедились, что не так уж страшен Шолохов-коммунист и его друзья. Не так ли?

В доме Михаила Александровича состоялось дружеское «посвящение» Чарльза Сноу в донские казаки. Гость надел казачью фуражку, кавалерийскую бурку.

— Отменный казак! — улыбнулся Шолохов.

А фуражка и бурка в самом деле были впору английскому писателю, словно шили их по нему...

В мае 1965 года Михаилу Александровичу исполнится 60 лет.

Произведения Шолохова — литературное событие мирового значения. Они являются учебниками жизни не только для нас — советских людей, но и для честных людей многих зарубежных стран. Недавно об этом с исчерпывающей ясностью сказал первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии товарищ Вальтер Ульбрихт. В письме ростовскому журналисту К. Прийма он писал о «Тихом Доне» и «Поднятой целине»:

«Они оказали нам непосредственную помощь в строительстве социалистического сельского хозяйства в ГДР, что свидетельствует о том, как литература и искусство способны прямо повлиять и воздействовать на крупные революционные общественные преобразования. Трудящиеся Германской Демократической Республики уважают и высоко ценят Михаила Шолохова как одного из выдающихся советских писателей. Его книги стали достоянием и немецкого трудового народа. Немецкий народ благодарен ему за его выдающиеся произведения».

А вот как отозвался о книгах Михаила Александровича генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании товарищ Джон Голлан: «...Роман тов. Шолохова «Тихий Дон» обычно считается в Британии современной классикой, и последующие его произведения «Поднятая целина» и «Дон течет домой, к морю» («Донские рассказы») являются не менее известными. Что на меня производит наибольшее впечатление в книгах тов. Шолохова — так это их широта и человечность».

Широта и человечность!.. За торжество Человечности, за торжество Правды выступает Михаил Шолохов и в своем новом романе «Они сражались за родину», над которым писатель сейчас работает и с первой книгой которого скоро познакомятся миллионы читателей.

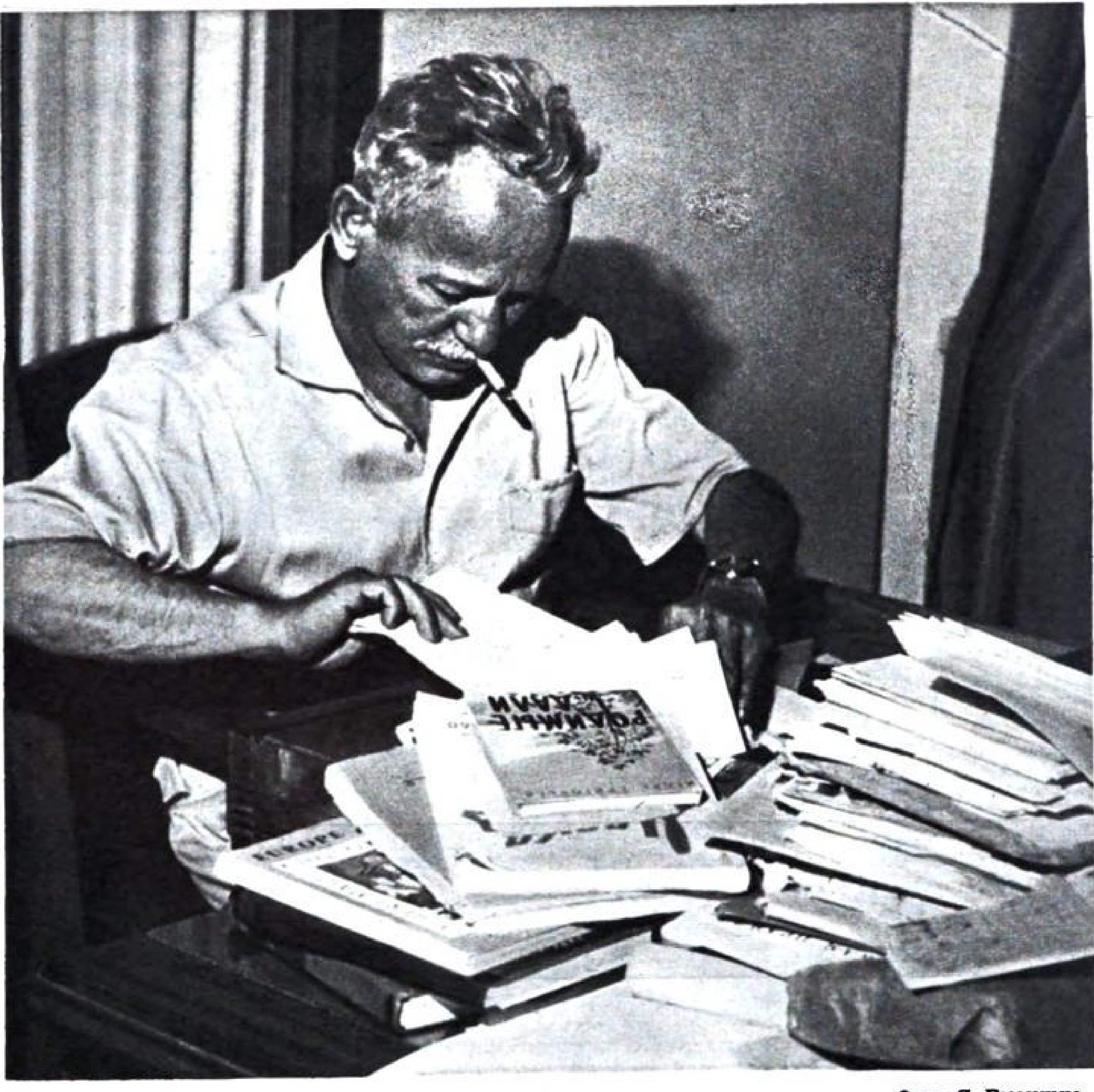

Фото Я. Рюмкина.

СКОЙ ЗЕМЛЕ

А. МЕДВЕДЕВ

Сегодня в Большом театре — опера Мусоргского «Борис Годунов». Марину Мнишек в первый раз поет Елена Образцова. Имя студентки 5-го курса Ленинградской консерватории стало известно совсем недавно: молодая певица завоевала золотую медаль на конкурсе VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки и удостоена первой премии на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки.

И вот театральный дебют.

Он всегда исполнен особого душевного напряжения: артист словно переступает здесь неведомый рубеж...

Мы попросили Елену Образцову рассказать об этом дне.

Дебют

Фото Е. УМНОВА.

2 С концертмейстером С. Г. Бриккером еще раз повторяем всю партию. Указания его, как всегда, кратки и точны. Работа с ним до спектакля была на редкость интересной.

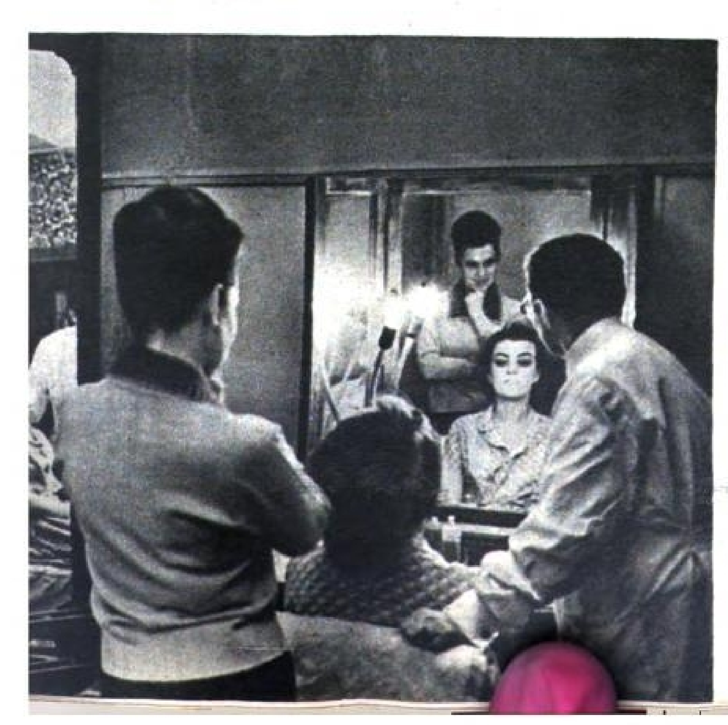

1 Я приехала в театр за три часа до выхода на сцену. Меня проводили в комнату солистов, и я впервые села за гримировальный стол. В этот день для меня все было впервые! Пришла Галина Павловна Вишневская. Она часто помогала мне советами на репетициях. Как приятно, что и сейчас она рядом! Вместе с гримером Василием Васильевичем Аксеновым они обсуждают детали моего грима. Негромкие реплики долетают до меня словно издалека:

— Тон хорош, только у волос сделайте чуть-чуть мягче...

— Бровь положим повыше. Вот так, да?

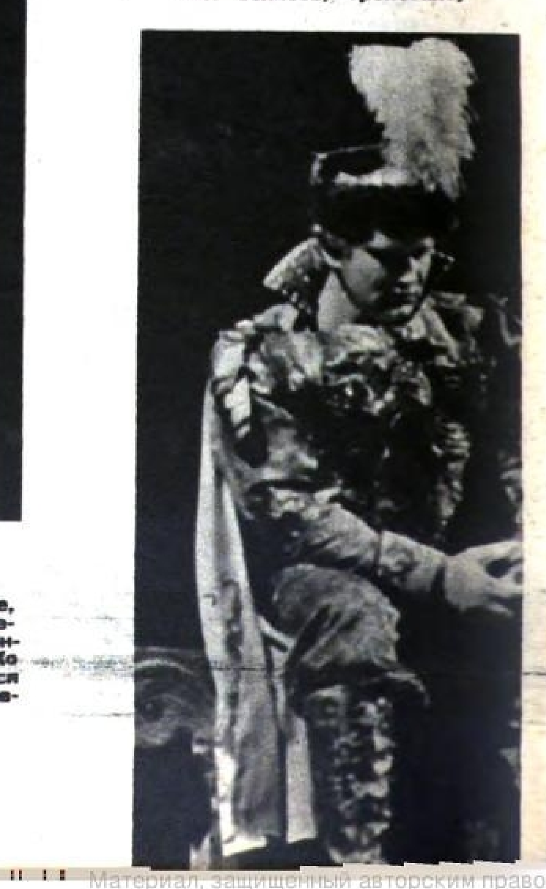
— Горбинку тоньше, изящней: ведь Марина — аристократка...

3 Какое необычное платье: нарядное, пышное, но тяжелое! Неловко и неуютно в нем. Как только раньше женщины носили это? В руках — веер. Ко всему нужно привыкнуть, научиться двигаться легко и грациозно, а главное — естественно.

6 Спела свою первую фразу: «Вашей страсти я не верю, пане» — и удивилась легкости, свободе, которые вдруг охватили меня. Но это было только мгновение. Потом мне стало не по себе. Я никого не видела и словно разделилась на два существа: одно из них боялось, трепетало,

4 Наступил антракт, скоро мой выход...

— Пойди походи по сцене,— советует мне Галина Павловна.

Иду. Вот они, мои владения на ближайшие 15 минут: дворец, сад, статуя, фонтан. Сюда я сейчас выйду на свидание с Самозванцем... Нетерпение и ужас охватывают меня. Уж скорее бы, скорее! Верю, что спою хорошо, но робею. Кто тут прежде ходил, кто пел!.. И вот сегодня здесь я. Даже не верится.

Ловлю на себе взгляды артистов хора, режиссеров, рабочих сцены. Никто не заговаривает со мной: понимают, что волнуюсь. Но вижу: все они желают мне успеха. Уборщица сцены Ульяна Петровна Турченкова, улыбнувшись, молча кивает: «Ни пуха ни пера!»

5 Третий звонок! Подхожу к занавесу, смотрю в глазок. Свет погашен, и зал словно подернут легкой дымкой. Лица зрителей почти не видны. Впереди, в оркестровой яме, рассаживаются музыканты; суфлер в будке зажег фонарик и открыл клавир. Дирижер за пультом поднимает палочку. Началось!..

другое властно приказывало и вело. Ни на минуту я не теряла над собой контроля, а все-таки пела, как в тумане. Мне все мешало: наклеенный нос, прическа, платье, веер, мешали люди на сцене, близость оркестра. Отчетливо я видела только дирижера — Асена Яковлевича Найденова, болгарского музыканта, он выступает у нас в нынешнем сезоне. Он улыбается мне: «Все будет хорошо!»

Мой партнер Георгий Андрющенко старше меня на целый спектакль: партию Самозванца он поет сегодня второй раз!

Вот все и кончилось. Закрылся занавес. Очнувшись, я слышу аплодисменты; кажется, все прошло хорошо. Я ищу глазами родных в ложе; ищу Антонину Андреевну Григорьеву, которая учила меня все эти годы. Но никого и ничего не могу разглядеть...

Федор ВОЛОХОВ | Рассказ | Рисунки С. БРОДСКОГО.

1

Егор проснулся от нестерпимой духоты и злой, надоедливой мухи и не сразу сообразил, где он и что с ним. Во рту было горько, в висках стучало, спина и плечи ныли, словно он спал не на мягкой перине, а на грубых, необкатанных каменьях. Осмотревшись, он повернулся на левый бок, едва слышно застонал и, уткнувшись лицом в подушку, наконец решил: дома. Где же еще быть...

От боли, от жгучего стыда, от жалости к самому себе заскрипел зубами, вытянулся, замер, желая поскорее потонуть во сне, забыться,— и не смог.

В спальне царил стойкий полумрак, но в проеме приоткрытой двери виднелась часть горницы, залитая солнечным светом. Там, на крашенном охрой полу, среди разбросанных лоскутов, Егор увидел три раздавленных папиросных окурка, кусок ржаного хлеба и россыпь мелких разноцветных пуговиц и кнопок. У простенка, на прежнем, давно облюбованном месте, стоял комод, почему-то с выдвинутыми до отказа и перекосившимися ящиками. В самом верхнем из них, над лицевой, с потрескавшимся лаком доскою белой застывшей пеной вздулись спутанные кружева, на позабытом в замочной скважине ключе повис клубок шерстяной пряжи.

«Неужели...» — холодея, вдруг подумал Егор и, уже не чувствуя ни боли, ни хмельной одури, быстро и даже необыкновенно легко поднялся. Без рубашки, с всклокоченными волосами, с помятой и будто отмеченной розовым поперечным шрамом щекой, не обращая внимания на беспорядок в горнице, он пробрался в сени, долго шарил дрожащей рукой в темном углу, чуть было не опрокинул ведро — искал кружку. Не найдя, стал пить из ведра, захлебываясь, обливая грудь и ноги. Напившись, вытерся согнутой в локте рукой, отдышался и с тайной радостью и надеждой привычно хрипло позвал:

— Матрена!

И, точно испугавшись безответной тишины, рванул дверь, сорвался с крыльца прямо на купавшихся в пыли кур, разогнал их, с ярой силой ударил подвернувшегося под ногу лохматого Абрека. Кобель заскулил, припал к земле, а Егор, будто опомнившись от тревожного сна, сказал:

— Думаешь, мне легче?

И заспешил к коровнику, а оттуда в овечий котух, потом к кабанам, ломавшим стойла, и дальше к гусям и уткам, высовывавшим головы из-под дверей птичника. «Скотина дома... не поена, не кормлена...— догадался Егор и ужаснулся:— Значит, ушла... совсем ушла». И, все еще не веря в случившееся, спотыкаясь и цепляясь за ветви, сбивая яблоки и путаясь в густой полегшей картофельной ботве, через сад выбежал на огород и с диким отчаянием, не отдавая себе отчета, зачем и для чего, закричал:

— Матрена-а!

Закричал, присел и прислушался. Но лишь слабое эхо отозвалось на его крик, отозвалось и потонуло за Битюгом, в лугах, у меловых круч, в знойном мареве августовского полдня. И Егор чуть не заплакал от собственной беспомощности, злости и обиды.

2

Родителей своих Егор не помнил. Жил он всегда с дедом — трудолюбивым, скупым, порою бешеным, но чаще всего добрым. Семь лет назад, проводив его в последнюю дорогу, он неожиданно для самого себя запил, да так, что очухался только через две недели. В тракторную бригаду, где работал прицепщиком, он не вернулся, а вскорости, отказав квартирантам, заколотил пятистенку и пропал из села. По-разному говорили соседи о его уходе. Одни утверждали, что Егор подался в Донбасс, на шахты, другие — на золотые прииски, а третьи клялись и божились, будто собственными очами видели его в областном городе, где он, став не то маляром, не то плотником, зашибает деньгу в ремстройконторе.

Так ли это было или нет, но через два лета Егор вернулся, и односельчане удивились происшедшим с ним переменам. Щуплый, тщедушный, постоянно боявшийся простуды, кашляющий, к двадцати шести годам он стал плотен, крепок, раздался в плечах и уже смотрел на своих сверстников, да и не только на них, не робким, настороженным взглядом, а с веселой и снисходительной усмешечкой, словно предостерегая и хвастаясь:

«Попробуй возьми меня за рупь за двадцать!»

С ранней весны, менее чем за шесть недель, он привел в порядок пятистенку, соломенную крышу заменил шиферной, поставил тесовые ворота, двор обнес дощатым забором и ореховым добрым плетнем, а наличники окон, ставни, карнизы украсил резьбою и так расписал, что даже сельские знатоки этого дела только разводили руками.

— Вот те и Егорка! Сразу видно: в деда-покойника пошел. Хозяйственный!

Застроившись, обзавелся коровой, телкой, кабанчиком (в колхозе по дешевке «ухватил»), птицей и почувствовал себя самостоятельным, крепко ставшим на ноги; будто боясь опоздать к уготованному жизнью неведомому сроку, Егор еще больше заспешил: рьяно трудился в плотницкой бригаде, сам управлялся со скотиной, сам готовил себе обед, чинил заношенную и полинявшую одежду, стирал белье. Редко встречали его в завидном шевиотовом костюме, в желтых, начищенных до блеска полуботинках на толстой подошве, при галстуке и часах, в соломенной, с двухцветной ленточкой шляпе. И в клуб на кинокартины он ходил, как говорится, раз в году: не хотел тратиться, а бесплатно не пропускали. Не часто Егора видели и на гулянках, где он держался, как старший, особнячком, больше молчал, слушал, а если и говорил, то как-то с хмурой ленцой, свысока и осуждающе.

— Полька! — скривив губы, корил он танцующие пары.— Вот у нас давали, так давали...

Где это «у нас» и как «давали», Егор не пояснял, да никто от него этого и не требовал.

Но вот на круг выходила Матрена Голубева, круглоликая, ясноглазая, немного смуглая от загара, в расшитой шелковой кофточке, топала каблуком и, стремительно подлетев к Егору, обдавала его запахом духов, горячо дышала в лицо, казалось, наигранно манила к себе, а Егор краснел, терялся, и ноги у него дрожали в коленях.

Несколько успокоившись, он видел перед собой Матренины, со строгой живостью глаза и уходил. А дома, в пустой, гулкой избе, страдал от одиночества и от горячего желания быть с Матреной рядом, чувствовать ее налитое огненной кровью тело и не один раз клялся «изничтожить» Ваську Клыкова, однокашника по школе, ухажера Матрены.

Клыкова Егор не «изничтожил», а Матрену все-таки отбил у него. Помог редкий случай: на троицын день загорелась изба Голубевых. На пожар собралось немало народу, но тушили его осторожно, вяло, без азарта. Прибежал сюда Егор и, увидев, как огонь с какой-то ненасытной страстью пожирает крышу, неутомимо и настойчиво, длинными языками пламени обволакивает стены и двери, неистово зашумел:

— Добро горит, спасайте добро!

И, не дожидаясь ответа, высадил оконную раму, обжигая руки, ухватился за наличники и нырнул в клубящийся бурый дымный поток. Задыхаясь, шарил по избе, падал, хватал первые попавшиеся вещи, с яростным ожесточением выбрасывая их на улицу. А когда на кухне и в сенях рухнул потолок и все собравшиеся на пожаре заохали и бестолково, громко закричали, в проеме пылающего окна показался обессиленный Егор с грузной, потерявшей со-

знание бабкой Матрены на руках. С того троицыного дня стал своим человеком в доме Голубевых: то избу им ставил, то чинил коровник или просто так заходил посидеть, поговорить «о сегодняшнем моменте».

По вечерам зачастил Егор с Матреной в кино, на танцы, а осенью женился на ней. Свадьбу, правда, сыграли позже, по вопнутку. Но что это была за свадьба!

Даже председатель колхоза Иван Петрович Слепокуров, всегда степенный, ко всему привычный и не тороватый на похвалу, и тот отметил Егора, однажды заявив:

— Удивил! Ничего не скажешь, миллионщик!

3

На третий год замужества Матрена родила. Мальчик оказался болезненным, на белом свете продержался недолго, и она вновь засобиралась к подружкам-свекловичницам.

— Пойду, Егорушка,— сказала Матрена мужу.— Нечего мне одной сидеть... надоело...

— А сало не надоело?

— Сказал!

— Вот и скажу. А за домом, за скотиной доглядывать, может, самого Слепокурова велишь пригласить?

— Управимся.

— Управимся! А того не знаешь, что я еще одного кабанчика решил заарканить? — Егор подумал, улыбнулся и замотал головой.— Харош, чертяка! Откормим, продадим, вот тебе и пианина и рояля.

— А играть кто будет?

— Кто, кто?! Не понимаешь, так молчи. Вещь, она во весь век в цене, а может, еще и дольше. Поняла?

Матрена не поняла. День за днем с рассветом она вскакивала с постели с головной болью, возилась на кухне с варевом для кабанов, доила корову, отправляла овец в стадо, выпроваживала гусей и уток на речку, готовила завтрак, обед и приходила на свекловичное поле совсем разбитой.

— Ох, Матрена,— говорили ей подружки,— да на тебе лица нет!

Похудел за работой и Егор. Домой возвращался чаще всего расстроенный, обедал наспех, молча, как чужой.

— Беда случилась какая? — допытывалась Матрена, но он только отмахивался, усаживался на крыльце, курил и почему-то свистел. А полтора года назад он удивил, а потом и напугал Матрену. Явился рано, изрядно выпивши, и, не попадая в гвоздь снятой фуражкой, от самого порога хвастливо и злобно заговорил:

— Хватит! Отмотал свое. Пусть другие дураки на общее дело горбы гнут, а мне это не под стать. Кто я, плотник? Плотник. Первостатейный мастер и прочее. Вот я и отказался за трудовой день и так далее рученьки свои мозолить. Кто я? Человек вольный. По конституции имею права, огражден и прочее.

Упав на диван, Егор поднатужился, сел, выпрямился, мрачно сказал:

— Нет у меня теперь колхозного звания. Кончилось.

И еще раз, точно отрезав, повторил:

— Кончилось. Ж-жик — и нету...

И как ни старалась Матрена переубедить мужа, что без колхоза, где она родилась, выросла, ей и жизнь не в жизнь, плакала, угрожала разводом, Егор стоял на своем.

— Вот ты и членствуй, трудись...—отвечал он тихо и вкрадчиво добавлял:—Ты, значит, в колхозе, и никто нас не тронет, не прижмет. Я все проверил, чтоб все, значит, было в согласии с уставом и прочим законом.

Но, видя, что Матрена не соглашается, упорствует, злится, он повышал голос и орал на весь дом:

— Я же тебе на вольной работе тыщи загребу! Подумай, тыщи, много тысяч! Заживем-то как... царицей будешь, президентшей!..

Апрельской ветреной и холодной ночью ушел Егор в соседний район. И с тех пор Матрена не находила себе покоя. Ей стыдно было перед отцом, матерью, сестрой-десятиклассницей, перед подругами, перед всем народом. И всякий раз, когда она думала о муже, о том, что он бродит по деревням и селам «вольной артелью», клянчит, торгуется, унижается или грозит, и все ради того, чтобы урвать лишнюю деньгу, будто тот, давно отшумевший апрельский ветер холодил ее сердце, и оно падало и замирало.

Егор давал о себе знать не часто, а если и наведывался к дому, то на него было противно смотреть. От него несло стойким сивушным перегаром, но он не замечал и не стеснялся этого: привык. Вынимая откуда-то из-за голенища сапога пачки денег, Егор заискивающе заглядывал в Матренины глаза, хихикая, шептал:

— Одному сердобольному председателю, дураку, скажу по совести, коровничек на белую ниточку сочинили. Знаешь, эдак быстренько, топориком тюк-тюк — вот они и денежки...

— И тебе не стыдно?

— Кому, мне? Чего ради... Сходи-ка лучше, Мотя, в сельпо. Только белоголовку не бери... не люблю, не приучен. Мы больше доморощенной питаемся...

А вчера перед уходом Матрены Егор привел в дом жилистого старичка с реденькой окладистой бородкой и слезящимися, почти бесцветными глазами. Они о чем-то долго шушукались, а на замечание Матрены, что неудобно от жены таиться, старичок елейным голоском ответил:

— Не гневись, матушка, не гневись, милая. Мужецкое дело завсегда есть особливо тайное... не гневись, любушка, мы сейчас...

Потом пришел еще один, в летах, долговязый, с толстыми, вывернутыми губами, с надорванным ухом. Привычно, как старый знакомый, войдя в горницу, он поставил на стол два пол-литра водки и сказал:

— Живы будем — не помрем. Так, что ли, красивая?

Матрена не ответила, прошла на кухню и стала вытирать повлажневшие глаза.

4

Четвертый день Егор оставался без жены. И хотя никогда раньше он не боялся одиночества и тоскливой немоты даже в чужом дому, теперь не только ночью, но даже с наступлением сумерек он страшился и мучительно переживал его. Порой ему казалось, что кто-то невидимый бродит по горнице, шаркает старыми, подбитыми валенками и кряхтит, стонет, плюется и шепчет:

— Доигрался, милок, доигрался...

Это становилось невыносимым. Зажигая свет в горнице, в спальне, на кухне, он боялся оставаться один в доме, выходил на крыльцо и курил.

А на пятый день после ухода жены Егор уселся на прежнем месте так же, как и вчера, затянулся до одури, отдышался и задумался.

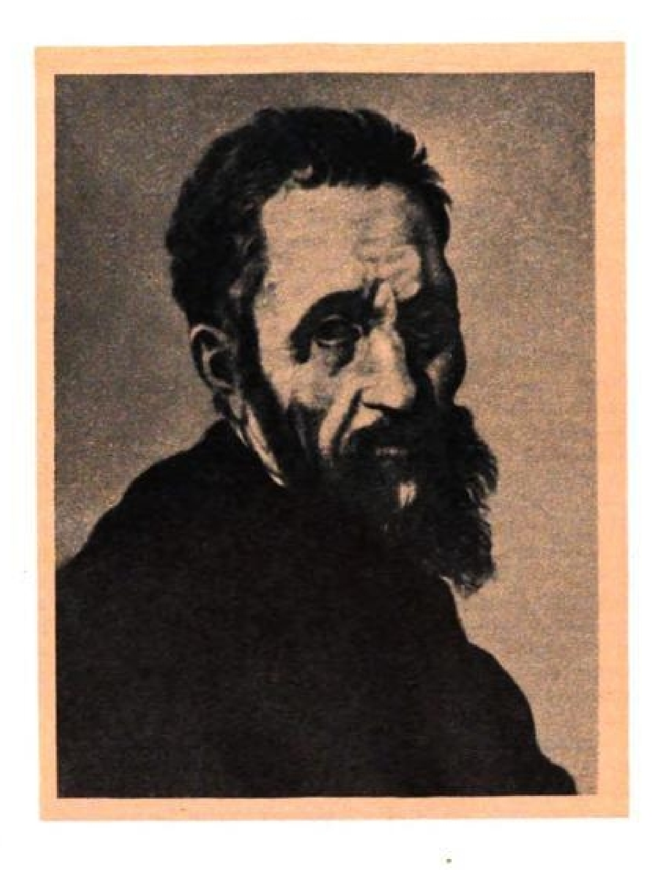
Было тихо. Чистое небо тоже выглядело тихим и лишь изредка как бы вздрагивало тысячами звезд.

Село готовилось ко сну, но по дорогам шли одна за другой груженные зерном машины. Их яркий свет вырывал из темноты избы, мигал, расцвечивал оконные стекла и, бросая на двор жгуче-черные тени, пропадал. И, пристально следя за этой игрой света и тьмы, Егор неожиданно для себя подумал, что это вовсе и не машины проносятся мимо него, а что-то другое, большое и непреодолимо сильное, с чем ему никогда не совладать.

И ему стало еще страшнее.

А небо по-прежнему было чистым, звездным, вечер свежим и тихим. По улице все шли и шли машины...

Воронеж.

БЕССМЕРТИЕ

Евгений ВУЧЕТИЧ

Да, мой друг, мне действительно нравится, что вы с таким восторгом относитесь к Шадру и мечтаете в будущем стать таким же скульптором, как и он. Это стремление юности мне очень понятно.

Академик Щуко, сделав паузу, глубоко вздохнул.

— Но,— он вдруг хитро сощурился,— если бы я оказался на вашем месте, то в качестве образца для подражания избрал бы себе все-таки другого героя.

— Кого вы имеете в виду? — поинтересовался я.

— Только Микеланджело,— коротко ответил Щуко.

— Почему «только», Владимир Алексеевич?

— По очень простой причине, друг мой.— Он медленно откинулся на спинку тяжелого кожаного кресла и, аккуратно сняв пенсне, начал по-близорукому всматриваться в потолок своего кабинета.— Потому что если молодой человек обладает талантом и работоспособностью, то я считаю, что он — при сильном желании, разумеется,— сумеет достигнуть уровня любого современного, да, впрочем, и не только современного, скульптора. А вот Микеланджело...

Щуко водворил свое пенсне на положенное место и, резко наклонившись ко мне, почти в упор сказал выразительным, чуть театрализованным шепотом:

— Ни одному человеку в мире пока еще не удавалось в своем творчестве достигнуть мастерства этого гения. Вы понимаете, что это значит?!.— Он снова сделал паузу.— Поэтому, каким бы вы ни обладали умом и талантом и сколько бы ни жили на свете, вы всю вашу жизнь будете видеть перспективу роста.

Спустя полтора или два года, когда я еще продолжал «помощничать» у Щуко, однажды под утро, когда я вздремнул, он взял обеими руками мою голову и, заглянув прямо в глаза, произнес повелительно:

— Запомните на всю жизнь: вы не имеете права спать более двух часов в сутки, если Микеланджело сумел создать знаменитую правую руку Давида так изумительно...

С той поры пролетело тридцать лет. И хотя с работами Микеланджело многим из нас пришлось познакомиться не в пору юности, а значительно позже, какое-то, я бы сказал, особое, молитвенное отношение Щуко к этому гению передалось всем нам и неизгладимо продолжает жить в нашей памяти, в наших сердцах, беспрерывно совершенствуясь и углубляясь.

И чем дальше движется время, чем все мы становимся старше, то есть чем больше приходится убеждаться в том, что в развитии человеческих талантов, человеческого гения нет и быть не может пределов, тем все более грандиозней становится эта невзрачная, сухонькая фигурка небрежно одетого человека, со сломанным носом, лучше всех доказавшего миру, что же должно быть принципиально главным в жизни большого искусства всякого века.

Но в чем же все-таки состоит секрет, где находится тайна этой великой, всепобеждающей силы искусства Микеланджело?

На эту тему в среде наших да и зарубежных художников ведутся бесконечные споры.

Микеланджело сам дал вполне вразумительный ответ на этот вопрос в одном из своих сонетов. Вот он:

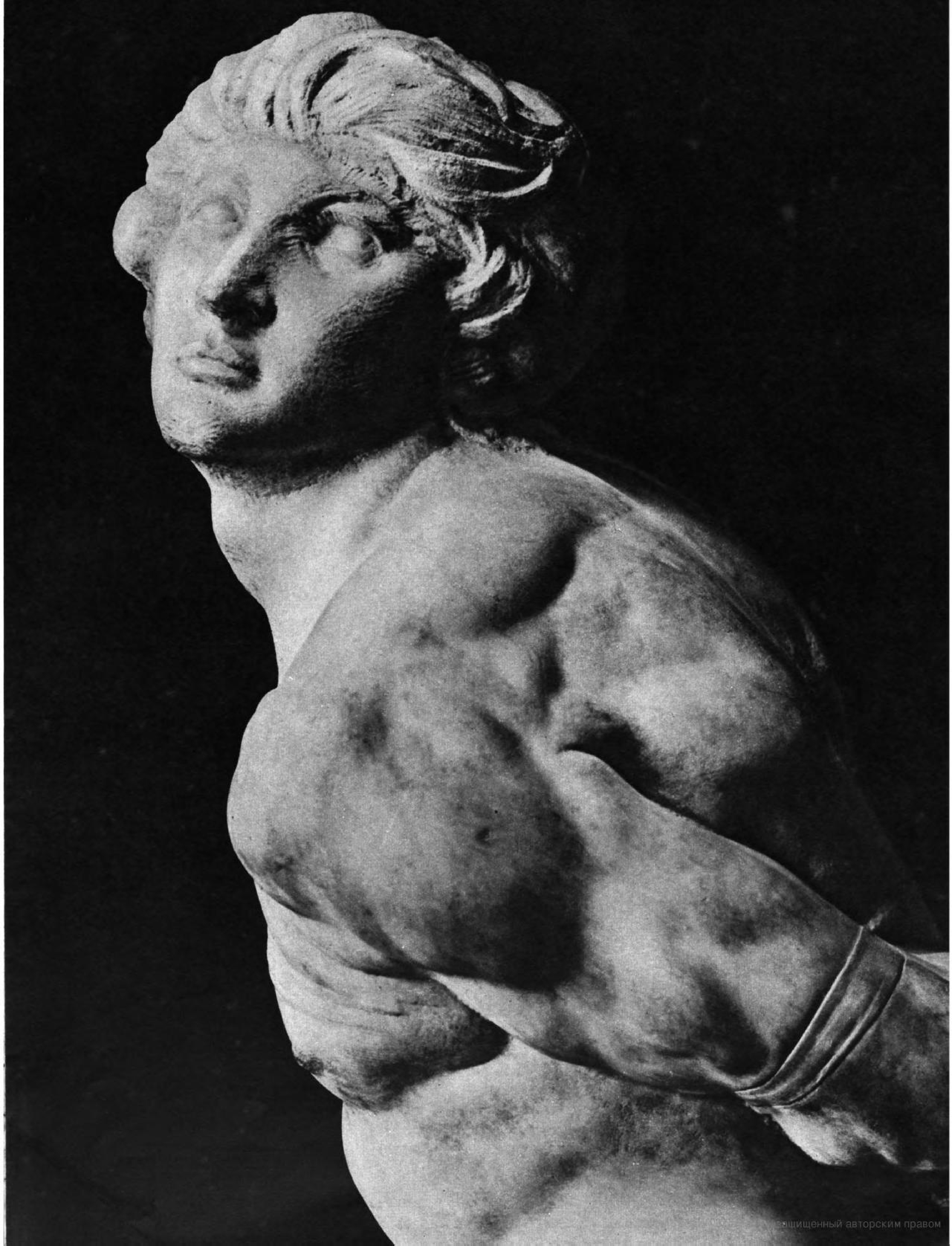
...Удел искусства более велик,
Чем естества! В ваянье мир постиг,
Что смерть, что время здесь не побеждает.

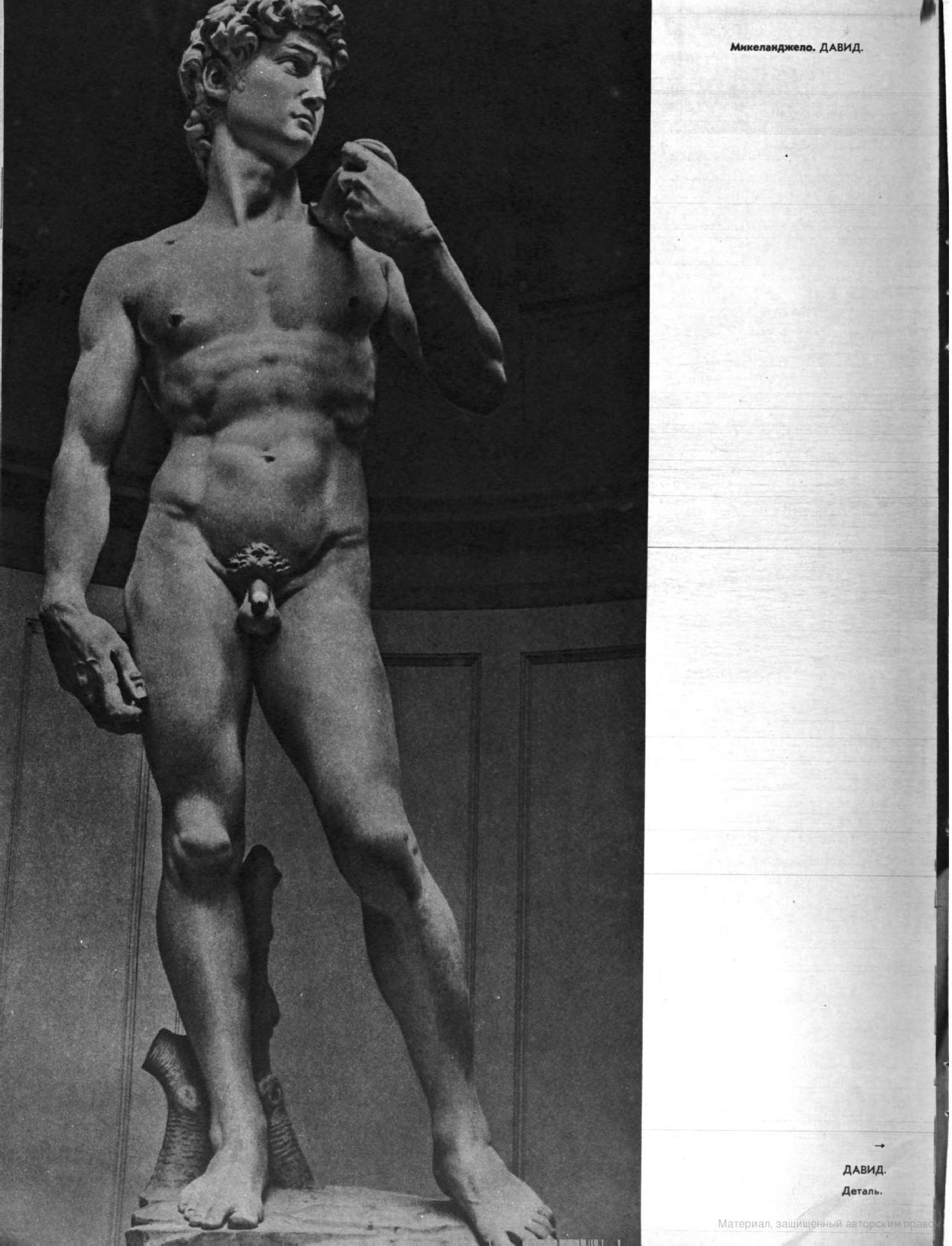
Вот почему могу бессмертье дать
Я... в краске или в камне...

И это верно. Все творчество Микеланджело проникнуто не обычным ощущением живого, а чем-то бо́льшим, ощущением какой-то выжимки жизни, ее сгустка, то есть тем, что является значительно грандиознее, чем даже сама жизнь. И легенда о том, что Микеланджело, закончив статую Моисея, восхищенный своей работой, крикнул мрамору: «Да заговори же ты, наконец!» — лишний раз подтверждает, что какие бы проблемы ни ставило перед художником его время, ощущение живой, клокочущей жизни должно присутствовать в любом произведении искусства непременно.

Микеланджело страстно любил людей. И хотя ему порой приходилось довольно трудно, ибо, постоянно делая кому-то добро, он на протяжении всей своей долгой жизни почти

Микеланджело. ВОССТАВШИЙ РАБ. →
Деталь.

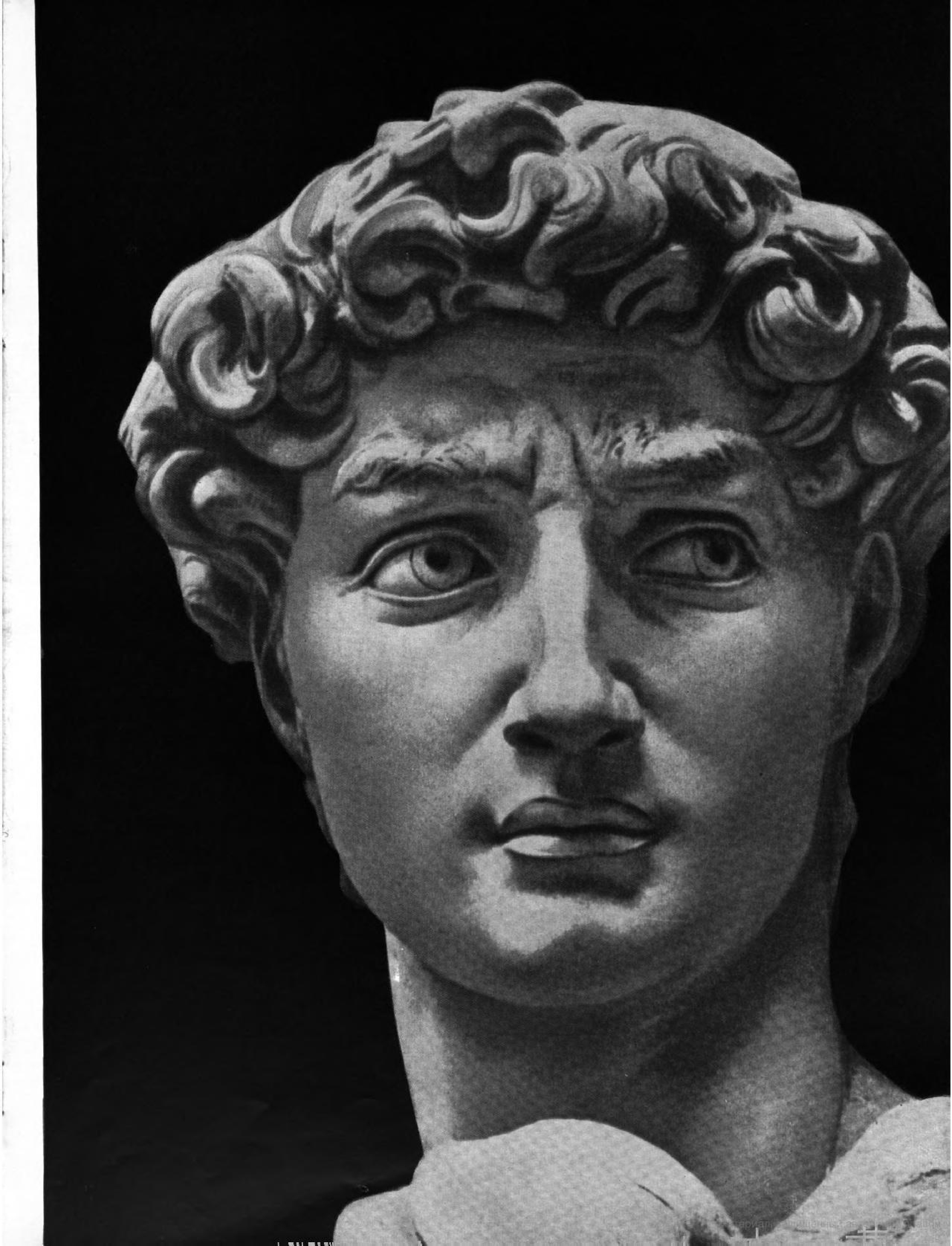

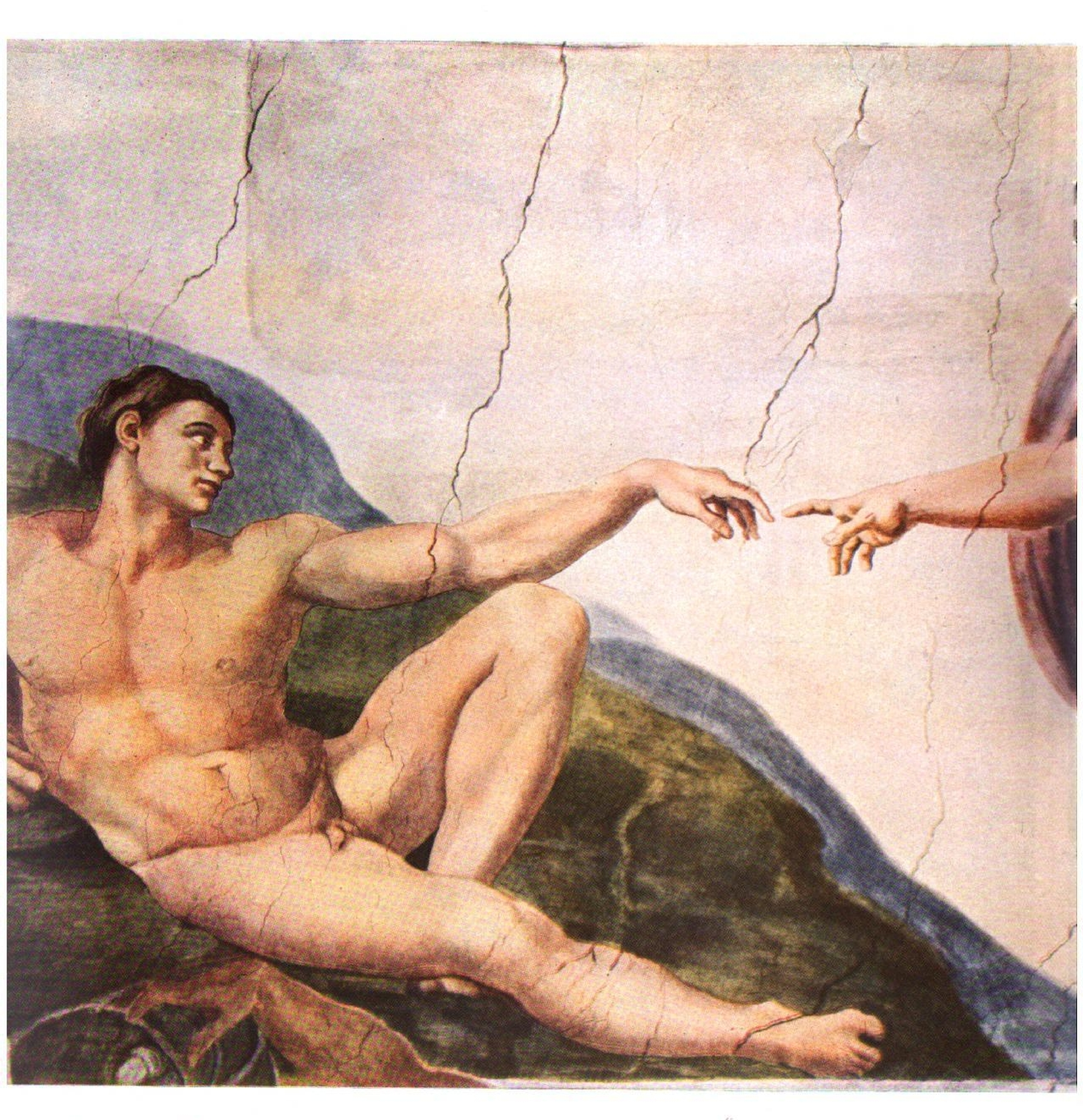

Микеланджело. ДАВИД.

→

ДАВИД.
Деталь.

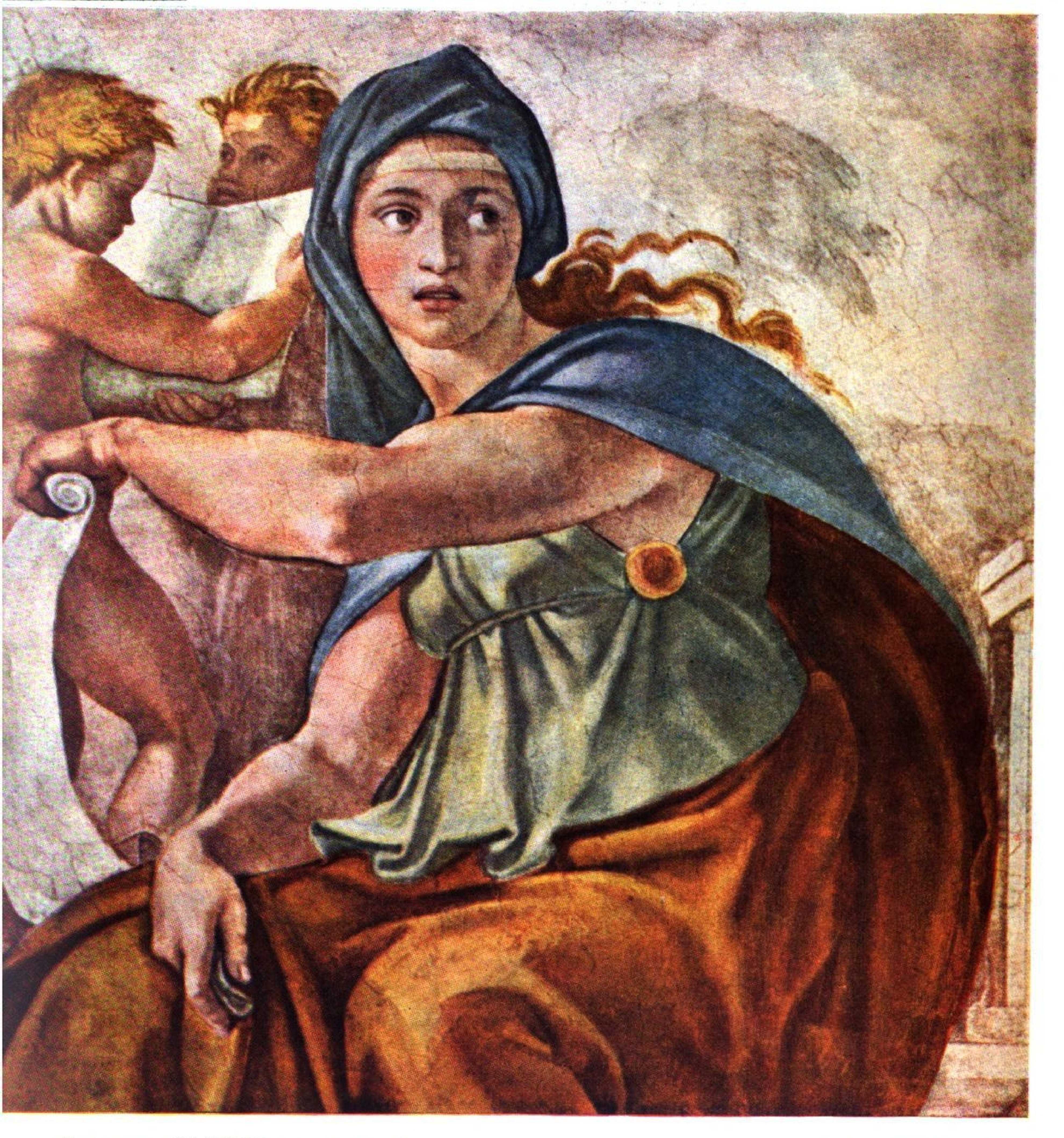

Микеланджело. СОТВОРЕНИЕ АДАМА.

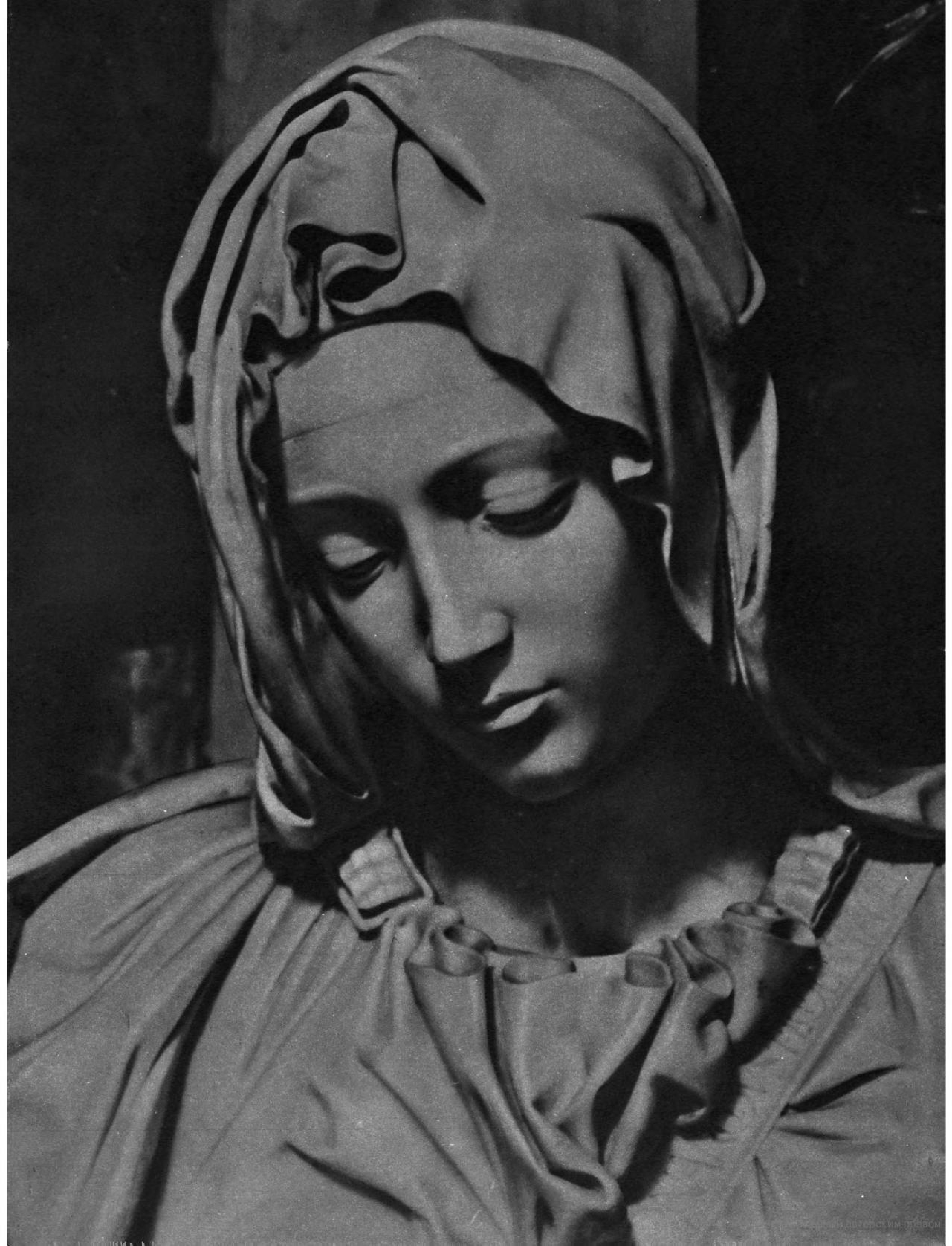
Плафон Сикстинской капеллы.

Микеланджело. ДЕЛЬФИЙСКАЯ СИВИЛЛА. (Деталь). Плафон Сикстинской капеллы.

→

ПИЕТА. (Деталь).

беспрерывно обманывался именно этими людьми, то и дело оказываясь жертвой чьих-либо интриг.

Однако все эти печальные обстоятельства его отнюдь не удручали, и его оптимизм и мужество выразились в сонетах:

Я тем живей, чем длительней в огне;
Как ветер и дрова огонь питают,
Так лучше мне, чем злей меня терзают,
И тем милей, чем гибельнее мне.

Или

Любую боль, коварство, напасть, гнев
Осилим мы, вооружась любовью.

Несмотря ни на какие превратности судьбы, Микеланджело был величайшим гуманистом и бесспорно мудрейшим человеком своего времени.

Как о всяком великом человеке, и о нем сочинялись всевозможные небылицы вроде того, что он рубил свои мраморы с р а з у — без предварительных поисков художественной формы в мягком (простом) материале и, следовательно, без каких бы то ни было пунктировок. В пример обычно приводится имеющийся у нас в Ленинграде так называемый эрмитажный мальчик.

Когда же знающие люди пытались объяснить, что настоящее, большое произведение искусства так сделать нельзя, их немедленно «лишали» звания художников и зачисляли в «ранг» ремесленников.

В прошлом году мы посетили Флорентийскую Академию художеств и внимательнейшим образом разглядывали находящихся там мраморных рабов. Эти скульптуры остались незавершенными, и поэтому на них легко проследить не только всю последовательность обработки камня, начиная со шпунта, закольника или грубой троянки и кончая скарпелью или тончайшей рифлевкой, но и весь умный принцип, по которому этот божественный мастер определял места для установки пунктов, перенося в мрамор найденное им в простом материале в масштабе, равном 1 : 1.

Кстати, у Микеланджело имеется сонет и на эту тему:

Когда замыслит дивный ум создать
Невиданные облики, сначала
Он лепит из простого материала,
Чтоб камню жизнь затем двойную дать...

Перевод А. Эфроса.

Невольно вспоминается и другая выдумка, бытовавшая в свое время не столько среди художников, сколько среди критиков.

Будучи наполовину скрытыми в недообработанном мраморе, фигуры рабов, кажется, стремятся вырваться из своего каменного плена, проявляя при этом сверхчеловеческое напряжение всех физических и духовных сил, какое мог создать только Микеланджело.

И что же, находились «мудрецы», которые серьезно пытались утверждать, что Микеланджело с о з н а т е л ь н о, для «большей выразительности», недорубил свои мраморы. И на этом основании пытались упрекнуть величайшего художника всех времен в какой-то манерности, хотя всему свету известно, что Микеланджело не завершил эти произведения только потому, что умер...

О Микеланджело можно говорить и писать бесконечно, ибо его творчество своими масштабами и глубиной напоминает вселенную.

Когда мы, покидая Флоренцию, посетили мавзолей великих итальянцев — базилику ди Санта Кроче, чтобы отдать земной поклон находящемуся там праху Микеланджело, я снова вспомнил слова академика В. А. Щуко, сказанные им в тридцать четвертом году: «Ни одному человеку в мире пока еще не удалось в своем творчестве достигнуть мастерства этого дивного гения... Вы понимаете, что это значит?!»

Сердце Микеланджело совершило свой последний удар четыреста лет тому назад, но его светлое и прекрасное искусство, искусство бурлящих страстей и самозабвенного гуманизма, беспрерывно является сияющим солнцем для тех, кто несет свое творчество народу и времени.

Наш век — век не только грандиозных свершений, но и грандиозных катастроф.

Сегодня люди уже начинают видеть зарю Возрождения. Однако люди могут оказаться свидетелями и гибели цивилизации.

Было бы лучше, чтобы вместо соревнований в производстве бомб народы мира устроили бы соревнования в развитии культуры, науки, искусства.

Мне представляется, что, отмечая эту светлую дату б е с с м е р т и я Микеланджело, надо создать комитет имени великого Микеланджело Буонарроти и раз в три года присуждать «З о л о т у ю м е д а л ь М и к е л а н д ж е л о» тому скульптору или живописцу, чье прекрасное создание своим высоким гуманизмом прославляло бы жизнь и звало к светлому завтра Земли.

← Микеланджело. МОИСЕЙ.

На соискание Ленинской премии

ДЕРЖАВНАЯ ОСЬ ПОЭЗИИ

О поэме Бориса Ручьева «Любава»

Есть поэты, которые сохраняют на всю жизнь подкупающую верность своей главной, излюбленной теме. У Бориса Ручьева это тема, которую «кто индустрией, кто индустрйей, кто гигантом зовет».

Индустриализации Советской России, ленинской мечте, посвятил Ручьев почти все свое творчество начиная с 30-х годов. Верность ей поэт «красным солнышком» пронес в душе через вынужденное двадцатилетнее молчание, после которого читатели увидели новые книги: «Проводы Валентины», «Прощание с юностью», «Любава».

Поэма «Любава» — одно из примечательнейших поэтических полотен последнего времени. Она многопланова и в то же время чрезвычайно едина по своей сути. «Любава» — это гимн «земле беспощадных работ» — Магнитке и ее строителям, что «во фрунт» становились вместе со всей Россией, «все народы смикая в ряды». И в то же время это песня о юности, суровой и нежной, и о любви, горькой и прекрасной, как сама жизнь.

Вчерашний боровлянский паренек Егор, у которого нет «ни ворот, ни коня», безответно влюбленный в кулацкую дочь — красавицу Любаву, уезжает на строительство Магнитогорска.

Именно здесь, в кипени великого преобразования страны, идет и процесс становления героя как гражданина. Да и только ли его одного!

Чем-то всяк здесь становится краше.
И заместо «т в о е» да «м о е»
чаще слышно по-здешнему — «н а ш е»,
н а ш е слово и н а ш е житье.
. . . .
Будто в праздник, для всех без талона
все становится н а ш и м сполна —
н а ш е солнышко, н а ш и знамена,
город н а ш и Россия-страна.

Борис Ручьев ведет своего героя к прозрению и осознанию своего «я» сложным, жизненно достоверным путем. Поэт знает, что схема никогда не заменит человека, а выдумка — правды. В жизни все не просто, недаром пословица молвит, что жизнь прожить — не поле перейти!

Вот и ударником стал Егор, и статейка о нем в газете напечатана, а первая любовь к Любаве жива, как и прежде, когда он «всех девчонок Любавами звал». И вот оно, счастье-то: Любава приезжает на стройку к Егору, в барак, где на стене висят ее портреты: «слева смотрит — лукавая — косо. Справа смотрит — родная — в упор, синеглаза, чудна, русокоса, боровлянская вся до сих пор». Но уже при первом разговоре ее с Егором возникает трагедийный конфликт: Любаве не по сердцу новая жизнь в Боровлянке, она, «раскрываясь, как книга», говорит Егору о деревне:

Каждый вечер — собранья да сходки,
в каждом доме галдеж да дележ.
Терпят люди по доброй охотке,
им — по нраву, а мне — невтерпеж...

Так и остается она у Егора: в собственном, отдельном закутке «вся — моя и, до злости, чужая, без подвоха — Любава, как есть».

Чем-то неуловимо напоминает Любава другой очень яркий образ — шолоховскую Лушку из «Поднятой целины». Такая же она «вражина», так же бесшабашна, красива и языкаста и... по-женски обаятельна.

Не мелкие страстишки, а страсти обуревают героев поэмы, не увлечение, а большая любовь руководит ими. Это и создает ощущение достоверности происходящего в поэме, создает тот контакт автора с читателем, без которого немыслима настоящая поэзия.

Запоминается такой эпизод.

К Егоровой бригаде приходит секретарь комсомольской ячейки и говорит со строителями о будущем городе, что он, город, будет «первой в мире святыней». А Любава не может этого принять да по нраву своему и молчать о своих чувствах не может.

От всей поэмы идет почти физическое ощущение света и чистоты. Вот Магнитка: вся-то она перепахана и перекопана, а автору она кажется «мировым Перекопом», бараки и тесны и темны, а люди в них замечательные, отзывчивые, с ними горы своротить впору!

Личная трагедия главного героя не заслоняет от нас ощущения большого человеческого счастья — жить на земле, строить и возвеличивать трудом и пóтом своим родную землю. Весь пафос поэмы — в этом жизнеутверждающем начале. От первых строк ее, где «как пошла вдруг да как повалила вся Россия на Магнитострой», до великолепно-дерзкого утверждения в финале, что «выше нашего Магнитостроя в мире не было горных высот», лейтмотивом звучит гордость рабочего человека за дело рук своих, гордость за партию. К гордому утверждению идет поэма:

Не простым,
а партийным стараньем,
хоть и хвастаться нам не с руки,
вновь зажгли мы предутренней ранью
все погасшие в ночь огоньки.
Словно здесь в откровенье высоком
мы нашли
ту державную ось,
что строительство, вздрогнув под током,
как исправный мотор, завелось.

Поистине «Ильичевой души» коммунисты населяют страницы ручьевской поэмы, будь они с партийным билетом или без него.

После штурмовой бессонной ночи дается приказ:

«Коммунисты, от штаба — ни шагу, беспартийных прошу по домам!» Но этот приказ не исполняется. «Если нет у меня партбилета, так и совести, стало быть, нет?!» — гневно спрашивает бригадир начальника штаба и продолжает:

Или мы городскими не стали
или нам эта честь не дана?
Коммунисты пущай хоть из стали —
ну, а мы из чего...

Так думают и все остальные. Так думает и бывший голодранец, а ныне подданный «ее величества Домны» Егор.

Поэма «Любава» — подлинно народное, историческое полотно. Она воскрешает славные годы первых пятилеток, незабываемые дни и ночи той поры, когда претворялся в жизнь грандиозный ленинский план преобразования России.

Читая поэму, современники поэта вспомнят свою молодость и помянут ее добрым словом; читая поэму, дети наши позавидуют легендарным строителям индустриальной России; читая ее, потомки преисполнятся гордостью за своих предшественников, за время большевиков!

Н. ГРАЧЕВ

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Этот отрывок взят из пятой части поэмы «Трагедийная ночь». Автор недавно завершил работу над произведением о строительстве Днепрогэса, которую начал еще в 1930 году.

В заключительной части поэмы рассказывается о Миколе Таране, батрачившем у Юхима Хомяка. Миколе хочется разбогатеть. Кулак Юхим, издеваясь в душе над батраком, советует ему отправиться на Днепрострой, где на дне реки, по преданию, сечевики зарыли золотой клад.

И вот что случилось с Миколой на острове Хортица...

Клад

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

...В ту ночь,
еще до темноты
Свершив далекий путь,
Микола
Пришел на Хортицу. Он был
Таким счастливым и веселым,
Что этим сам себя смешил.
Здесь побывав со всей бригадой
В экскурсионный давний день,
Приметил он, что с дубом рядом
Растет роскошная сирень.
Невдалеке вилась дорога,
Поток прохожих не был мал,
И все ж сирень никто не трогал,
Не рвал, не мял и не ломал.
Что ж? Он свершает преступленье?
Нет, нет! Он не был Хомяком!
Ему хотелось куст сирени
С корнями вырыть, целиком,
И этой ночью
в честь Наташи
Переселить в незрачный сад,
Которым дворик был украшен
У общежития девчат.
Приставив к дереву лопату,
Он сел, усталый, на пенек,
Увидел первый след заката
И не задуматься не смог.
Пред ним растущая плотина,
Чуть видных дерриков ряды,
Воды бурливая стремнина,
Дома, цветущие сады.
Сейчас вон там,
в десятках зданий
На правом берегу реки,
Сидят за партами в молчанье
Его братаны и дружки,
Что до сих пор не знали сами,
Какой положен им удел,
А завтра станут мастерами
Всех инженерных трудных дел.
Дружки сидят сейчас, листая
Страницы умных толстых книг.
Из сотен парт одна пустая?
Пустяк! Убыток невелик!
Один прогул ему простится.
Недаром ставится в пример
Всем, кто пришел туда учиться,
Таран — грядущий инженер.
Промчатся годы честь по чести
И не в мечте, а наяву
Он маханет с Наташей вместе
В Кузбасс, Магнитку иль Москву...
Но хватит чваниться.
За дело
Берись, лопата — старый друг!
Чтоб ты за корни не задела,
Давай наметим крупный круг
И мы с тобой, моя голуба,
Шикарный куст достанем весь.
Какой возьмем? Поближе к дубу?
Нет. Лучше этот. Роем здесь.
Вот будет смех в девичьем доме!
Ведь за ночь вырастет сирень...

...Летят земли тугие комья,
Холмом скрывая древний пень.
Точны, размеренны движенья
Умелых, ловких, сильных рук.
Широк окоп вокруг сирени.
Все глубже, глубже он...
И вдруг
Лопата стукнулась о что-то
Со звоном
явным, но глухим.
Отер Микола капли пота
И замер, нем и недвижим.
Нет! Это чушь! Как? Неужели?
Поверить — глупо и смешно...
А вдруг не чушь
и в самом деле
Сечевики свой клад велели
Зарыть сюда, а не на дно?
Нет! Быть не может! Это камень!
Нет, нет! Не камень! Это клад,
Что ждал наследника веками,
Тот клад, что сказочно богат!
Нет, нет! Я глуп! Доверчив! Темен!
Легенду создал наглый лгун...
...Летят земли тугие комья.
Стучит лопата о чугун.
Еще минута —
и Микола
Из-под земли на свет извлек
Большой,
чудовищно тяжелый,
Набитый золотом горшок.
При ярком пламени заката
Сияньем потрясали взор
Колец, монет и слитков злато,
Церковный утвари узор...

Свой клад снеся к пеньку другому,
На самый верх прибрежных скал,
Присел Микола.
Грохот грома
В его душе не умолкал.
Но странно. Золото литое
Его в восторг не привело.
Прикосновенье золотое
Ему и ум
и руки жгло.
Так что ж?
Теперь отдаться снова
Всему, чем гнусен человек?
Так что ж?
Опять надеть оковы,
Что были сброшены навек?
Ему, Миколе,
ясно было,
Что этим золотом лихим
Кривые лапы
из могилы
К нему протягивал
Юхим.

...Он жаждет, злодей,
Иль вернуть, иль украсть
Из крепких когтей
Ускользнувшую власть.
Стремится найти
Воровское пристанище
В старое тянущий,
Зренье туманящий,
Разум таранящий,
Сердце тиранящий
Тараканище.

На всех языках Таракан говорит.
Он ненависть сеет. Он мерзость творит.
Он хочет владыкою быть над людьми,
Над сердцем и думами каждой семьи.
Он людям внушает, что вправе корысть
За грош барыша человека загрызть,
Что главное в мире — наживы кусок,
Большой или малый чугунный горшок.

Чугунный горшок,
Чугунный горшок —
Икона и знамя,
Диктатор и бог!
Иди, человече,
Во имя его
На взятку, растрату,
Подлог, воровство.
За должность борясь,
Добывая рубли,
Любого с дороги
Спихни и свали.
Пусти в оборот,
Чтоб к добыче пролезть,
Поклепы, и сплетни,
И склоку, и лесть.
Обслуживай сильных
Покорней слуги,
Юли, раболепствуй,
Угодничай, лги.
Молчи, увидав
Преступленье и грязь.
Иль славь беззаконье,
А грязь приукрась.
Гляди на людишек,
Как зверь на зверье.
Ведь главное в жизни —
Корытце твое.
Ведь главное в мире —
Ты сам, ты один,
Твой грош, твой кулак,
Твой куточек, твой тын,
И он,
Твой владыка,
Твой идол, твой бог,
Большой или малый
Чугунный горшок.

...О, да! Теперь Микола может
К полоске ринуться своей,
Построить дом, большой, пригожий,
И жить не хуже, чем Кощей.
Он может там,
в гнезде осином,
Зажав копеечки в горсти,
Плетнем, стеной, забором, тыном
И дом и душу обнести,
От всех людей отгородиться,
Стать Хомяком иль байбаком
И жрать
из своего корытца,
Не видя ничего кругом.
Ко всем он будет безучастен.
Живой, он тленьем будет взят,
Как мертвый...

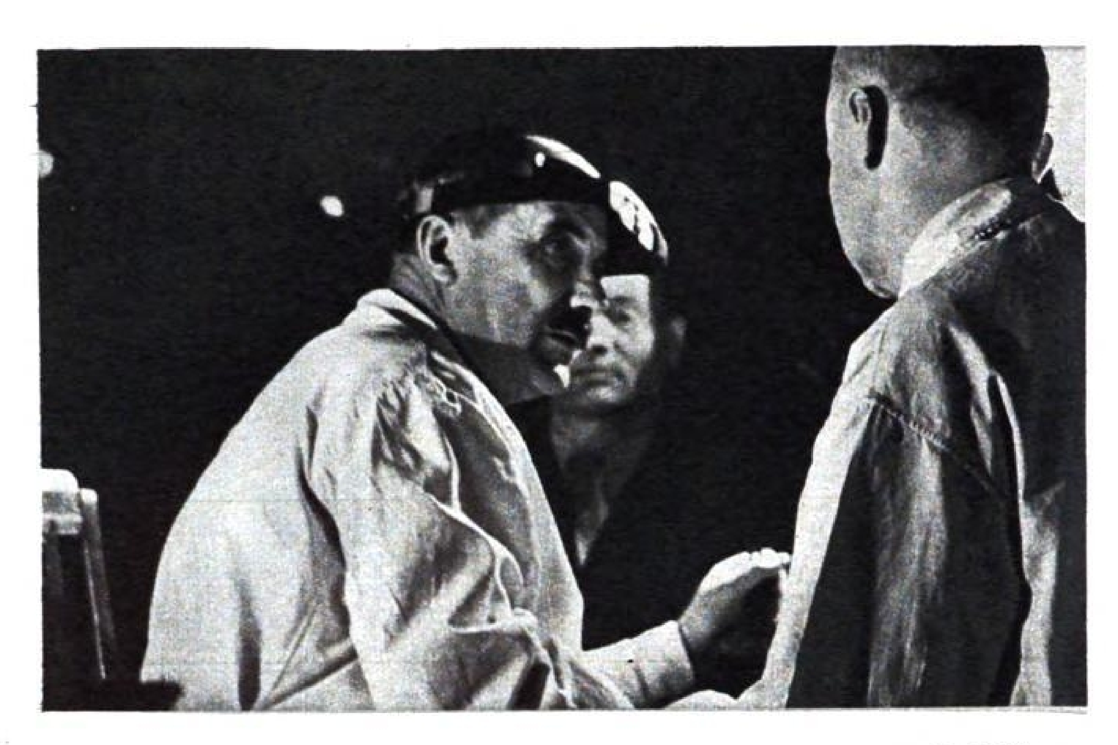
Вот какое счастье
Ему сулит Юхимов клад!

А здесь,
на стройке Дніпрельстана,
Он клад
совсем другой нашел.
Его друзья, его братаны,
Любовь, Наташа, комсомол,
Все те, что с ним трудились рядом,
И люди всей родной земли
Несметным,
грандиозным кладом
Ему
весь мир преподнесли!

Он мир увидел четко, ясно
И понял,
к счастью своему,
Что в этом мире все подвластно
И все принадлежит
ЕМУ!
И не добьется стан растленный
Презренной банды Хомяка,
Чтоб стал
хозяин всей вселенной
Рабом
чугунного горшка...

О. ШМЕЛЕВ, А. СЕРБИН

Фото А. УЗЛЯНА.

Прием ведет В. Е. Шевалев.

Дарящие свет

С чего начать, если речь идет о слепых?

Может быть, вернее всего будет сразу сказать, что зрячие люди никогда слепых не поймут?

Представить себя человеком, потерявшим зрение, легко, но это не значит понять. Зажмурившийся человек знает: стоит ему разомкнуть веки — и он увидит окружающий мир, он вернется в светлое бытие. А самое страшное в психологии слепого то, что он уверен: ему уже никогда не увидеть света. И он не питает никаких иллюзий.

Против этого отчаяния, поняв слепых как никто другой, восстал русский ученый Владимир Петрович Филатов. О нем не надо говорить громких слов, никакие слова все равно не выразят огромности исполненного им на долгом жизненном пути. Здесь пойдет рассказ о сегодняшнем дне его детища — Украинского научно-исследовательского экспериментального института глазных болезней и тканевой терапии имени академика Филатова в городе Одессе.

* * *

Утверждать, что до двадцатого века люди не отваживались вступать в хирургическую схватку со слепотой, было бы неверно. Излишне сравнивать давно минувшие времена с нынешними и делать заключение в пользу хирургов шестидесятых годов двадцатого века. И все-таки, посмотрев операцию в Филатовском институте, невольно проникнешься — не побоимся слова! — благоговением перед прогрессом, достигнутым советскими хирургами-офтальмологами.

...На операционном столе Гайкуша Саркисян, двадцатидевятилетняя женщина. Голова ее покрыта стерильной накидкой с аккуратно вырезанным отверстием, которое открывает правый глаз.

В предоперационной сестра помогает надеть стерильное облачение хирургу, который будет делать операцию,— директору института, профессору доктору медицинских наук Надежде Александровне Пучковской.

Ассистенты хирурга — молодые врачи института Екатерина Ивановна Клюцевая и Казбек Киязович Тагибеков — уже приготовили больную.

Хирург подходит к изголовью стола. У нее перед глазами квадратные толстые увеличительные стекла, выдвинутые на ладонь вперед, приспособленные на оправе от очков. Она смотрит несколько секунд на немигающий глаз Гайкуши через эти стекла. Предстоит операция, называемая полной послойной пересадкой роговицы.

Начинается разговор с ассистентами — вполголоса, почти шепотом. Вернее, не разговор, а монолог хирурга, состоящий из предельно коротких реплик, прерываемых долгими паузами. Иногда Надежда Александровна сама для себя говорит тихо: «Так...» — и комментирует то, что в данный момент делает. Ассистенты не пропускают ни одного ее движения, ни одного слова. Это операция и одновременно наглядный урок.

— Капать! — тихо приказывает Надежда Александровна.

Над глазом возникает рука ассистента со шприцем. Мелкие, как бисер, светлые капли орошают невидящий глаз Гайкуши...

Кто она? Как попала сюда?

Гайкуша живет и работает в Ереване. Она окончила Ереванский университет по химическому факультету. Работая в лаборатории, в последнее время очень заинтересовалась поиском новых препаратов для лечения сердечных заболеваний. Много дней и ночей думала она, сотни экспериментов остались позади, и наконец она подошла к цели: вел-ся опыт, который должен был дать кристаллы искомого вещества.

Вот-вот должен был начаться процесс кристаллизации. Гайкуша склонилась над сосудом, и вдруг в лицо ей брызнула жгучая струя. Реакция вышла из повиновения. Ожог щелочью, который получила Гайкуша, врачи считают одним из самых тяжелых...

В руках у Надежды Александровны нож, он не более тех нестрашных инструментов, что входят в наборы для маникюра.

Начинается главный этап операции.

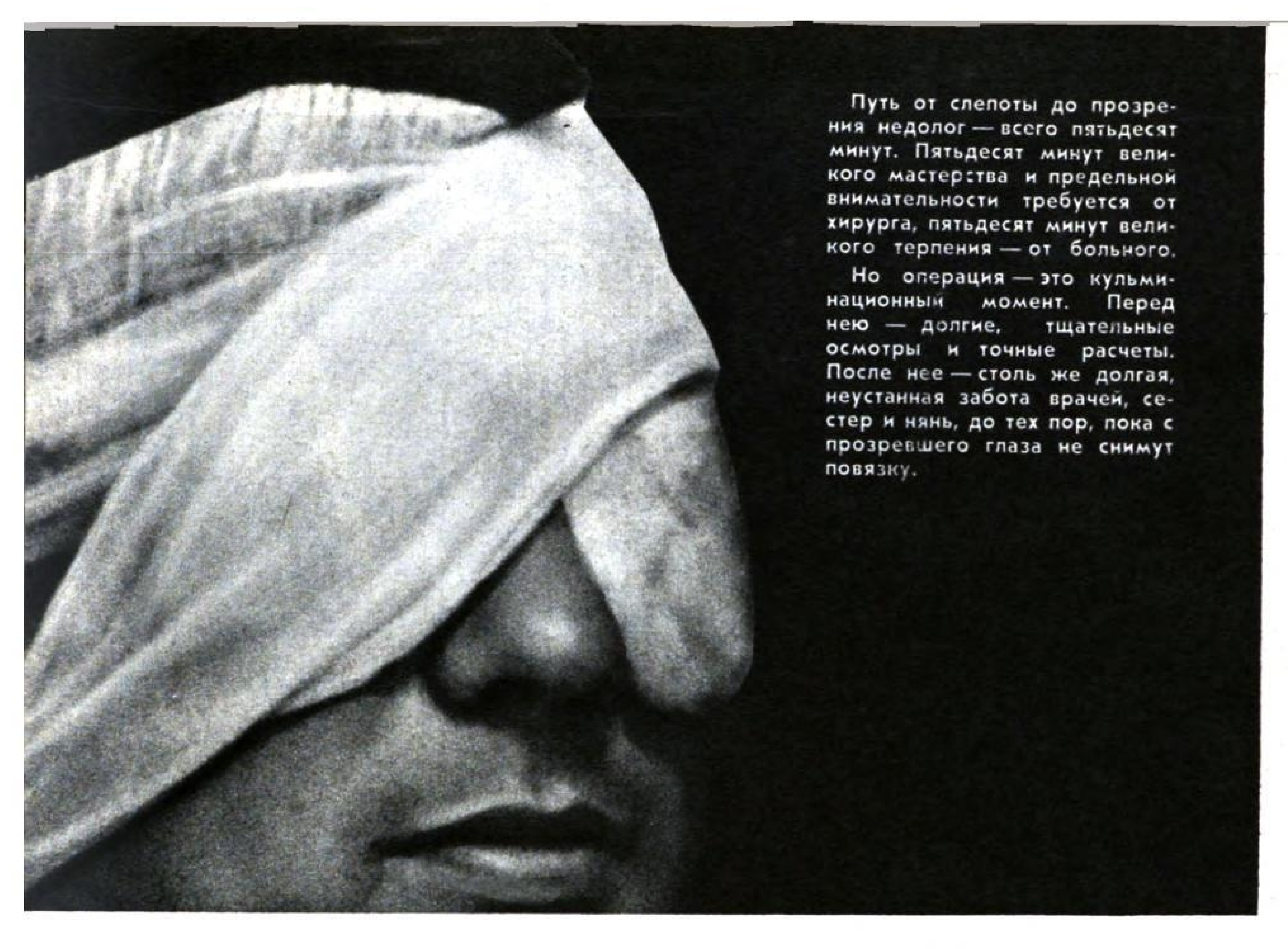
Необходимо срезать ставшую непрозрачной броню глаза — роговицу. Ее толщина — миллиметр, а чаще — ноль и восемь десятых миллиметра. Удалять надо не всю роговицу. Срезать следует лишь помутившийся слой толщиной в 0,4—0,5 миллиметра. И сделать это хирург может, только полагаясь на свои руки и глаза. Никаких подсобных измерительных и контрольных приборов в его распоряжении не имеется. Язык не поворачивается сравнивать его работу с искусством ювелира. Здесь все неизмеримо искуснее.

На пятнадцать минут операционная погружается в напряженную тишину, нарушаемую лишь нежным бульканьем воды, кипящей в стеклянной колбе на электроплитке.

Наконец готово! Тончайший слой мутной роговицы снят нечеловечески точным ножом хирурга, и открылась чистая зеница глаза.

— Готовить трансплантат,— говорит Надежда Александровна.

Сбоку от операционного стола, у окна,— маленький столик, на котором лежит круглая алюминиевая баночка. В баночке стеклянная бюксочка, а в ней — глаз, взятый у умершего человека. Хирург присаживается к столику с ножом в руке. Она должен с таким же искусством, как только что делал это на живом глазе, срезать столь же тонкий слой роговицы. Это и будет трансплантат, который надо наложить на глаз оперируемого взамен удаленного слоя роговицы.

Путь от слепоты до прозрения недолог — всего пятьдесят минут. Пятьдесят минут великого мастерства и предельной внимательности требуется от хирурга, пятьдесят минут великого терпения — от больного.

Но операция — это кульминационный момент. Перед нею — долгие, тщательные осмотры и точные расчеты. После нее — столь же долгая, неустанная забота врачей, сестер и нянь, до тех пор, пока с прозревшего глаза не снимут повязку.

Есть в медицине целый круг щепетильных вопросов, и вопрос с трансплантатом для пересадки на человеческий глаз — из их числа.

Никакая роговица — ни звериных, ни рыбьих глаз, никакие синтетические заменители не годятся для приживления. Пробовали — не получилось. Для пересадки нужна только роговица человеческого глаза.

Откуда же берутся резервы для получения трансплантата? На это можно ответить просто. Много есть на свете людей, особенно среди тех, кто сам страдал от болезней, которые в святых интересах науки, ради здоровья других разрешают использовать глаза своих умерших родственников во имя излечения совершенно незнакомых живых людей.

— Швы!

Ассистент подает тонкую короткую — короче мизинца — нить, продетую в маленькую — чуть длиннее ногтя — иглу. В руке хирурга иглодержатель — маленькие щипчики.

Сначала пришивается верхний край роговицы, потом нижний, потом правый — в устье глаза, потом левый и так далее. Всего швов восемь. И на каждом надо завязать три узла.

Это не обычные нитки — это биошвы. Через несколько дней они рассосутся бесследно.

Наконец в последний раз звучит самая частая в операционной команда:

— Капать!

Теперь это пенициллин. Во избежание гнойного воспаления.

Надежда Александровна покидает операционную. Она устала, но заметить это может лишь тот, кто давно с ней работает. Повязку и предохранительную сетку на глаз оперированной наложат и без нее.

Пятьдесят минут потребовалось Пучковской, чтобы сделать полную послойную пересадку роговицы. Пятьдесят минут высшего хирургического мастерства и предельного внимания, когда все существо сосредоточено на кончике ножа.

Впереди длительное лечение, но главное позади.

...Аурелии Валичук сорок четыре года. Она румынка, жительница Бухареста. У нее есть муж, который получает пенсию, и двое детей — парень восемнадцати лет и девятилетняя девочка. Детей своих Аурелия не видела. Как раз восемнадцать лет назад она совсем потеряла зрение.

До рождения девочки Аурелия не проявляла настойчивости в поисках излечения от слепоты. Она успела смириться и разувериться в могуществе медицины. Вскоре после того, как родилась дочка, Аурелия услышала от знакомых, что в Советском Союзе есть врачи, возвращающие зрение таким же, как она, слепым. Робкая надежда возникла в ее душе. Вместе с надеждой начало расти и чувство протеста: к черту обреченность, она должна побороться — хотя бы для того, чтобы увидеть своих детей!

Аурелия написала письмо в министерство, которое ведает здравоохранением в Румынской Народной Республике. Оттуда отправили запрос в Советский Союз. И вскоре Аурелии сообщили, что ее ждут в Одессе.

Сейчас Аурелия видит обоими глазами. Осталось только завершить курс послеоперационного лечения, которое с такой тщательностью и нежностью ведут врачи, кого бы из больных это ни касалось.

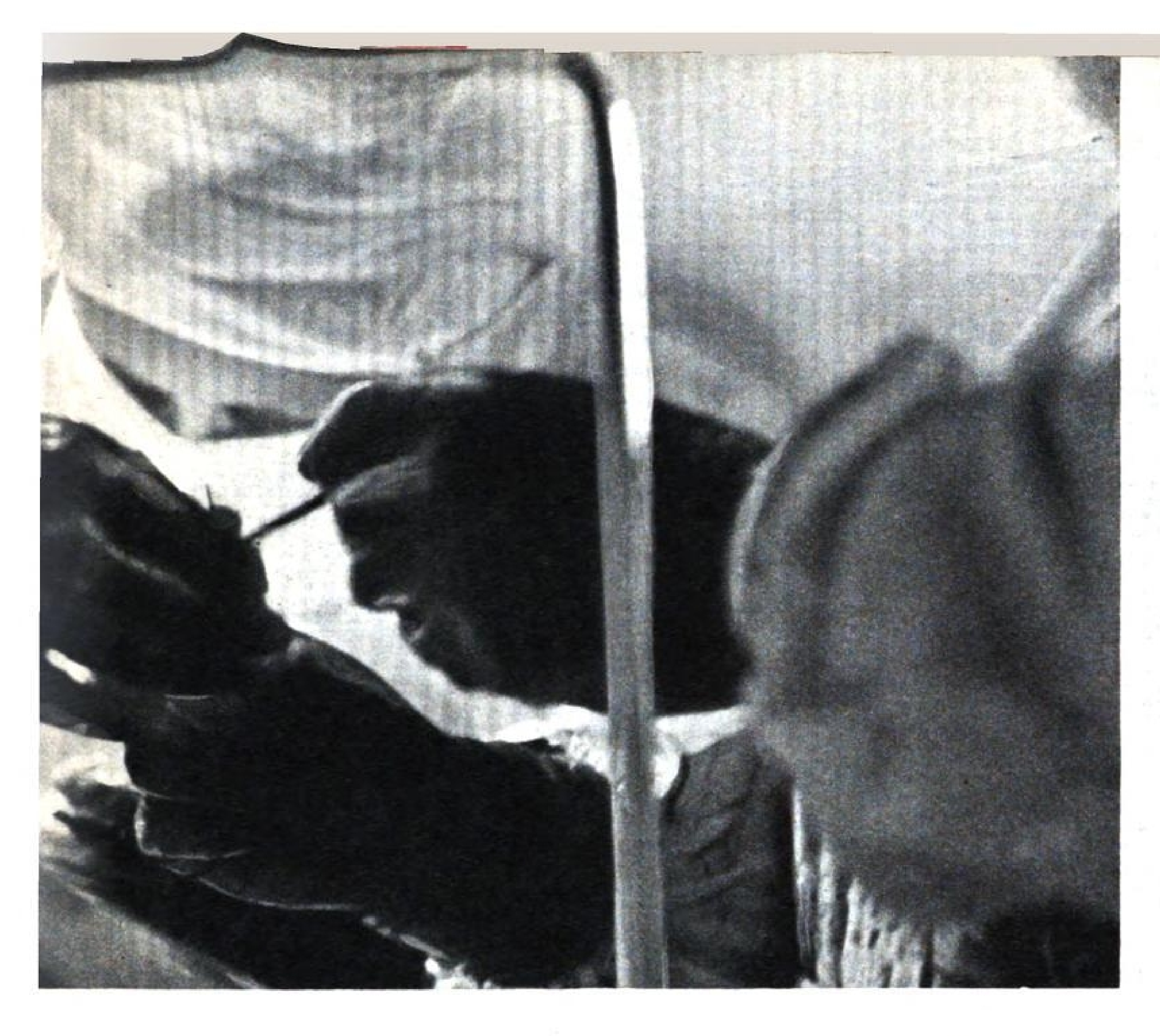
...Разные люди — разные жизненные пути. В одном их судьбы схожи: все они явились в Одессу с палочками в руках.

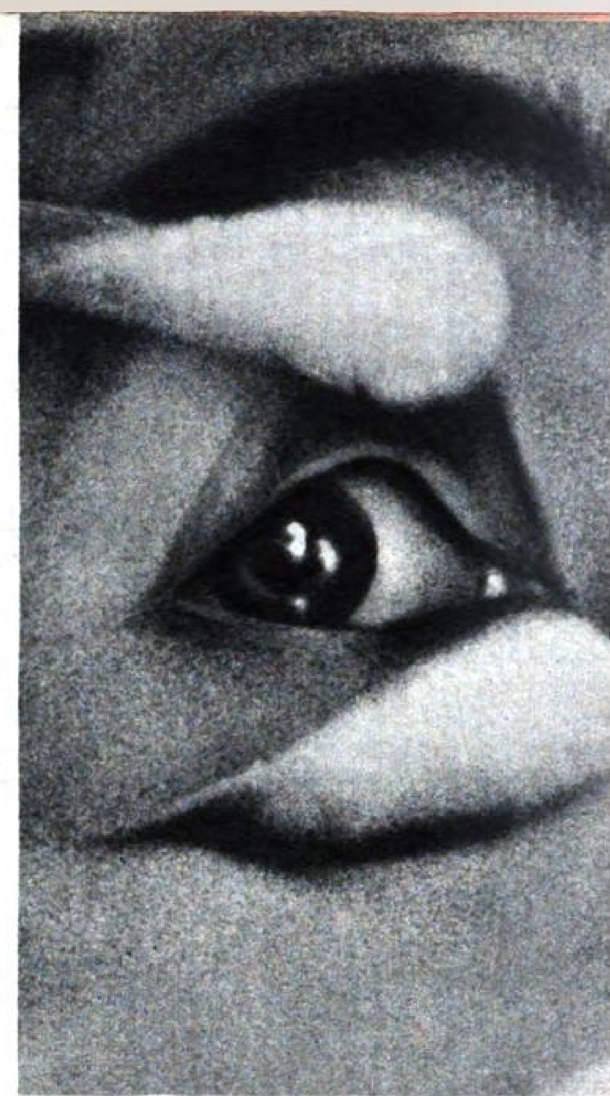
В институтских коридорах не слышно столь характерного постукивания палками. У приезжающих сюда слепых палки отбирают вместе с верхним платьем, а куда они потом деваются, никто толком не объяснит. При выписке их за ненадобностью не требуют.

А Иван Васютин из Старого Оскола, например, приехав слепым в Одессу, свою палку сразу забросил в траву,— он не мог тогда видеть, что это была зеленая трава, он определил по мягкому звуку падения. Рассуждал же просто: зачем палка, если он приехал к Филатову?..

Будь жив Владимир Петрович, он бы порадовался этой Ивановой палке. Академик всю силу своего разума и сердца именно на то и употребил, чтобы когда-нибудь Иван Васютин, широко размахнувшись, забросил своего поводыря подальше — в полной уверенности, что поводырь не будет нужен.

А может, напрасно не хранят эти палки? Если бы собрать их все, красноречивая получилась бы коллекция.

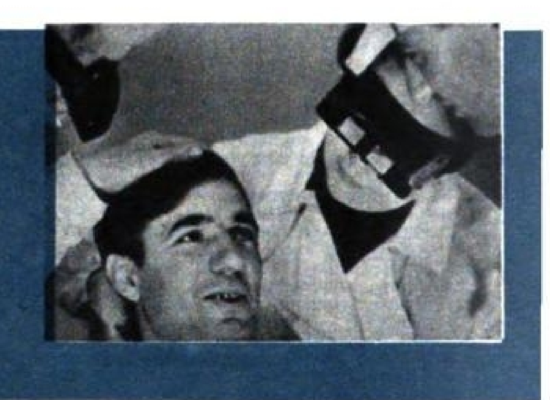

* * *

В коротком очерке не хватит места, чтобы мало-мальски обстоятельно рассказать обо всем объеме деятельности Института имени Филатова. Важно сказать главное: люди, работающие здесь, победили слепоту, победили отчаяние.

Круг работы огромен. За десять лет проведен для больных миллион приемов и консультаций. Делегации из шестидесяти восьми стран побывали в стенах института. Приезжают туристы, приезжают врачи-офтальмологи. Институт не делает секретов из своих достижений.

Вот какую запись оставила делегация английских офтальмологов в прошлом году:

«Мы были счастливы иметь возможность посетить этот уникальный институт, возглавляемый профессором Н. А. Пучковской, и познакомиться с заведующими многими клиническими отделениями и научными лабораториями. Мы благодарим вас за то, что вы с готовностью показали нам технику ваших операций, ваши лаборатории и результаты ваших работ. На нас произвел большое впечатление дружеский прием, который вы нам оказали, и атмосфера счастья и доброты всего коллектива, который так высоко блюдет и сохраняет традиции основоположника института — академика В. П. Филатова.

Мы благодарим вас и приносим наши искренние поздравления».

Таких записей сотни...

В институте 86 врачей — научных работников. Ими руководит Надежда Александровна Пучковская, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР.

У Надежды Александровны есть отличная соратница — Евдокия Антоновна Будимова, главный врач института, заслуженный врач УССР. Она жизнерадостна и иронична. Рядом с нею стыдно хныкать даже самым разуверившимся слепцам.

Для сотен прозревших стали родными имена профессора Владимира Евгеньевича Шевалева, старшего научного сотрудника Варвары Васильевны Скородинской-Филатовой, профессора Давида Григорьевича Бушмича, профессора Сусанны Александровны Бархаш, старшего научного сотрудника Антонины Ивановны Пахомовой, заведующей амбулаторией Валентины Дмитриевны Кукса, старших научных сотрудников Людмилы Дмитриевны Данчевой и Григория Васильевича Легезы...

И никто из пациентов института не забудет санитарок и нянь, имя которым не легион, но которых все-таки не перечислишь по имени,— их двести человек. Без их забот и любви к больным мало что значило бы безмерное искусство врачей...

Напоследок мы поговорили со Скоттом Хитом, врачом-офтальмологом из Калифорнии. Он приехал в Одессу по плану научного обмена между СССР и США. Когда мы спросили его о впечатлениях после пребывания в институте, он ответил так:

— Я получил здесь огромное удовлетворение. Мы в Соединенных Штатах знаем все об этом институте и очень внимательно следим за его работой. Я учился в Лондоне, был в офтальмологических лечебных учреждениях Стокгольма, Парижа, Женевы, мне известно положение в Соединенных Штатах. Но я должен сказать, что самая выдающаяся работа делается здесь.

Между прочим, мы спросили у Хита, сколько стоит в Соединенных Штатах такая операция, как пересадка роговицы. Калифорниец замахал рукой и произнес:

— Лучше бы не говорить об этом... От пятисот до тысячи долларов.

Мы знаем, как обстоит дело у нас, но это — между прочим.

Когда люди радуются по поводу того, что слепой прозрел, они обычно восклицают: вот, он увидел солнце!

Мы не будем говорить о солнце. Человеку со слабым зрением увидеть его легче, чем что-нибудь иное: оно самый мощный источник света. Солнце не обидится, если его не упомянуть лишний раз.

Желтый кленовый лист на сером тротуаре или воробей на крыше, наледь вокруг колодца, пестрый платок — это, пожалуй, больше поразит и взволнует человека, который был слепым и которого сделали зрячим.

Ах, как мы не дорожим тем, что ежедневно, ежечасно, ежесекундно предстает перед нашими очами!

И чем же измерить благодарность прозревших тем людям, которые вывели их к свету!

Леонид ЛЕНЧ

С утра небо хмурилось, и Берлин был серый, не просохший после ночного дождя, насупленный, словно невыспавшийся.

Тимофей смотрел в окно на улицу и скучал. Непохоже, что сегодня воскресенье! Вон немецкие дяди и тети по-будничному быстро шагают по мокрому тротуару. В руках у них цветные зонтики, длинные у женщин, короткие у мужчин. У многих зонтики раскрыты — значит, дождик только притворяется, что перестал, а сам спрятался где-то за низкими серо-синими облаками и вот-вот снова набросится на красные крыши домов, на темно-рыжие липы, на яркие, пестрые, но — отсюда, из окна — такие ненадежные куполки зонтиков. А тут еще и папа уехал в свою, как он говорит, контору, ему, видите ли, понадобилось «помозговать» в «спокойной обстановке» над каким-то там «срочным материалом». Сказал бы Тимофею просто, по-товарищески, как мужчина мужчине: «Тимка, шуми сегодня, пожалуйста, потише, я буду мозговать!» Тимофей, конечно, пошел бы ему навстречу.

И Николай Сергеевич — дядя Коля — не идет! И мама каждую минуту подходит к окну, подливает масла в огонь:

— Тима, слезай с подоконника! Не придет твой дядя Коля!

— Он же обещался!

— А ты видишь, какая погода на дворе? Разве в такую погоду можно ехать в зоологический сад?!

— А почему нельзя ехать в зоологический сад?!

— Потому что все звери сидят в своих норках, никто не гуляет.

— А почему зоологические звери не гуляют? Сегодня же воскресенье, выходной!..

— Почему, почему!.. Потому что они отдали свои шубы на просушку. Не могут же они голые в такую погоду гулять! Слезай с подоконника, тебе говорят!..

Тимофей презрительно усмехнулся. Однако с подоконника все-таки пришлось слезть.

— Сядь за стол, порисуй!

Но только Тимофей уселся за обеденный стол, только нарисовал на листе бумаги цветными карандашами красное зоологическое дерево с синими зоологическими листьями, как раздался звонок. Николай Сергеевич — дядя Коля — все-таки не обманул, пришел!

Дядя Коля Тимофею очень нравится. Он румяный, плечистый, шумный и веселый, как удачное воскресенье. Еще дядя Коля нравится Тимофею за то, что маму он зовет не Верой Платоновной, как все, а Веруней, а папу — не Владимиром Петровичем, а Вовкой. Он папин и мамин «друг детства и юности».

Самого же Тимофея дядя Коля зовет «земляком», потому что Тимофей родился в Москве. Родиться-то он там родился, это правда, но Москву не знает и не помнит: его совсем маленького родители увезли сначала в Будапешт, где работал Владимир Петрович, а оттуда — в Берлин, столицу ГДР.

— Заграндитя! — смеется дядя Коля.

Когда дядя Коля вошел вместе с мамой в комнату, на Тимофея пахнуло свежим запахом дождя и немножко одеколоном. Николай Сергеевич подхватил мальчика на руки, поднял на уровень своего румяного улыбающегося лица.

— Одевайся, землян, поедем в зоологический сад!

Тут вмешалась мама, сказала, что в зоологический сад сегодня ехать не надо, потому что дождь и можно простудиться, но дядя Коля настоял на своем.

— Дождя сегодня больше не будет.

— Откуда ты знаешь?

— На дороге один знакомый воробей чирикнул.

Знакомый воробей не наврал дяде Коле: пока дошли до станции метро, распогодилось. Берлин сразу подобрел. Заголубело небо, и темно-рыжие липы стали золотыми. Когда налетал ветер, сильный, пахнущий городским дымом, деревья, вздрагивая всей листвой, стряхивали с себя капельки дождя, словно мокрые, веселые собаки.

В вагоне метро Тимофей завел с Николаем Сергеевичем разговор о Москве.

— Дядя Коля, какая Москва?

— А ты совсем ее не помнишь, ничегошеньки?

— Ничегошеньки! — тяжело вздохнул Тимофей.

— Москва, она, брат, такая... очень красивая,— сказал дядя Коля,— не расскажешь в двух словах. Вот поедешь с отцом в отпуск — увидишь своими глазами.

— Я хочу сейчас увидеть!

— Вот тут я тебе, землян, ничем помочь не могу. Извини, брат.

Тимофей помрачнел, отвернулся к окну.

...Зоологический сад оказался огромным и прекрасным. Дядя Коля сказал, что сейчас зоологический сад Берлина — лучший в мире.

Большие зеленые деревья, широкие зеленые лужайки — все было залито солнцем, и от этого чудеса, которые попадались тут на каждом шагу, выглядели еще чудесней.

Стоит, представьте себе, мохнатая, рогатая, бородатая живая гора, отделенная от Тимофея только бетонным, не очень-то глубоким рвом, пялит на него в упор маленькие умные глазки, что-то жует.

— Ой, дядя Коля, кто этот старичок?

— Зубр! Только он совсем не старичок, он молодой, ему всего лишь три года.

— Он человек или животный?

— Зверь.

— А похож на человеческого старичка Степана Ивановича. Он, когда у нас в гостях был, колбасу так же жевал. И борода такая же, только рогов нету.

Лужайка с деревьями, с кустиками, речка течет. На том берегу речки бегают туда-сюда какие-то нервные, суетливые собаки. Морды острые, уши торчком, хвосты, как палки, и опущены.

— Дядя Коля, почему там так много собак?

— Это, землян, не собаки, а волки!

— Серые волки?!

— Они самые! В естественном состоянии. Можешь помахать им ручкой.

Опасливо прижавшись к дяде Коле, Тимофей заискивающе помахал серым волкам рукой. Волки — ноль внимания.

— Дядя Коля, а вдруг они перескочут через речку? Вы их тогда прогоните?

— Уж постараюсь для тебя. Только им не перепрыгнуть через речку. Не бойся. Пойдем дальше, в тропическую страну.

Тропическая страна была под стеклом, в павильоне. В бамбуковых зарослях порхали не то живые цветы, не то бабочки, а на самом деле птички колибри. Кувыркались, гримасничали озорные обезьяны всех размеров, толстые змеи будто в изнеможении свисали с лиан, делали вид, что спят. По тропической стране запросто расхаживали служители в синих халатах, поливали водой из шлангов заросли, лианы, обезьян, удавов и маленьких злых крокодилов в болотах-бассейнах. Немецкие дети хлопали в ладоши, смеялись и визжали от удовольствия. И Тимофей тоже хлопал в ладоши, смеялся и визжал вместе с немецкими детьми.

Только вышли из тропического павильона, потные, усталые, на тебе, новое чудо! Слоистая отвесная скала с террасами. И вдруг из темной пещеры на нижнюю террасу вышел желтый гривастый зверь с длинным хвостом, на конце кисточка. Такой величественный, мощный и красивый, что Тимофей сам не заметил, как снял с головы свой красный берет с помпоном.

— А это кто? — спросил он дядю Колю шепотом.

— Лев! Царь зверей!

Посмотрели на льва, купили мороженого, пошли дальше. Дядя Коля заметил дощечку, прибитую к дереву, остановился, прочитал и сказал Тимофею:

— Оказывается, деньги на покупку зверей в разных странах для зоологического сада давали берлинские рабочие. Поработают у себя на заводе лишних два часа, а денежки за работу себе не берут, отсылают в зоологический сад: «Будьте любезны, купите для ребятишек на наши деньги какого-нибудь там носорога порогастей». Молодцы!

— Молодцы! — повторил Тимофей.

Шли, шли, шли (у Тимофея уже ноги стали заплетаться) и оказались на берегу тихой речки в тенистой тихой аллее, сели тут на скамейку и стали смотреть, как танцуют фламинго. А фламинго танцевали замечательно! Широко распахнув крылья, они бежали к воде, ритмично перебирая длинными тонкими ногами, и каждая новая птица-балерина, появлявшаяся на берегу, была лучше, красивее и изящнее той, которая только что сошла со сцены-лужайки прямо в речку. Здесь были фламинго белые, как снег, и фламинго жемчужно-серые, и фламинго розоватые. А были и такие фламинго, крылья которых сверху казались розовыми, как утренняя заря, а снизу были как бы подбиты черным бархатом ночи.

Посмотрели балет фламинго, отдохнули и двинулись по направлению к выходу. И вот тут-то на большой солнечной лужайке Тимофей увидел Его! Он был птица. У него был широкий темно-желтый клюв, он стоял, чуть сгорбившись, на одной длинной ноге, поджав под себя другую, и Тимофея поразила его задумчивая отрешенность от всего окружающего. На лужайке паслись хорошенькие полосатые лошадки, переваливаясь, разгуливали жирные, самодовольные утки, а он стоял, погруженный в свою глубокую, очень значительную думу, не обращая внимания ни на хорошеньких лошадок, ни на важных уток, ни на траву, ни на небо, ни на Тимофея. Дядя Коля сказал, что эта птица называется марабу, родом она из Африки.

— А про что он так думает, дядя Коля? — спросил Тимофей.

— Наверное, про свою Африку,— сказал дядя Коля.— Его ведь маленьким оттуда увезли, он скучает по ней. Родина, брат,— это родина!

— А почему он на одной ноге стоит?

— Видимо, ему так удобней вспоминать свою Африку.

Тимофей почтительно поглядел на неподвижного марабу, вздохнул и вдруг сказал:

— Дядя Коля, я устал, поедемте, пожалуйста, домой.

...Николай Сергеевич отвез Тимофея домой, сдал его с рук на руки Вере Платоновне. Обедать не остался, сказал, что приедет вечером. И точно — пришел вечером, поздно, часов в десять.

— Слушай, Николай,— сказал ему Владимир Петрович, отец Тимофея.— Что ты такое Тимке наплел про какую-то птицу — марабу, что ли?

— А что случилось?

— В общем-то ничего особенного. После обеда он забрался в угол и долго стоял там на одной ноге. Стоит и молчит! Мы к нему: «Тимочка, что ты делаешь?» «Не мешайте мне, я думаю, как марабу». «О чем?» Молчит. Так и не сказал о чем.

— А что он сейчас делает?

— Спит, конечно.

— Можно на него взглянуть?

— Пойдем.

Тимофей лежал в кровати, розовый, теплый, и улыбался во сне. Улыбка его была счастливой.

— Что-то хорошее ему снится,— шепотом сказал Владимир Петрович.

— Я знаю, что ему снится,— загадочно усмехнулся дядя Коля.

Берлин — Москва.

Загадка, проблема, открытие, факт

И ЭЛЕКТРОНИКА ПОМОГАЕТ

«АМТ-600» — таково точное название электронного прибора, созданного советскими учеными. Но в совхозах и колхозах его не без оснований зовут «и день и ночь».

Он регулирует температуру, влажность воздуха в теплицах и оранжереях, пристрастно и внимательно следит за освещенностью. Если она опускается ниже необходимого уровня, прибор начинает беспокоиться. Он включает дополнительные лампы, еще раз проверяет степень освещенности и только тогда перестает посылать тревожные сигналы глазком, на котором написано «аварийный», или другим, требовательным: «больше». Он ловит и поддерживает нужные температурные и влажностные характеристики по двум режимам: «день» и «ночь».

АЛЮМИНИЕВЫЕ ГОРОДА

В США намечено приступить к серийному строительству алюминиевых городов. Известно, что алюминий почти не пользуется спросом на американском рынке. Новый проект, предусматривающий возведение целых торговых центров и комплексных жилых домов из этого легкого металла, призван разрешить проблему сбыта алюминия.

ЖИВОЙ КРИСТАЛЛ

Металлы имеют кристаллическую структуру. Но кто может похвастаться, что видел, как растет кристалл серебра? И вот мы видим его на киноэкране. На наших глазах он становится все больше и больше. Переливаются и сверкают его точеные грани.

Это кадры из нового цветного научно-популярного фильма «Рассказы об электрохимии», созданного на студии «Моснаучфильм».

Современная наука требует превосходных степеней. Ей нужны не просто чистые, а сверхчистые элементы. Допустимое содержание примесей в них измеряется даже не долями процента, а несколькими атомами на миллионы.

Профиль электрохимии необычайно широк: она обслуживает практически все отрасли промышленности. Отбросив второстепенное, постановщик картины Б. Эпштейн сумел выделить самое яркое, самое главное: динамичный, живой рассказ о новых горизонтах науки.

ТВЕРДЫЙ БЕНЗИН

Американские ученые разработали способ, позволяющий смешивать обычный бензин с пластической массой. Полученная смесь, представляющая собой вязкое тесто, прессуется в форму кирпича. Чтобы заправить машину бензиновым кирпичом, нужно просто выжать массу, и бензин потечет по специальному желобку в бак.

Художник Вонжук.

Девушка Земли Арнхэм.

Осенью прошлого года наш друг австралийский писатель Фрэнк Харди познакомил меня в Сиднее с двумя деятелями австралийского искусства. Это были Сандра и Сесил Холмс. Они вместе работают, снимают хроникальные кинофильмы, занимаются этнографией, много времени в своем творчестве уделяют жизни и быту коренного населения Австралии — аборигенам.

Я попросил, чтобы они рассказали в «Огоньке» свои впечатления о встречах с аборигенами, об их искусстве, жизни. Они выполнили мою просьбу, и мы получили возможность опубликовать в «Огоньке» их статьи.

А. СОФРОНОВ

Сесил ХОЛМС

ОБЕЗДОЛЕННЫЕ ХОЗЯЕВА

Есть теория, что коренные жители Австралии — переселенцы из Индии. Переселение это происходило много тысяч лет тому назад. Ко времени колонизации Австралии европейцами число аборигенов измерялось примерно полумиллионом человек. Языки племен были разными, как и обычаи. Коренное население Австралии никогда не было воинственным, и вооруженные столкновения между племенами вообще были неизвестны. Каждое племя имело свою долю охотничьих и рыболовных угодий или мирно делило их с другими племенами.

Сегодня — всего через сто семьдесят пять лет после появления на континенте первых европейцев — число австралийских аборигенов сократилось приблизительно до сорока тысяч.

Однако такова уж заложенная в этом народе упрямая и выносливая жизненная сила, что в конечном счете его численность снова стала расти. В частности, об этом говорят цифры последнего десятилетия. Кое-кто из белых поселенцев не только был уверен, но и надеялся, что аборигенов Австралии ждет полное расовое вымирание. Сейчас ясно, что этого не будет.

Очень немногие чистокровные аборигены Австралии пользуются правами гражданства. Только в той части страны, которая именуется Северной Территорией, им предоставлено право голоса на выборах. Подавляющее большинство

Автор статьи Сесил Холмс (справа) во время съемок телевизионного фильма о жизни аборигенов.

БАРНИМБИРР — УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Танец утренней звезды.

Рисунок, который рассказывает о Барнимбирр. Духи поднимают утреннюю звезду.

Сандра Ле БРЮН ХОЛМС

...У крошечных глинобитных хижин сидели аборигены. Я остановилась посмотреть, как мужчины рисовали картины на древесной коре. Куски охры лежали перед ними, белые, черные, красные, желтые. Охру растирают на куске камня, сбрызгивают водой, и художник набирает краску своей короткой кистью, которая сделана из человеческих волос, привязанных к палочке или рыбьей кости. Другие мужчины готовили куски коры; у одного из них был целый рулон коры, такой, каким его срезают со ствола. Этот рулон человек держал над огнем, чтобы тепло распрямило его. Куски коры лежали на горячем солнце. Оно делало их сухими и твердыми. Готовя кору для картин, художники мазали ее соком орхидеи, чтобы лучше приставала краска.

Я посмотрела на то, что изображают художники. По большей части это были сцены из древних мифов. Одна из картин заинтересовала меня особенно, и я присела рядом со стариком художником, следя, как тот наносил последние мазки. Наконец старик, опустив со вздохом облегчения кисть, вытащил длинную трубку и раскурил ее с видом челове-

живет в резервациях — на специально выделенных территориях, удаленных от больших и малых городов. Грамотность среди коренных австралийцев низка, и ни один из аборигенов еще не получил высшего образования. Лишь немногим разрешается вступать в профсоюзы, хотя зачастую они выполняют ту же работу, что и белые рабочие. Поэтому и оплата их труда намного ниже.

Долгие годы длится бесчеловечное обращение с коренными жителями Австралии, и этот позор лежит тяжелым камнем на совести многих белых австралийцев. Усиливается давление передовой общественности на правительство: все чаще раздаются требования облегчить судьбу черных людей Австралии. Сами аборигены выдвигают из своей среды лидеров, которые стойко борются за лучшее будущее своего народа.

Художник начинает борьбу

Вонжук родился в Мелвилл-Бэй, невдалеке от Йиркалла, в восточной части Земли Арнхэм. Сюда часто заглядывали торговцы из Малайи и Индонезии, бросали якорь японские суда, промышлявшие ловлей жемчуга. Японцы держались враждебно, и в 1933 году разыгралось кровавое столкновение между племенем Вонжука и японскими моряками, которые хотели «приобрести» несколько туземных женщин в обмен на пачки табака. Австралийское правительство выслало на место происшествия из Дарвина отряд полицейских, но отряд исчез бесследно: то ли заблудился в джунглях, то ли был истреблен племенем, которое твердо решило защищать свою независимость. Тогда было решено основать в этом районе христианскую миссию: вместо открытых методов подавления в ход пошли приемы «умиротворения».

Сейчас около пятисот аборигенов живут при миссионерском пункте Йиркалла. Ютятся они в крошечных хижинах с земляным полом. Есть при миссии школа, разумеется, очень элементарная, и медицинский пункт. Лавка и склад тоже принадлежат миссии. На земле миссии аборигены выращивают сорго, земляной орех, разводят скот.

За этот труд мужчинам и женщинам платят три австралийских фунта в неделю. Другой источник дохода для некоторых аборигенов — живопись на коре. Спрос туристов, коллекционеров и музеев на эти произведения искусства всегда очень велик.

Вонжук зарабатывает на жизнь живописью. Его отец, Мавалаун,— участник сражения с матросами японского корабля — тоже был художник. По иронии судьбы произведения и отца и сына ценятся особенно высоко именно в Токио, что-то в пределах 150—200 фунтов каждое, хотя авторам выплачивалось не более 5—6 фунтов за картину.

Вонжук — прокаженный, как и многие его соплеменники; более десяти процентов населения Северной Территории поражены этой ужасной болезнью. На горячем песке, под жарким солнцем Вонжук творит, зарабатывая несколько фунтов в неделю.

Недавно в его жизнь вторглось нечто новое. Миссионерский пункт находится на территории, которая считается резервацией (земли резервации не принадлежат австралийским аборигенам, а считаются собственностью государства). Австралийское правительство предоставило французской горнопромышленной компании «Пешени» право добычи бокситов на территории резервации. Фирма «Пешени», крупнейший поставщик бокситов и алюминия на европейском «общем рынке», недавно потеряла некоторые источники сырья в африканских странах, получивших независимость. В районе же Йиркалла, где с незапамятных времен земли по традиции принадлежали племени Вонжука, были разведаны запасы бокситов, равные тремстам миллионам тонн.

Вонжук и его соплеменники возмутились этим новым нашествием иноземцев и вопиющим нарушением их прав. Они потребовали, чтобы за ними были сохранены их исконные охотничьи угодья и места рыбной ловли. Но что может поделать кучка обездоленных и отсталых людей перед богатством и мощью крупной корпорации?!

Вонжук выступил перед своим племенем и написал письмо в парламент. В письме содержалось требование: в возмещение стоимости отбираемых земель для племени должны построить несколько современных домов, предоставить несколько грузовиков для охотников, которым придется теперь ездить очень далеко на новые места охоты, соорудить холодильник для хранения пойманной рыбы и отпустить кредит на приобретение бота. Это были очень скромные требования, и все-таки правительство ничего не сделало, чтобы их удовлетворить. Сочувствие Вонжук и его племя встретили только среди некоторых белых австралийцев, в том числе у нескольких членов парламента.

Тогда Вонжук создал большую картину на древесной коре. На обороте картины начертали свои имена члены племени. Они протестовали против незаконного изъятия у племени его исконных земель. Картина была доставлена на заседание австралийского парламента. К удивлению многих, протест был довольно энергично поддержан в печати. Парламент создал специальную комиссию, выехавшую на место для изучения положения племени Вонжука. Делегация представителей племени была допущена к премьер-министру, который выслушал их.

Вонжук не смог приехать в столицу: он был слишком болен. Но он положил начало всему. Каков бы ни был исход дела, Вонжуку принадлежит несомненная заслуга перед его соплеменниками: он пробудил в них надежду и стремление к действиям.

Стефен возвращается на родину

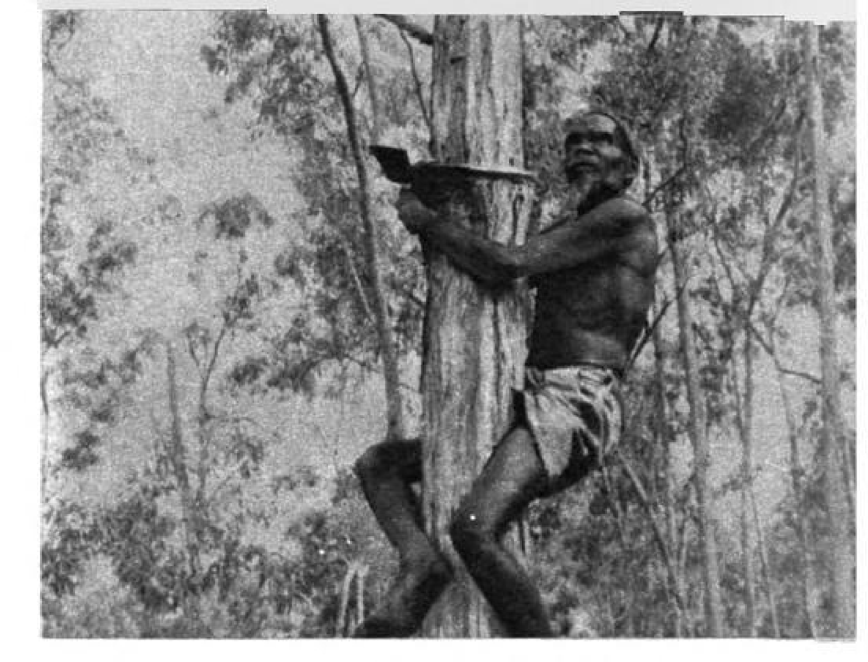
Стефен вырос на острове Элчо, что примерно на полпути ме-

Стефен вернулся...

Художник закурил длинную трубку.

За корой для картин.

ка, честно заработавшего это удовольствие. Я говорю «заработавшего», потому что здесь, в Миллингимби, у мужчин нет иного способа заработать деньги.

Старик, закрыв глаза, глубоко затягивался, неохотно выпуская дым изо рта. Он мечтал о чем-то, может быть, о том, что он только что создал. Картина изображала мойкоев (духов), поднимающих в небеса Барнимбирр — утреннюю звезду.

Древние сказания гласят, что Барнимбирр — утренняя звезда жила на острове Бурралкор, где обитали духи умерших; каждый день духи поднимали в небо утреннюю звезду. Барнимбирр — утренняя звезда плыла по небу, и духи пели печальные песни. Когда приближался рассвет, солнце, которое вместе со своим сыном тоже жило на Бурралкоре, покидало остров. Сын солнца тянул за ленты из перьев, привязанные к утренней звезде, и опускал ее на Бурралкор.

Спустя неделю на острове Элчо я увидела мужской танец, изображающий поднятие Барнимбирр — утренней звезды. Мужчины изображали духов, а один из них — солист — держал утреннюю звезду в руках. Ее символом был длинный шест, искусно украшенный перьями попугая и лентами из перьев. Во время танца солист, державший шест, то низко припадал к земле, то высоко подпрыгивал вверх.

Увидев, как изображают Барнимбирр — утреннюю звезду художники и наблюдая за танцем, я поняла, что их религия основана на древних сказаниях, дошедших до потомков со «времен созидания». Эти сказания предписывают образ жизни и нормы поведения аборигенов. Сказания оставлены людям некими «творцами», жившими в изначальные времена. «Творцы» странствовали по земле, давая имена различным ее частям, населяя их людьми, животными, птицами, украшая растениями. «Творцы» совершали на земле обряды, которым они научили первых австралийцев. Все предметы, которыми пользовались «творцы», священны, и аборигены употребляют их при выполнении важных ритуалов. Старейшины племени хранят святыни. Их тщательно прячут в зарослях кустарника, и лишь человек, полностью посвященный во все таинства, имеет к ним доступ. Действия «творцов» воспроизводятся теперь в обрядах, изображаются в картинах на коре и на камне.

Раньше австралиец рисовал картины, когда они нужны были ему для обрядов или ради своего удовольствия. Он тратил на них столько времени, сколько хотел, и выполнял рисунки в древних традициях своего народа. Сегодня под влиянием растущего спроса есть опасность, что искусство станет ремесленничеством. В некоторых миссиях аборигенам «советуют» несколько изменить традиционные рисунки: прежняя манера отнимает слишком много времени.

жду Дарвином и Мелвилл-Бэй, около Земли Арнхэм. Он принадлежит к тому же поколению, что и Вонжук. На миссионерском пункте на острове Элчо его научили плотничать. Незаурядные способности к ремеслу были у Стефена с детства, и через год он уже не только стал первоклассным плотником, но и проектировал и строил целые дома, большие и удобные, предназначенные для персонала миссии. За работу он получал все ту же стандартную плату—3 фунта в неделю—и жил с семьей в крошечной хижине, как и прочие аборигены.

Однажды Стефен обратился к администрации миссии с необычной просьбой: разрешить ему уехать на работу в Дарвин. Администрация, разумеется, не желала расставаться с таким умелым и выгодным работником, но Стефен настоял на своем.

В Дарвине заработок его достиг двадцати фунтов в неделю. Но жить и здесь пришлось в определенном месте, отведенном для аборигенов, а доставлять свои изделия в город и продавать их должен был он сам. Он попал в лапы хищных дельцов, к тому же издевавшихся над ним за цвет кожи. Стефен стойко встречал угрозы и издевательства. Белые товарищи по работе поддерживали его.

Время шло, и жизнь стала немного легче. Но тоска по родине, по своей бедной и суровой стороне, по родному племени все чаще мучила его. Ему хотелось быть со своими соплеменниками, чем-нибудь им помочь.

Недавно он приехал на короткое время на родной остров Элчо. У него был смелый проект, и он обсудил его с близкими: попросить в аренду для племени какой-нибудь ближний к Элчо остров и начать там разводить скот. Стефен же будет строить для людей племени жилища. Всех воодушевила эта идея новой жизни на новом острове. Под руководством Стефена начались хлопоты в правительственных органах. Удастся ли им получить хоть какую-нибудь правительственную помощь? На всякий случай Стефен откладывает собственные деньги, заработанные нелегким трудом, и без колебаний отдаст их на осуществление своего плана.

В одном ряду

В племени он известен под именем Вайпулдуния, а по-английски его зовут Филипп Робертс. Детство он провел в низовьях реки Ропер, учился в жалкой миссионерской школе и, разумеется, серьезных знаний не приобрел. В том районе Австралии племенные обычаи аборигенов до сих пор сохранились в полной мере; уже в десять лет Вайпулдуния был подвергнут традиционной церемонии посвящения в члены племени. За этим последовал период тяжелого и сурового воспитания в традициях племени. Его обучали тонкостям охоты — два года неустанной тренировки. Он в совершенстве овладел всем, что нужно охотнику: раскладывать костер, находить воду, жить в самых глухих местах. Научился он также работать на животноводческой ферме.

Но у Вайпулдунии была врожденная тяга к механизмам. Однажды мотор на катере, принадлежавшем христианской миссии реки Ропер, вышел из строя. Никто из белых не знал, как помочь беде. Вайпулдуния три месяца провозился с мотором и в конце концов пустил его в ход. Примерно в то же время объезжал эти места врач Лэнгсфорд, представитель отдела здравоохранения. Его автомашина отказала: ничего удивительного, дорог здесь нет,— и Вайпулдуния отремонтировал ее.

Доктор Лэнгсфорд предложил юноше уехать с ним и работать у него шофером. Оплачивать его труд он обязался из личных средств. Так произошел перелом в жизни Вайпулдунии — Филиппа Робертса. Юношу вскоре охватило желание приобщиться к медицине. Особенно восхищал его микроскоп. И доктор предложил Филиппу поучиться, чтобы потом помочь своему племени бороться с болезнями. Разумеется, Филипп, как и другие люди его племени, и мечтать не мог стать врачом. Но все же у него появился просвет в его темной и бесправной жизни.

Филипп Робертс отправился в Дарвин — по-прежнему за счет доктора Лэнгсфорда. Много труда пришлось затратить ему, малограмотному аборигену, но в конце концов он научился тому, что должен знать фельдшер.

Вскоре его стали посылать самостоятельно обследовать здоровье аборигенов, как это делал до него доктор Лэнгсфорд, ныне директор департамента здравоохранения Северной Территории.

Эти путешествия по родным местам, где живет его народ, привели Филиппа к мысли, что дело не только в состоянии здоровья черных людей Австралии, что есть и много других жгучих проблем их жизни.

Вместе с несколькими сородичами он основал в Дарвине Комитет прав аборигенов. Комитет сразу обвинили в том, что его деятельность «вдохновляется коммунистами», отказались предоставить ему статут общественной организации. Даже некоторые профсоюзы отказались сотрудничать с ним. Но комитет работает, и влияние его растет. Аборигены округа Дарвина охотно посещают организуемые им собрания. Филипп Робертс — председатель комитета. Во время своих врачебных объездов он зорко следит за всеми проявлениями несправедливости и произвола в отношении своего народа.

Недавно Филипп Робертс ездил в Канберру и беседовал с членами правительства. Он энергично поддержал петицию жителей Йиркалла, которым грозила потеря их земель.

Вонжук и Робертс мало знают друг друга. Но они оказались в одних рядах.

Таковы люди, которых выдвигают из своей среды обездоленные, бесправные племена Австралии, когда-то хозяева этого континента.

Филипп Робертс — председатель Комитета прав аборигенов.

ПОБЕДА!

Вот уже прошла неделя с тех пор, как погас огонь Белой олимпиады в Инсбруке. Но весь спортивный мир говорит и долго еще будет говорить об этом крупнейшем событии.

Для нас хорошо начался олимпийский, 1964 год. Мастера советского большого спорта стремительно приняли старт, поставив великолепный рекорд спортивной зимы:

11 золотых медалей,
8 серебряных,
6 бронзовых.

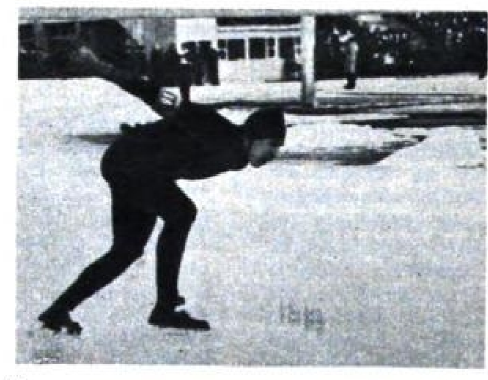
Никогда за все время проведения зимних Олимпийских игр ни одной команде не удавалось добиться такого результата. Нас радует, что этот успех пришел не как сверкающая вспышка удачи, а как следствие неуклонного, поступательного движения к вершинам побед: 16 наград в Кортина д'Ампеццо, 21 — в Скво Вэлли, 25 — в Инсбруке.

Мы гордимся, от души поздравляем весь большой, сплоченный коллектив наших славных олимпийцев. Только в совместных усилиях, в трудной борьбе за спортивную честь родной страны могли прийти великолепные победы героев Олимпиады Лидии Скобликовой, Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова, Антса Антсона, Владимира Меланина, Клавдии Боярских, Евдокии Мекшило, Алевтины Колчиной, мастеров-хоккеистов.

Сердечное, отеческое письмо Никиты Сергеевича Хрущева команде наших олимпийцев, молодой коммунистке, славной спортсменке Лидии Скобликовой — лучшая оценка выступлений коллектива нашей сборной в Инсбруке.

Впереди новые старты. Впереди Олимпиада в Токио.

Пусть же везде сопутствует успех нашей спортивной молодежи, пусть всегда приходит победа!

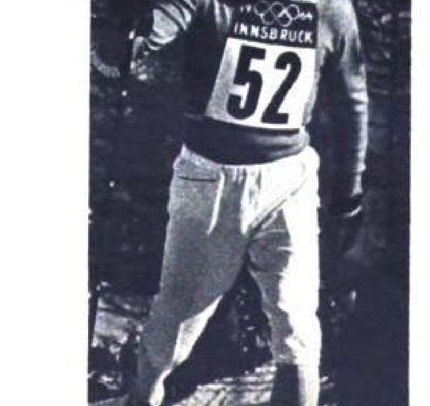
1

2

3

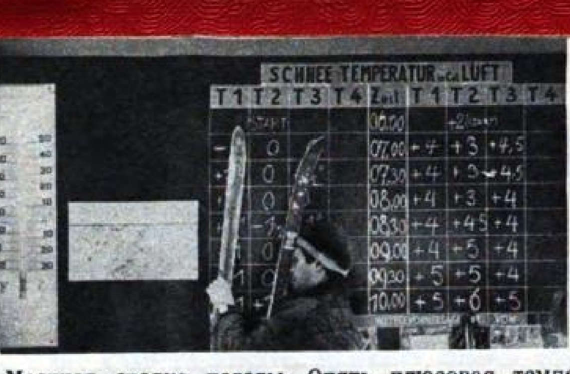

1. Чемпион IX Белой олимпиады Антс Антсон.
2. Ни одного промаха! Так стрелял лучший биатлонец мира Владимир Меланин.
3. Призером Олимпиады стал Игорь Ворончихин.
4. Космонавт Павел Романович Попович был почетным гостем Олимпиады.
5. Дружба — главное, чем жила олимпийская деревня. Норвежские лыжницы поздравляют с победой Клавдию Боярских (в центре).
6. Лучшим нападающим хоккейного турнира признан капитан сборной команды СССР Борис Майоров.
7. Торжественное закрытие Белой олимпиады.
8. «Золотые сестры» — так называли в Инсбруке француженок Мариэль и Кристин Гойчель, олимпийских чемпионок.
9. Олимпийский чемпион Э. Мянтюранта дает интервью финскому радио.

Фото Л. Бородулина и Б. Светланова, А. Бочинина, ЮПИ.

12 февраля победители вернулись в Москву.

Местная сводка погоды. Опять плюсовая температура!

Вот на такой узкой полоске снега состязались лыжники.

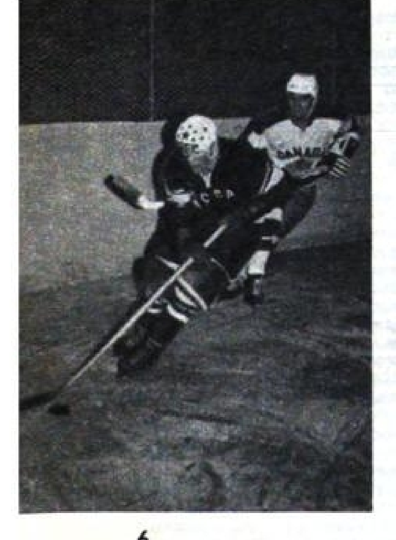
4

5

Все хотят автограф Лидии Скобликовой — стар и мал...

6

8

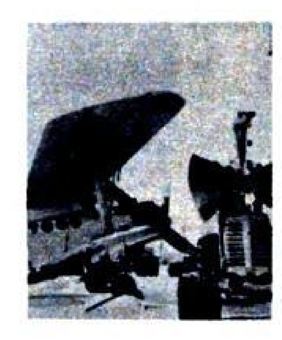
7

9

КРЫЛАТЫЕ

ПОМОЩНИКИ

На краю заснеженного летного поля Киевского аэродрома выстроились самолеты и вертолеты разных типов. Рядом с ними — загрузчики жидких и сыпучих химикатов, распылители и разбрызгиватели. Здесь смотр авиационной сельскохозяйственной техники, посвященный февральскому Пленуму ЦК КПСС. На выставку приехали авиаконструкторы О. К. Антонов, М. Л. Миль, Н. И. Камов, летчики, работники сельского хозяйства, представители Научно - исследовательского института ГВФ, Научно-исследовательского института защиты растений.

Авиаконструкторы дают объяснения посетителям. Олег Константинович Антонов показывает самолет «АН-14», который чаще называют «Пчелкой». Рядом широко известный «АН-2». В прошлом году эти машины обработали с воздуха 34 миллиона гектаров посевов.

Конструктор продолжает работать над усовершенствованием «АН-2». Новый модернизированный вариант, оборудованный совершенной аппаратурой, обладает производительностью на 15—20 процентов выше, чем прежний.

— Сейчас,— говорит Олег Константинович,— мы ищем пути повышения экономичности «АН-2»: самолетом будет управлять один человек.

Возле вертолета «В-2» конструктор Михаил Леонтьевич Миль беседует со старым знакомым — агрономом - энтомологом совхоза «Золотое поле» Владимиром Мозговенко. Конструктор был в этом хозяйстве года два назад. И Мозговенко просил его сделать вертолет большей грузоподъемности, чем «МИ-1». Машина-то отличная, а поднимает маловато.

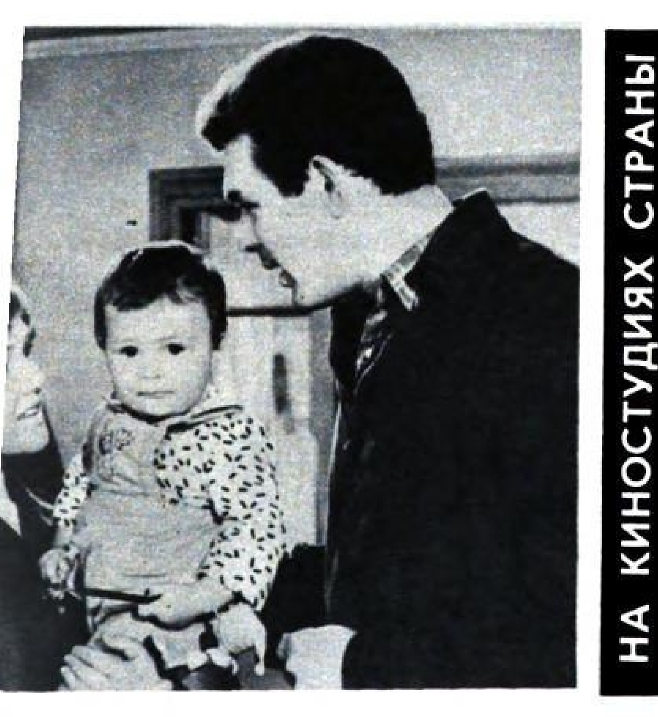
— Выполнил вашу просьбу,— говорит Михаил Леонтьевич.— Вот вертолет «В-2» с газотурбинным двигателем; у него, как видите, размеры сравнительно невелики, но баки емкие и силенка есть. Он может поднимать 900 килограммов химикатов. Почти втрое больше, чем «МИ-1».

Конструктор Николай Ильич Камов показывает на выставке вертолет «КА-15». При обработке растений ядохимикатами он по производительности заменяет пятнадцать тракторов. За два минувших года эта отличная машина обработала почти четверть миллиона гектаров садов, виноградников и других различных культур.

— Сейчас мы проектируем новый вертолет,— рассказывает Николай Ильич, — предназначенный специально для сельского хозяйства. По сути дела, летающее шасси. Впереди изолированная кабина летчика, а за нею можно будет поместить либо контейнер с химикатами, либо грузовую кабину. Дело в том, что на всех вертолетах в процессе работы химикаты проникают в пилотскую кабину. Это плохо. У новой машины такого не случится.

Большое внимание посетителей привлекают и новые погрузчики химикатов. Не удивительно: ведь загрузка летательных аппаратов в сельскохозяйственной авиации — одна из самых серьезных проблем. Она отнимает до 50 процентов рабочего времени. И это в страдную пору. На выставке предложено несколько моделей загрузочных приспособлений. Одно из них, смонтированное на тракторе «Беларусь», загружает самолет всего за две минуты.

После показательных полетов состоялась пресс-

НА КИНОСТУДИЯХ СТРАНЫ

←

«НЕПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ» — так называется картина киностудии «Мосфильм» в постановке В. Герасимова.

Фильм создан по мотивам рассказа Ильи Зверева «Что человеку надо». Он действительно воспринимается как непридуманная история жизни и любви монтажницы Вари и шофера Анатолия.

Свой дом, собственное благополучие — такое счастье полностью устраивает Анатолия, но Варе для ее счастья еще нужно чувствовать себя в коллективе: быть вместе с людьми, кому-то прийти, если нужно, на помощь. Варя не представляет себя только в узком мирке отдельной квартиры, она частица большой жизни народа... Несовместимость взглядов героев — источник конфликта, глубокого и правдивого. Тем сильнее звучит в финале нравственная победа Вари. Снималась в этой роли Жанна Прохоренко; Анатолий — артист Г. Епифанцев; маленький Гриша Хлопотурин «играет» роль Вариного сына Василька.

«БЕЛЫЙ КАРАВАН» — белая река течет и течет... Это перегоняют на зимние пастбища, к Каспию, отары овец. Движется нескончаемой лентой белый караван, встают перед глазами горные перевалы, дороги, поселки, степные просторы, и на этом фоне развертывается кинорассказ о чабанах из грузинского колхоза, созданный по сценарию М. Элиозишвили режиссерами Э. Шенгелая и Т. Мелиава, операторами Г. Калатозишвили и Л. Калашниковым.

В родном селе чабаны проводят только короткие месяцы — вся жизнь их в пути, в нелегких заботах. Но они не становятся несчастливыми, потому что существуют неписаные законы дружбы, которые объединяют людей. И когда чабаны становятся свидетелями любви Гелы к юной рыбачке Марии — ее прекрасно играет Ариадна Шенгелая,— отблеск этой любви, кажется, падает на них всех. Но не только счастливые минуты переживает зритель, он становится свидетелем настоящей трагедии, свидетелем того, как неверный шаг человека может лишить его жизнь счастья дружбы и любви...

→

После выступления «Огонька»

ЕЩЕ ИМЕНА

В «Огоньке» № 48 за 1963 год была помещена корреспонденция «Находка» М. Любарского и В. Цацко.

В этой заметке речь шла о героическом бое 87-го отдельного саперного батальона, оказавшегося в глубоком тылу врага.

Когда боеприпасы подходили к концу, комиссар батальона, старший политрук Г. М. Ральченко, приказал зарыть батальонное знамя, чтобы оно не досталось врагу. Вместе со знаменем в землю зарыли и портфель, в котором были спрятаны документы.

Двадцать лет спустя знамя и портфель нашли пионеры села Ивановки под Харьковом.

Нашелся и один из тех, кто принимал участие в последнем бою батальона, — лейтенант запаса Д. Г. Юдинцев.

Однако в его воспоминаниях, которые приводятся в корреспонденции, есть пробелы. На днях в редакцию пришло письмо члена ученого совета Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск генерал-лейтенанта А. И. Смирнова-Несвицкого.

Ниже мы публикуем это письмо, в котором сообщаются новые интересные подробности, связанные с находкой знамени...

Знамя, о котором идет речь в корреспонденции «Находка», находится сейчас у нас — в Ленинградском военно-историческом музее артиллерии и инженерных войск. Его нашел пионер Володя Половецкий.

Первое, что бросилось нам в глаза, — вышитый на знамени номер батальона — 96. Но позвольте: ведь в документах, которые извлечены из портфеля, обнаруженного рядом со знаменем, значится другой номер —87! В чем тут дело? После долгих поисков в архивах удалось выяснить, что перед самой войной батальон, носивший номер 96 (как и 96-я имени Яна Фабрициуса стрелковая дивизия), получил новый, самостоятельный номер—87. На знамени заменить, видимо, не успели: началась война...

87-й отдельный саперный батальон вступил в войну с первых же дней в Черновицкой области.

За боевые заслуги 96-й имени Яна Фабрициуса стрелковой дивизии 21 января 1942 года в числе первых присваивается звание гвардейской, и с этого времени ее именуют 14-й гвардейской стрелковой дивизией. А 87-й отдельный саперный батальон, входивший в ее состав, стал 13-м гвардейским отдельным саперным батальоном.

Первым командиром, под командованием которого батальон вступил в бой на государственной границе, был капитан Гамза, а комиссаром — старший политрук Павлов.

Капитан Гамза руководил прорывом из первого окружения, в которое попал батальон, и героически погиб. А бойцы прорвались, вынесли тело своего командира и похоронили его с воинскими почестями.

Командование батальоном принял капитан Осланов, бывший до этого начальником штаба.

18 января, во время выполнения специального задания, капитан Осланов был убит осколком разорвавшейся неподалеку авиационной бомбы.

Его сменил старший лейтенант Тарасенко...

Архивы позволили установить имя и звание командира батальона, руководившего боем под Харьковом 26 мая 1942 года. Вот оно: старший лейтенант Керчинер. Он, как и комиссар Ральченко, пропал без вести.

26 мая 1942 года, как это уже рассказывалось в «Огоньке», в неравном бою гитлеровцам удалось уничтожить личный состав 13-го гвардейского отдельного батальона. Но батальон не погиб. Он остался жить, заново сформированный в советском тылу, и в скором времени вступил в бой.

...Командиром вновь сформированного батальона стал гвардии капитан Фомов (пятым по счету), а комиссаром — гвардии политрук Фомин.

О том, как сложилась дальнейшая судьба 13-го гвардейского отдельного саперного батальона, известно немногое. В архивах нашлось несколько протоколов партийных собраний и заседаний партийного бюро. Из них известно, что после героического сражения 26 мая 1942 года под селом Ивановной в саперном ба-

конференция, на которой выступил начальник Главного управления ГВФ Евгений Федорович Логинов. Он отметил, что с применением авиации в колхозах и совхозах решаются сразу две важнейшие проблемы — химизация и механизация сельского хозяйства.

— Для работы в сельском хозяйстве наши летчики проходят специальную агрономическую подготовку,— говорит Евгений Федорович,— а чтобы увеличить производительность каждого самолета, мы вводим на них спаренные экипажи. Ведь в этом году по плану мы должны провести авиационно-химические работы на общей площади 38 миллионов гектаров. Можно с уверенностью сказать, что этот план превысим на 2—3 миллиона.

А. ГОЛИКОВ,
Н. КОЗЛОВСКИЙ

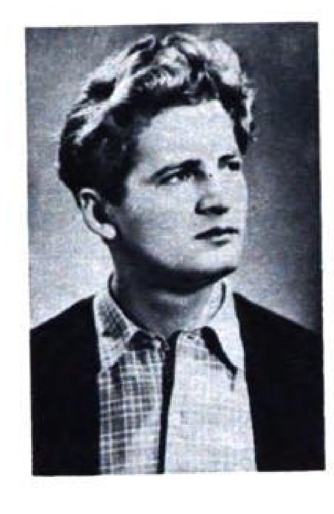

тальоне состоялись выборы нового партбюро, что в батальоне насчитывалось 30 коммунистов и секретарем партбюро был политрук Воронцов. В решениях партийного собрания отмечаются примерные коммунисты-офицеры Лисянский и Гостев и бойцы Столяренко и Зайцев.

А секретарем комсомольской организации, или, как тогда говорили, «отсекром» ВЛКСМ, стал товарищ Жалейкин...

Быть может, прочитав это письмо в «Огоньке», люди, имена которых названы здесь, и все другие, бывшие бойцы и командиры 96-го (87-го и 13-го гвардейского) батальона отзовутся и расскажут нам о том, что им пришлось пережить в годы войны, пришлют фотографии и реликвии того времени. Все это очень пригодилось бы нашему музею для организации экспозиции, посвященной находке славного знамени. Адрес нашего музея: Ленинград, П-46, парк Ленина, дом 7.

А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ

Лирика не перечит физике, а увлекает ее. Физика проверяет лирику, ее точность и верность жизни.

У каждого поэта есть то живое, неповторимое, что делает его стихи поэзией и, следовательно, дает ему право называться поэтом.

Леонид Татаренко объединяет две обогащающие друг друга профессии: он поэт, он инженер.

Зарисовки тихих прудов и задумчивых речек родной Сумщины, стихи о добром партизанском лесе, где дети идут по следам Ковпака, в творчестве Л. Татаренко сменяются раздумьями о реках Криворожья, красных от окиси железа и пролитой крови, стихами о мирном атоме.

Так рождаются движущие поэзию образы, принадлежащие новому.

Так все отчетливей определяются пути поэта, для которого «больше не будет сказки, сказки без инженера».

В этом суть поэзии Леонида Татаренко, этим его стихи интересны.

Ник. УШАКОВ

Леонид ТАТАРЕНКО

* * *

Поэты
Революцию творили,
Мечтатели-борцы,
Большевики!
Мечтатели...
Что в братской спят могиле,
Шли с голыми руками
на штыки...
Сердцами молодыми —
на штыки...
В порыве сокрушающем,
орлином,
Озоном революции дыша,
Из тюрем шли,
Из царских равелинов,
Гремучим сердцем,
правдою страша.
На битву шли,
суровы, беспощадны,
И каждый, каждый
сердцем был поэт,
И каждый видел
с высей баррикадных
Наш лучший мир,
наш будущий рассвет,
В котором песню сложишь ты,
поэт,
О тех,
Кому лишь холмики —
не плиты.
И бронзовые бюсты
не отлиты
Соратникам безвестным Ильича.
От крови,
За грядущее пролитой,
Еще земля родная горяча...
Та кровь
ракетой яростной
встает,
Рябиновыми гроздьями алеет,
И на того проклятие падет,
Кто позабыть о ней посмеет.

В АЛЛЕЕ КУРЧАТОВА

Тихий сад...
И кусты не кричат здесь,
Над скамьей,
где поник Курчатов.
Так, наверно, скончался
Данте,
Так сникали
Земли гиганты.
Неимоверно,
средь бела дня,
Светлый лоб семи пядей
склоня,
Мертвый был он
еще в раздумье,
Под заснеженным тихим дубом
На садовой скамейке сидя,
Где он столько открыл,
предвидел!
Словно за угол тихой аллеи,
В антимир он ушел,
бронзовея,
Неразгаданный, непочатый,
Русский бог большелобый —
Курчатов.

РАЗДУМЬЕ В НОЧЬ ПЕРЕД СТАРТОМ

Сорок солнц...
Сорок главных гениев
Чувством трепетным
переполнены,
В каждом
что-то от мысли Ленина,
От бунтующего Бетховена,
От бесстрашия Галилеева,
В каждом вещее что-то,
зримое,
От Джордано и Менделеева
Бесконечное, неделимое.
Сорок главных
легко, без устали,
Словно в плаванье дирижабль,
Снаряжают
в тиши предутренней

Мой фотонный,
большой корабль.
И галактики
удивленные,
Словно
пульта глазки зеленые,
Полыхают глухими грозами,
Будто солнечный луг—стрекозами.

* * *

И кто сказал, в каком застолье,
Что у богов
огонь похитил
Мужицкий сын —
властитель молний
И домен огненных
властитель.
Не он,
а боги похищали
Огонь,
В груди его созревший,
И пялил бельма
одичало
В сутане бог окаменевший,
Когда с костра,
неопалимый,
Вставал мужик
воскресшим Бруно,
Микула — сеятель былинный.

И улыбался юно-юно
Наш первый-первый
Ломоносов,
Пешком пришедший
в город стольный
В лаптях, не знающих износа,
Что были сплетены
из молний.

* * *

Тот тихий пруд
Прозрачен, чист.
Не видел чище сроду.
Ты мне сказала: — Отвернись,
Пока войду я в воду.

Закрыв глаза мне,
Отошла
За сомкнутые ветви...
Минута вечностью плыла,
Плыла тысячелетьем.

Я слышал: платьице-нейлон
Метнулось на орешник,
И пруд качнулся,
ослеплен
Красой девичьей, вешней.

Я слышал веток нежный хруст —
Струною зазвенели.
И в пруд вошла, держась за куст,
Девчоночка Венера.

И уплыла...
Ты уплыла
Так далеко-далёко
От лебединого крыла,
От голубой осоки.

Вечерний дым ползет к пруду,
Кукушкин голос замер...
А я все жду тебя и жду
С закрытыми глазами.

Киев.

Илья ОКУНЕВ

ИСТОРИЯ ТРЕХ СТРОК

М. Н. Колодина.

Пресвитер поднимается на кафедру. Маленькими хитрыми глазками оглядывает зал. И начинает проповедь:

— Надо дорожить нашим общим. Только постоянным общением можно избежать искушений... В одиночку цели не достигнешь, один к богу не придешь...

Баптистский толкователь «священного» писания разрабатывает своего рода упрощенный вариант христианства применительно к новому времени. Сегодня он, как обычно, заливается соловьем, но звучат в его голосе тревожные нотки. Чем-то взволнован пресвитер. Чем?

Только один человек в зале знает это, догадывается. Но завтра будут знать все, ибо в самой библии сказано: нет ничего тайного, что не стало бы явным... «Интересно, что вы, Григорий Степанович, тогда скажете»,— думает Мария Николаевна и достает блокнот: она, как всегда, аккуратно записывает проповедь.

М. Н. Колодина, старая коммунистка, пропагандист атеизма, читает антирелигиозные лекции на предприятиях Алма-Аты, а в молитвенный дом ходит потому, что не мыслит иного пути к сердцу верующего.

— Вон служители церкви и атеистические лекции слушают и журнал «Наука и религия» выписывают. Не боятся, что их обвинят в неверии. А атеисты?— негодует Колодина.— Почему стесняются в церковь ходить? Попов разоблачать берутся, а что те говорят, многие никогда своими ушами не слышали, как служба проходит, толком не знают. Какая же это контрпропаганда?!

Поначалу Мария Николаевна думала, что ее появление в молитвенном доме если не повергнет в смятение верующих, то уж, во всяком случае, смутит их. Но ничего подобного не произошло. Между собой верующие называют ее «учительшей». У нее и в самом деле во внешности и манере держаться есть что-то, напоминающее учительницу. Скромная прическа с прямым пробором, седые волосы, собранные в пучок. Одета тоже просто. Говорит спокойно, обстоятельно и всегда очень ясно.

Пресвитер Г. Пьянков хорошо знает М. Колодину. Знает, кто она, знает, что безбожница, атеистка. Приходила она к нему консультироваться — это его страшно поразило — по поводу какого-то положения из евангелия. Сперва проповедник относился к встречам настороженно, с недоверием.

— Вы же на пенсии, отдохнули бы,— посоветовал однажды с подчеркнутым участием.— Трудно, наверное, в вашем возрасте.

— Так и вы же старик, а проповеди читаете, не хотите на отдых.

— Если бы, как и вы, пенсию имел, отдыхал бы...

— А вы разве не по убеждениям богу служите?— спросила Колодина.

Смутился Пьянков, ничего не ответил, но с тех пор больше не уговаривал Марию Николаевну «отдыхать»...

Постепенно верующие привыкли к появлению в их доме Марии Николаевны. Увидели, что относится она к их убеждениям с уважением да и священное писание «учительша» знает преотлично.

Пресвитеру уже давно донесли: «учительша» ведет с верующими безбожные разговоры, брошюры всякие им приносит. Но ничего не поделаешь. «Хорошо еще, что она к нам одна ходит»,— думает Пьянков.

Внимательно присматривается Колодина к обитателям молитвенного дома. Каждый раз их собирается здесь 300—400 человек. Что это за люди? Что их привлекает сюда? Неужели проповеди?

Как-то Мария Николаевна пришла в молитвенный дом раньше обычного и расположилась во дворе на скамейке. Вскоре рядом присел пожилой мужчина. Колодина уже давно обратила внимание на этого «брата». Усталое лицо бороздили глубокие морщины. Держался он всегда с достоинством, когда молился, не впадал в экстаз. «Учительша» уже собралась было заговорить с соседом, но тот опередил ее:

— Как вас зовут?

Видимо, почувствовал, что женщина интересуется им.

— Мария Николаевна.

— А как вы назоветесь, когда предстанете перед господом на том свете?

— Никак не назовусь. И представляться на том свете не собираюсь.

— Так никогда и не умрете?

— Почему же не умру? Человек смертен. Умру, конечно, когда время придет. Но на том свете не буду. Нет того света. Есть только этот, наша родная Земля.

В одну из ближайших встреч Мария Николаевна как бы невзначай бросила:

— Не идет вам, Степан Михайлович, молиться.

— Почему вы так решили? — обиженно спросил Разин.

— Мнение у меня такое.

— А все-таки?

— А вы сами подумайте.

Две недели не появлялась Колодина в молитвенном доме. Две недели терзался в догадках «брат» Степан. Когда Колодина наконец появилась, он подошел к ней и признался:

— Задали вы мне загадку. Все время думал...

— Ну и как?

— Ничего не придумал.

— Тогда скажу вам по секрету: у вас слишком умный вид, чтобы ходить сюда и молиться.

Разину показалось было, что атеистка смеется над ним. Но серые глаза Марии Николаевны смотрели на него с сожалением, серьезно.

Что за человек этот Разин? «Обижен он, видимо, жизнью, одинок»,—почему-то думалось Колодиной. Но она ни о чем не спрашивала. Знала: время возьмет свое.

Вслед за уважением пришло доверие. И тогда Разин сам поведал о своей сложной и трудной жизни. Нелегко дался ему этот разговор.

Молодым пареньком вступил в отряд Красной гвардии. С оружием в руках устанавливал Советскую власть в Средней Азии. В пору культа личности Разина арестовали по ложному доносу. Почти четверть века провел в тюрьмах, лагерях.

После реабилитации Степан Михайлович возвратился в Алма-Ату. Однако отношения с женой и дочерью, у которой уже была своя семья, сложились неудачно.

Разин стал работать механиком в автобусном парке № 1.

Один за другим приходят и уходят автобусы. Поставит шофер машину, перекинется с механиком двумя-тремя словами — и айда!

Никогда еще, пожалуй, Разин так остро не ощущал одиночества, как в это время. «Вот и семьи нет. И в парке никому нет до тебя дела. Верно все-таки Харитина говорит, что один бог не продаст и не выдаст». Харитина — сторож в гараже. Однажды, когда Разин, в который уже раз, остался ночевать в автопарке, женщина эта подошла к нему, ласково посмотрела и сказала:

— Гляжу я на вас, Степан Михайлович, и удивляюсь: человек вы вроде самостоятельный, а какой-то неприкаянный...

Харитина настраивала Разина против товарищей, внушала ему недоверие к людям.

— О боге да о себе думать надо... Братья и сестры веры евангельской так с вами никогда не поступили бы. Вот комнату просите, а ее не дают. Всем дают, а вам отказывают.

Сперва с участливым словом подступала, а потом и евангелие подсунула. «Почитайте. Здесь вся правда написана».

А потом случилось так, что поселился Разин у той Харитины Огородовой. Не жить же ему на старости лет в гараже! И сразу же на Разина повели атаку богомольцы. Заводили душеспасительные беседы, приглашали в молитвенный дом — посмотреть, хор послушать, от горестных мыслей отвлечься.

Умилительный обряд целования, подчеркнутая вежливость, предупредительность «братьев» и «сестер» поразили и подкупили Степана Михайловича. А тут еще пресвитер стал подробно расспрашивать о житье-бытье нового «брата». Не разглядел тогда Разин фальшь и ханжество во всей этой их обрядности, доброте, поддался первому впечатлению.

Когда в коллективе парка узнали, что Разин ходит в молитвенный дом, от него и вовсе отвернулись.

А у сектантов свой план действий. Вызывают Харитину, угрожают ей: «За сожительство с неверующим из общины исключаем. Убедишь человека креститься — назад примем».

И Харитина перешла в наступление. Сожгла все книги Степана Михайловича, запретила ему слушать радио. А тут еще и на работе неприятности...

Разин был в том возрасте, когда можно на пенсию уходить. Но человек он еще вполне здоровый, трудоспособный и вовсе не собирается на заслуженный отдых. Да и специалист отличный. А руководители парка решили так: «Пусть быстрее отправляется на пенсию. По крайней мере на коллективе пятна не будет: сектант завелся».

Много лет проработал здесь Степан Михайлович. Получал грамоты, премии, благодарности. Тяжело было ему увольняться.

Ему выдали трудовую книжку, не вписав в нее ни одной благодарности. А через два месяца, оставшись один в затхлом мире богомольной Харитины, он принял крещение...

Молча слушала Колодина рассказ Разина. Не прерывала. Виде-

ла: случилось главное — тронулся лед отчуждения.

В тот вечер Мария Николаевна дала себе слово вырвать Разина из религиозного омута.

Она регулярно встречалась с Разиным либо в молитвенном доме, либо он звонил ей, и они шли гулять в парк. Как-то Разин обмолвился, что интересуется историческими романами. Колодина стала давать ему книги.

Для верующего человека данные науки далеко не всегда убедительны. Он больше верит библии, и надо в первую очередь поколебать эту веру.

Постепенно Колодина узнала о Разине все. Надо было разработать план действий. Она познакомилась с его дочерью Ией Степановной Рыбаковой, преподавателем географии, с ее мужем, инженером.

Дочка сокрушалась:

— Что обо мне товарищи подумают? Я географию преподаю, а отец в бога верит. Позор!

Колодина успокаивала:

— У каждого свои убеждения. В том, что ваш отец верующий, нет ничего зазорного. Давайте вместе поможем ему избавиться от заблуждений.

— Я завтра же с отцом серьезно поговорю...— решительно заявила Ия.

— Вот этого-то как раз делать и не следует,— остановила ее Мария Николаевна.— Так вы можете оскорбить отца, оттолкнуть его. Убеждения человека, какими бы они ни были, следует уважать. Никакой решительный разговор сейчас не поможет. Надо в первую очередь поколебать его слепую веру в священное писание, показать, что оно противоречит здравому смыслу. Степан Михайлович—человек умный, сам все поймет...

Ия стала часто навещать отца. Брала с собой сына и дочку. Рассказывала о школьных новостях, о детях, увлекающихся географией, о будущем походе по родному краю. Отец слушал с большим интересом, задавал много вопросов, мысленно переносился в мир этих пытливых и любознательных ребят: «Ишь, какие, строение Земли хотят знать!» И незаметно для него самого появились сомнения: «Если в библии—правда, то почему же в школе учат другому? Не станет Ия обманывать. У нее и свои дети». Ему захотелось разобраться во всем самому.

Разин перечитал много книг по географии. И сомнения, нагромождаясь одно на другое, бередили душу, не давали покоя. Теперь, беседуя с подопечным, Колодина уловила в нем нечто новое: он сравнивает прочитанное с текстом библии.

День ото дня беседы их принимали все более острый характер. И однажды случилось то, чего так терпеливо ждала Колодина: поправ излюбленное изречение святош — бог поруган не бывает,— Разин стал обсуждать библию.

«Брат» Разин спорил с самим собой. К этому своеобразному богословскому спору между разумом и чувством, совестью и верой его привела Мария Николаевна.

В книгах, написанных якобы Моисеем, повествуется о том, как Моисей умирал и как его хоронили. Но мог ли человек сам описать свою смерть и похороны?

...Все реже Степан Михайлович посещал теперь молитвенный дом. Это было замечено, и пресвитер пригласил «брата» к себе.

— Почему бога забыли?

— Неинтересно у вас. Все одно и то же говорите...

Пьянков попытался было припугнуть карой божьей. Да куда там!

Мария Николаевна ввела Разина в иной мир. Но она понимала, что этот мир не только Ия, ее муж Юра и она, Колодина. Воспитывает все наше общество, коллектив, окружающая жизнь. Она познакомила Степана Михайловича с интересными людьми. Разин невольно сравнивал: «братья» и «сестры» признают только своих, только верующих считают людьми. Все остальные, по их мнению,— антихристовы слуги поганые. А эти?.. Эти—кандидат биологических наук Н. Суворов, преподаватель медицинского института В. Штейн, кандидат философских наук В. Черняк, заведующая отделом пропаганды райкома партии Н. Жаворонкова, заместитель председателя атеистической комиссии при горкоме КПСС А. Корсакова... Беседует он с ними, как равный с равными. «Выходит, что не вера в бога делает человека лучше, добрей»,— думает Разин. И однажды он несколько торжественно заявил Марии Николаевне: «Вы открыли мне окно в жизнь...»

Теперь Колодина направилась в партбюро автопарка. Пора и эту силу вводить в бой: Разин должен убедиться на деле, что в коллективе нет враждебных ему людей, от которых нужно искать заступничества у бога. Она все рассказала, все, что произошло с Разиным после того, как его вежливо выпроводили на «отдых». Говорила сурово, открыто: «Как это вы, товарищи, человека потеряли!»

Над многим призадумались в те дни руководители автопарка. Выходит, что идеологическая работа — это не только лекции, доклады, плакаты, библиотека...

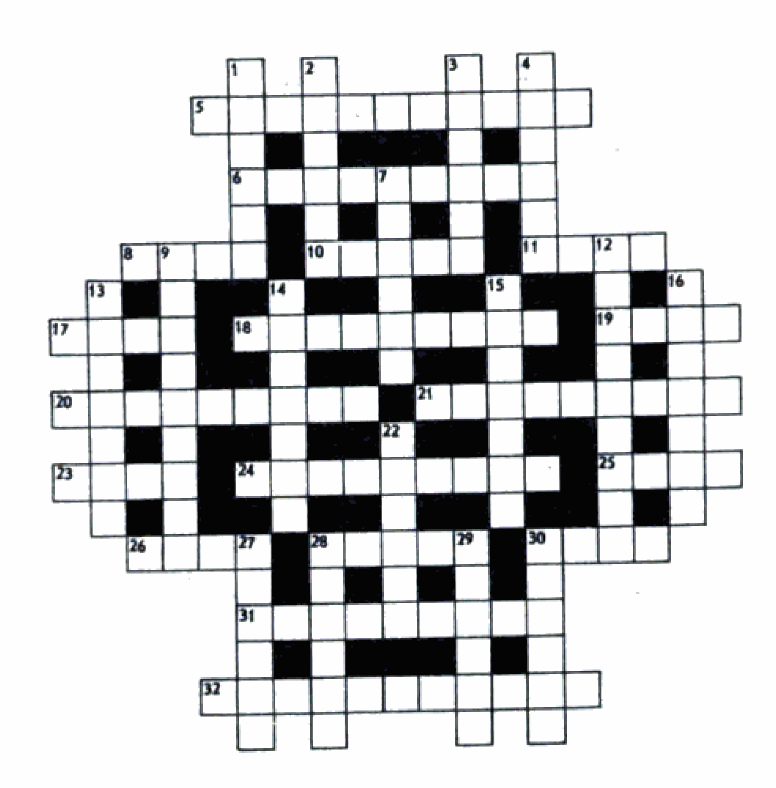
...Медленно, но она восстановилась, связь Степана Михайловича с коллективом. Он снова стал бывать на рабочих собраниях. Потом его пригласили как пенсионера поработать два месяца. Назначили общественным автоинспектором. Избрали членом уличного комитета. И он сразу почувствовал, что нужен людям, нужен как человек, а не как раб божий, безликая и безмолвная овца...

Разум восторжествовал. В одно из воскресений Степан Михайлович вручил пресвитеру короткое заявление: «Ваши взгляды не разделяю. В бога не верю. Выхожу из общины». То самое заявление, которое так взволновало пресвитера, побудив его прочесть несколько необычную для баптистов проповедь: «Надо дорожить нашим общим...»

...Всего три строчки было в заявлении, а стояли за ними два года терпеливой, вдумчивой работы Марии Николаевны. Может, за это время где-то прочитали сотни атеистических лекций... Может быть... Колодина пробивалась к душе «брата» Степана иной тропой...

...На этом можно было бы и точку поставить. Вырвали человека из религиозного омута, помогли освободиться от предрассудков. Вызвали смятение в умах и сердцах верующих: пресвитеру не удалось скрыть от них заявление Разина. Но Мария Николаевна намечает новые рубежи: Разин должен стать активным борцом с мракобесием, пропагандистом атеизма.

Алма-Ата.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Автор повести «Железный поток». 6. Название советского журнала. 8. Твердый минерал. 10. Река в Англии. 11. Выпуклая замкнутая кривая. 17. Свадебный головной убор невесты. 18. Система счисления времени. 19. Экспедиционное судно Ф. Нансена. 20. Опера Дж. Верди. 21. Персонаж романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 23. Лошадь малорослой породы. 24. Сырье для бумажной промышленности. 25. Часть света. 26. Большой декоративный сад. 28. Чемпион СССР по шахматам. 30. Минеральная краска. 31. Известковые образования в пещерах. 32. Коробка для сбора растений.

По вертикали:

1. Порт на побережье Средиземного моря. 2. Сплав для заливки подшипников. 3. Основной аккорд лада. 4. Спортивное общество. 7. Областной центр РСФСР. 9. Азбука старославянского языка. 12. Места в зрительном зале. 13. Мужской голос. 14. Хищное животное. 15. Железнодорожная тележка. 16. Продукт перегонки нефти. 22. Планета. 27. Камера для работ под водой. 28. Тонкая веревка. 29. Химический элемент. 30. Раздел физики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 5. Скобликова. 8. «Детство». 9. Арлекин. 10. Жюри. 11. Бостон. 13. Адидже. 16. Радиан. 18. Балетмейстер. 21. Анабас. 24. Орлеан. 26. Резина. 27. Роза. 28. Бомарше. 29. «Колокол». 30. Гарибальди.

По вертикали: 1. Юкатан. 2. Обложка. 3. Украина. 4. Иволга. 6. Гексод. 7. Жиздра. 11. Баронко. 12. Ондатра. 14. Делегине. 15. Ежевика. 16. Риека. 17. Насос. 19. Балкон. 20. Свиток. 22. Наречие. 23. Алаколь. 25. Нарзан. 26. Рулада.

Реплика

ЗАБЫВЧИВЫЙ КРИТИК

В статье «Иван Денисович, его друзья и недруги», опубликованной в № 1 журнала «Новый мир», В. Лакшин к числу недругов героя повести А. Солженицына отнес журнал «Огонек» и его автора А. Налдеева. Почему же? За какую такую провинность?

В своей маленькой рецензии на роман И. Лазутина «Суд идет» («Огонек» № 39, 1963 г.) критик А. Налдеев написал: «В отличие от повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» роман И. Лазутина поворачивает перед нашими глазами множество граней жизни». И все. Больше о повести А. Солженицына в рецензии не сказано ни слова. Но этого оказалось достаточно, чтобы критик В. Лакшин зачислил журнал «Огонек» в число «недругов» Ивана Денисовича. Зачем понадобилось это критику Лакшину, неизвестно. Известно одно, что он ввел читателей «Нового мира» в заблуждение. Все дело в том, что, кроме заметки критика А. Налдеева, в которой оказалась фраза, не понравившаяся критику В. Лакшину (кстати, не дающая основания зачислять Налдеева в недруги Ивана Денисовича), «Огонек» неоднократно выступал с положительной оценкой повести «Один день Ивана Денисовича».

В статье Ник. Кружкова («Огонек» № 49, 1962 г.) давалась высокая оценка этому честному, правдивому произведению. В № 52 за 1962 год в литературном обозрении А. Макарова и в № 5 «Огонька» за 1963 год в обозрении Б. Сучкова повесть Солженицына оценивалась также положительно.

В. Лакшин предпочел об этом забыть или не заметить этого. Нам в связи с этим хочется сказать читателям «Нового мира»: не верьте критику В. Лакшину. Он искусственно фабрикует недругов Ивана Денисовича!

И художник и литератор

Корней ЧУКОВСКИЙ

Мне вспоминается картинка к некрасовским «Размышлениям у парадного подъезда»: на улице вьюга, мороз, мостовая засыпана снегом, и по ней, леденея от лютого холода, бредут в изодранных тулупах мужики.

Картинка неплохая, но она была бы еще совершеннее, если бы художник счел нужным прочитать те стихи, которые он иллюстрирует. Там ему попались бы строки:

> И пошли они, солнцем палимы...

И он понял бы, что дело было летом, в июне — июле, а пожалуй, и в августе, когда людям свойственно не столько страдать от мороза, сколько от сильной жары.

Конечно, не все иллюстраторы отличаются такой странной рассеянностью.

Иной и пытается добросовестно вникнуть в каждую строку того текста, который ему надлежит иллюстрировать, но у него не хватает духовной культуры, не хватает чутья, чтобы как следует уловить стиль этого текста, его жанр, его смысловую направленность.

Все дело в понимании текста, в умении вдумчиво и проницательно прочитать этот текст. Нужно быть талантливым читателем, а этот талант так же редок, как и всякий другой. Оттого-то многие иллюстрации к творениям наших любимых писателей воспринимаются нами как оскорбительная ложь и клевета. Помню, еще в досоветское время в Москве вышло «роскошное» издание «Войны и мира» с иллюстрациями бойкого художника Апсита. Было похоже, что симфонию Бетховена пытается сыграть на барабане дикарь. Только выдрав из этой книги все иллюстрации — все до единой! — можно было спокойно приняться за чтение.

Словом, нельзя допускать, чтобы художник невысокого культурного уровня, с нищенски убогой душой иллюстрировал такого писателя, духовная жизнь которого ему недоступна, так как в этом деле важнее всего понимание, глубокое проникновение в замысел автора, духовное родство с этим автором.

Отсюда удача иллюстраций Врубеля к «Моцарту и Сальери» (помню, какой восторг они неизменно вызывали у И. Е. Репина), удача иллюстраций Александра Бенуа к «Медному всаднику», удача иллюстраций Л. Пастернака к «Воскресению», иллюстраций Добужинского к «Белым ночам», иллюстраций Е. Лансере к «Хаджи Мурату», иллюстраций Вл. Фаворского к «Слову о полку Игореве», Пушкину, к Бернсу.

Отсюда все успехи такого даровитого художника, как Николай Кузьмин.

За свою долгую жизнь он проиллюстрировал множество книг, и высокое качество его иллюстраций объясняется именно тем, что он всегда был идеальным читателем, другом и союзником каждого автора, которого он иллюстрировал, истолкователем его чувств и дум, близким ему по духовной культуре.

Сюита его иллюстраций к «Евгению Онегину» (1933) входит органически в пушкинский текст и образует с ним единое целое. Трудно отказаться от мысли, что Пушкину они пришлись бы по душе, как и нам, тем более что исполнены они в той же непринужденной манере, какая, судя по бесчисленным рисункам поэта, была свойственна ему самому.

В этих иллюстрациях Кузьмин выдвигает на первое место не те эпизоды «Онегина», которые тысячу раз изображались другими художниками и без конца демонстрировались на оперной сцене, а преимущественно лирические отступления романа, где ярче всего отражается его причудливый поэтический стиль.

Отсюда и другие победы художника.

Когда рассматриваешь, например, его иллюстрации к бурлескам Козьмы Пруткова, кажется, будто он и сам принадлежал к тому веселому кружку молодых литераторов, который в середине минувшего века создал эти озорные пародии, эпиграммы и шаржи,— так чудесно гармонируют его иллюстрации с их уморительным текстом.

Или вот — «Оскудение» Сергея Атавы. Без особого интереса перелистывал я сборник этих старинных сатирических очерков, напечатанных на варварски серой бумаге, и вдруг меня обдало запахом знакомой эпохи, памятной мне по воспоминаниям раннего детства, — я увидел иллюстрации Кузьмина: не только всю бутафорию тех далеких годов — мебель, портьеры, обои, одежда,— но и позы, и прически, и выражения лиц — все было воскрешено, словно магией. Самая квинтэссенция щедринских семидесятых годов. И кажется чудом, что рисунки эти не утратили своей выразительности даже тогда, когда издательство напечатало их на такой никуда не годной, шершавой бумаге.

Словом, какого бы автора ни иллюстрировал Н. В. Кузьмин, всюду он встает перед нами как собрат и сподвижник писателей, чрезвычайно остро ощущающий и стиль их эпохи и их собственный стиль.

Он самый литературный из всех наших графиков.

Было невозможно понять: откуда у него такая литературная хватка? Отчего каждый его книжный рисунок по своей манере, по стилю так родственно близок той книге, которую он иллюстрирует?

Лишь теперь наконец-то, с большим запозданием, когда художнику перевалило за семьдесят, эта драгоценная черта его творчества вполне объяснилась для нас, и притом самым неожиданным образом.

Оказалось, что он, иллюстратор чужих повестей и рассказов, и сам обладает дарованием писателя, сам пишет повести и рассказы, да не какие-нибудь, а очень удачные, очень искусные! До сих пор по непонятной причине он таил от нас свое писательское дарование под спудом и вот на старости лет выступает с первыми литературными опытами, которые по своему мастерству нисколько не уступают его лучшим рисункам [1].

Поистине это кажется чудом! В советскую литературу на восьмом десятке своей жизни в роли юного автора, новичка-дебютанта входит престарелый художник, никогда ничего не писавший, и его первая книжка прельщает читателя с первых же строк зрелостью своей поэтической формы. Знаток языка, тонкий, изощренный стилист, мастер писательской техники — вот каким предстает перед нами этот «неопытный», «начинающий» автор. Не сомневаюсь, что до того, как обнародовать свою первую книжку, он прошел долгую литературную школу, то есть, иными словами, всю жизнь, до преклонного возраста был, так сказать, потенциальным писателем. В его стиле нет ничего дилетантского: попробуйте найдите у него на страницах хоть одну неуклюжую, неряшливую, корявую фразу!

Существует немало профессиональных писателей, для которых стиль этого новичка-дебютанта мог бы служить образцом: так он выразителен, колоритен и свеж.

Книжка посвящена главным образом быту мелких, захолустных мещан. Кузьмин превосходно воспроизводит их бойкую речь, ее лексику, ее интонации. Вообще у него взыскательный слух к звучанию каждого слова: его дикция всегда подчиняется живым — и очень естественным — ритмам. Притча «Счастье» с ее великолепной концовкой да и некоторые другие рассказы звучат у него как стихотворения в прозе.

Так же велико мастерство Кузьмина в обращении со зримыми образами. Каждого из своих персонажей он характеризует не только их типической речью, но и теми «предметами предметного мира», с которыми связана их повседневная жизнь: убранством их комнат, их одеждой, их утварью. Все эти предметы живут в его книге недаром: они часто сигнализируют нам о душевных переживаниях героев. Таков, например, кусок мела, который был раздавлен у классной доски толстыми и глупыми пальцами Пьера Ширинкина в ту минуту, когда этот дюжий кретин получил заслуженную им единицу.

И какой чрезвычайной типичностью обладают те вещи, которыми украшены салоны двух барынь провинциального «высшего света» в «Пьере Ширинкине» и в «Судье и Венере»! И до чего типичны иконы с цветными лампадками, заполняющие кабинет предводителя, и те пестрые этикетки от пакетиков чая, которыми оклеена крышка в сундучке у старухи Настасьи Семеновны!

Конечно, было бы удивительно, если бы такой страстный книголюб, как Кузьмин, не пытался характеризовать кое-кого из своих персонажей теми книгами, какие приходятся им по сердцу больше других. Так, главной чертой в привлекательном образе учителя Гурия Степановича (в рассказе «Последний класс») он считает его пристрастие к философской поэзии — к Тютчеву, Владимиру Соловьеву, Фету, а также к Григорию Сковороде и Достоевскому. А герой рассказа «Федор Антонович» для Кузьмина в значительной степени определяется тем, что, не любя ни Э.Т.А. Гофмана, ни Виктора Гюго, он отдает всю свою суровую душу Чернышевскому, Некрасову, Курочкину.

Перелистывая эти рассказы, мы видим, какую колоссальную роль в жизни самого Кузьмина играли чуть ли не с младенчества книги. Все его детские годы были перенасыщены ими. В рассказе «Последний класс» мы знакомимся с ним как с подростком, которого тесным кольцом окружают книги Чехова, Горького, Леонида Андреева, Эдгара По, Оскара Уайльда, Гамсуна, и каждая из этих книг воспринимается им как событие.

И нужно ли говорить, что, как явствует из того же рассказа, он с юных лет опьянен и зачарован стихами, знает их тысячи: и Никитина, и Щербину, и Апухтина, и Сологуба, и Блока! Охотно и щедро он цитирует их у себя на страницах.

Лишь теперь, когда благодаря его книге нам открылась эта особенность биографии Н. В. Кузьмина, нам стало понятно, почему в каждой своей иллюстрации он обнаруживает такое тонкое понимание всякого литературного текста: он с юности один из самых начитанных, самых просвещенных художников наших.

Книги, стихи и картины (которые он еще мальчиком стал изучать по разным ничтожным открыткам) были для него единственным спасением от мещанской трясины. Она легко засосала бы его всего с головой, если бы он с детства не приобщился к искусству — к литературе и к живописи.

В этом и заключается главная, в высшей степени поучительная тема его автобиографической книги: как путем неустанной работы над своим воспитанием сын захолустного портного пробивался из грязи и пошлости к высшим ценностям всемирной культуры и как этим трудным путем он спасся от угрожавшей ему обывательщины.

[1] В издательстве «Советский художник» скоро выходит в свет книга автобиографических рассказов Ник. Кузьмина «Круг царя Соломона».

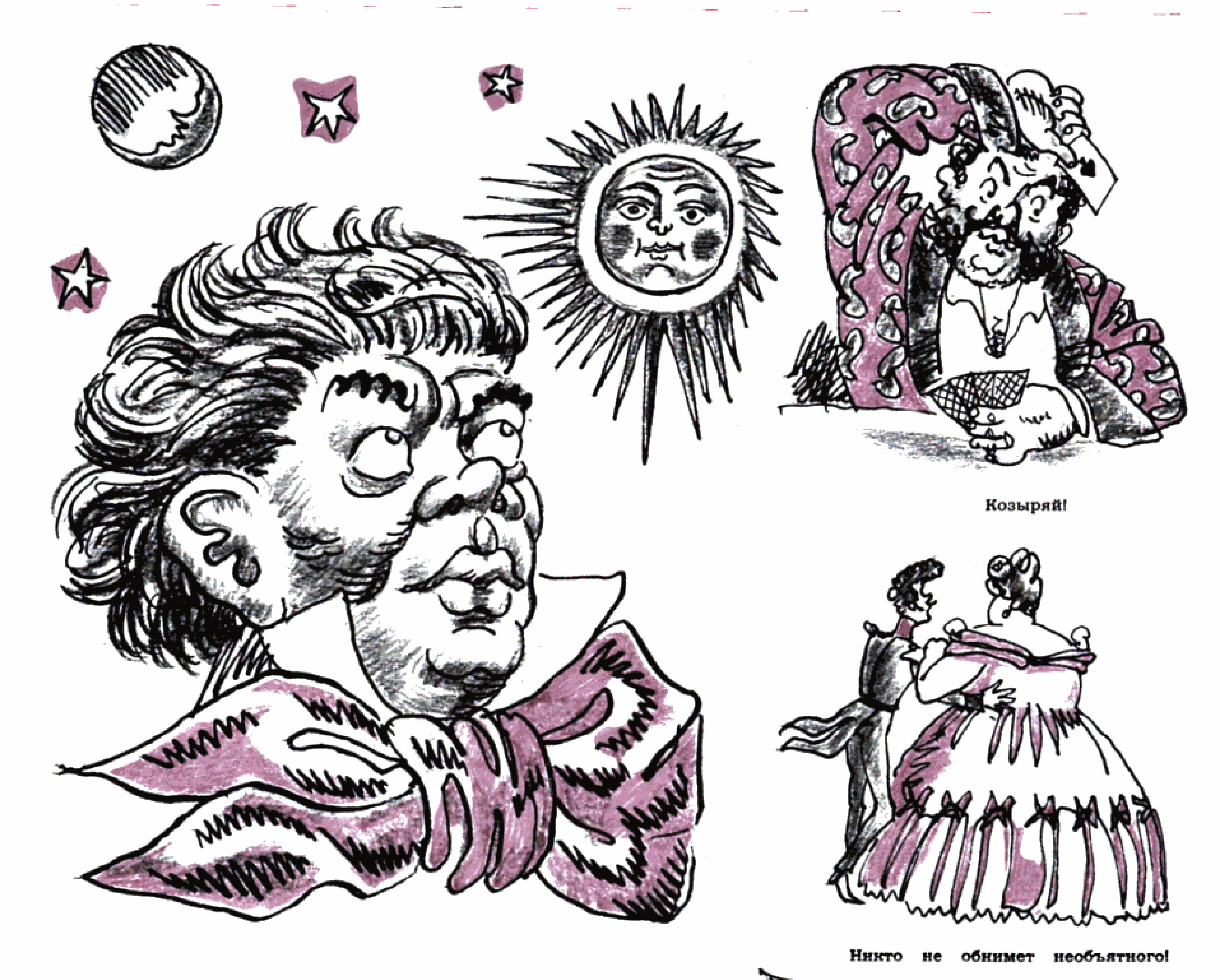

Не все стриги, что растет.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ Н. В. КУЗЬМИНА К АФОРИЗМАМ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц? — ответствуй: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло, а месяц — ночью.

Козыряй!

Никто не обнимет необъятного!

Нет столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною еще большая. Нет вещи столь малой, в которую не вместилась бы еще меньшая.

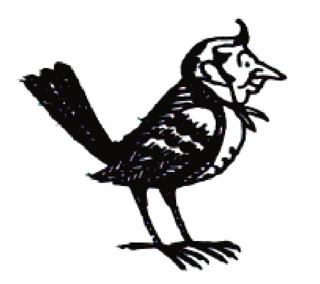
Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння.

Начиная свое поприще, не теряй, о юноша! драгоценного времени!

Пища столь же необходима для здоровья, сколь необходимо приличное обращение человеку образованному.

Женатый повеса воробью подобен.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00625. Подписано к печати 12/II 1964 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 2 000 000. Изд. № 199. Заказ 325.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

БЕЛАЯ ОЛИМПИАДА

Советские спортсменки — победительницы забега на 500 метров — на пьедестале почета. Слева направо — Ирина Егорова (серебряная медаль), Лидия Скобликова (золотая медаль) и Татьяна Сидорова (бронзовая).
Фото ЮПИ.

На первой странице обложки: Чемпионы IX зимних Олимпийских игр в Инсбруке Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Они завоевали золотые медали в парном фигурном катании.
Фото М. Боташева.

Встреча хоккеистов СССР—США.

Индекс 70663
Цена номера 30 коп.